СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ко второму изданию 7

Вступление 14

Исповедь бывшей послушницы 25

Вместо заключения 279

Примечания 284

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Я занимаюсь изучением новых религиозных движений (НРД). Исследую то, что в обиходе часто называют «культами», «сектами», а иногда и «сектами деструктивными». Мои коллеги, однако, этими терминами предпочитают не пользоваться: они содержат негативные смыслы, ученый же должен не наклеивать ярлыки, а объективно изучать явление. Напротив, термин «НРД» абсолютно нейтрален и никак не мешает научному анализу. Но речь о другом. Почему я вдруг пишу о книге, которая рассказывает про современное православное монашество? Мое небольшое предисловие, надеюсь, даст ответ на этот вопрос.

У нас в стране сейчас на подъеме борьба с «культами» и «сектами». Есть целое движение, которое вдохновляется Русской Православной Церковью, но находит поддержку и в государственных структурах,

и среди самой широкой публики. Его активистов называют «антикультистами», но я предпочитаю именовать их «сектоборцами». Мне кажется, наименование должно прийтись им по душе: звучит героически, почти как «драконоборцы». По сути, они и сражаются с мифическими драконами, сваливая новые религии в одну кучу и объявляя их заклятыми врагами человечества. Конечно, это не так. Все религии, включая христианство, когда-то были новыми.

Но это вовсе не значит, что ученые не замечают опасных сторон НРД. Они объективны, но не близоруки. Я выделяю несколько опасных моментов в изучаемом мной явлении и называю их «факторами риска». Прежде всего это «гуруизм». Термин возник сравнительно недавно от санскритского «гуру», но имеет негативный смысл и обозначает злоупотребление авторитетом со стороны духовного лидера. Дэвид Кореш из «Ветви Давида», Герфф Эпплуайт из «Небесных врат» — типичные образчики гуруизма. У нас в России тоже есть сходный персонаж — Константин Руднев из «Ашрама Шамбалы». Отмечу, что с гуруизмом в самих новых религиях борются гораздо эффективнее на Западе, чем на Востоке. Демократический этос извергает из себя подобные вещи: в 1984 году члены Сан-Францисского необуддийского центра изгнали своего лидера — роши Бейкера. Да и сам термин возник на Западе.

Второй фактор риска — «радикальный апокалиптизм». Калифорнийские «Небесные врата» ожидали прилета кометы Хейла-Боппа, в хвосте которой прятался корабль пришельцев. Инопланетяне должны были забрать их духовные сущности и

уничтожить Землю, а собственные тела адептам были не нужны, и они отравились. Члены «Аум Синрикё» ожидали конец света, а когда он не произошел, решили приблизить его своими руками и распылили зарин в токийском метро. Общее у всех трех трагедий — авторитарные лидеры, которые сумели убедить своих адептов, что конец света неминуем и надо срочно спасаться. Очевидно, что «гуруизм» и «апокалиптизм» нередко, хотя и не всегда, связаны между собой.

Два последних фактора более прозаичны. Во-первых, это злоупотребление медициной или отказ от нее. Во-вторых, различного рода финансовые махинации. Неконтролируемое использование психоактивных препаратов, как и отказ от медицинских процедур по высшим соображениям, может привести к очень печальным последствиям. Эпплуайт пичкал своих адептов разными пилюлями для достижения правильного уровня сознания, а потом и вовсе помог им отправиться в иной мир с помощью фенобарбитала. Запрет на переливание крови у Свидетелей Иеговы вряд ли способствует здоровью верующих. Не менее трагичным может стать и религиозно мотивированный отъем собственности. Страх оказаться на улице без надежды на жилье — серьезный тормоз для тех, кто хотел бы порвать с новой верой.

Я так подробно остановился на факторах риска, с которыми могут столкнуться (но на самом деле сталкиваются нечасто) адепты НРД, потому что их примеры в изобилии встречаются на страницах книги, которую вам предстоит прочесть. А речь в ней,

напомню, идет о быте вовсе не новых религий, а православных российских монастырей. Именно на этом материале Мария Кикоть провела столь исчерпывающее исследование гуруизма, что ей может позавидовать любой социолог религии. То, что я называю автобиографическое повествование «исследованием» — не случайная оговорка. Конечно, Мария не ставила над собой научный эксперимент, прибегая к методу включенного наблюдения и стойко претерпевая бытовые и душевные тяготы ради научных достижений. Ее мотивация носила экзистенциальный характер, поэтому пережитый и пересказанный ею опыт уникален. Однако она наблюдала за ужасами безграничной власти матушки-игуменьи Николаи над ее душой и телом как бы извне, а этого, собственно, и требует метод участия/наблюдения. Отсюда сходство с социологическим исследованием. Объясняется ли это природным складом автора или неплохим медицинским образованием, не берусь судить. Замечу лишь, что интонация отстраненного самоанализа придает повествованию удивительную достоверность. И помогает понять, насколько уязвима верующая душа для психологических манипуляций упоенной своей властью гуру — игуменьи.

Второй фактор риска — радикальный апокалиптизм — автор книги в полной мере испытала на себе в сибирском монастыре Архангела Михаила в Шубинке, где подвизалась два года, пока не довела себя до полного физического и душевного изнеможения. Старец Наум, благословивший Марию отправиться в этот монастырь, пророчествовал о грядущем конце света. Атмосферой сумеречного ожидания была про-

низана вся жизнь насельниц — от бытовых деталей (поиск механических инструментов, ведь электричество, когда придет Антихрист, отключат) до отказа от документов, где содержалось «число зверя». «Последнее было не такой уж невинной причудой, ведь заболей кто-то из монашек или послушниц, не приняли бы в больницу», — грустно констатирует автор. Положительным было лишь отсутствие доносительства. Действительно, какой смысл монахиням доносить друг на друга, если вот-вот придут Антихрист со Спасителем и решат между собой их проблемы? Но этот плюс автор смогла в полной мере оценить лишь во втором своем монастыре — образцово-показательной Свято-Никольской Черноостровской обители, где стукачество оказалось нормой жизни. В сибирском же монастыре ожидание неминуемого конца так пагубно отзывалось на душевном состоянии сестер, что они постоянно пребывали в депрессии. И понятно было, что если пророчества старца примут еще более панический характер, монахини запросто пойдут на крайние меры. Зароются под землю, как это случилось с их единоверцами под Пензой, или учинят еще что-то в этом роде.

Третий фактор риска, связанный с медициной, предстал перед автором книги в полный рост в Свято-Никольской обители. Выпускница «Пироговки» сразу поняла, насколько мощными психотропными препаратами потчует матушка-игуменья своих насельниц. Делалось это исключительно для того, чтобы погасить любые искры протеста. Управлять безответными «овощами» было гораздо проще, чем живыми людьми с непредсказуемыми реакциями.

Монахини же охотно употребляли сильные лекарства, потому что выдержать тоталитарные ухватки игуменьи, казарменную дисциплину и тяжелый труд не каждому было по плечу. Автор признается, что и самой ей под конец пребывания в обители было сложно обойтись без феназепама. Материализация знаменитой метафоры Маркса о религии как опиуме для народа происходила в обители прямо на глазах.

И, наконец, четвертый фактор — финансовые злоупотребления. Квартиры монахинь переписывались на монастырь под разными предлогами. Эксплуатация бесплатного монашеского труда шла полным ходом. При этом доходы от него, как и спонсорские деньги, шли не только и не столько на благоустройство обители, сколько на устройство роскошной жизни для горстки избранных с игуменьей во главе. И на лукулловы пиры для тех же спонсоров — на те пиры, объедки от которых с наслаждением доедали вечно голодные насельницы. Возникает вопрос — почему все эти опасности, которые иногда подстерегают НРД, но которые православные сектоборцы обличают как обязательный атрибут сектантской жизни, расцветают буйным цветом в средоточии православной святости — монастырях?

Ссылкой на евангельскую притчу о бревне в собственном глазу и соринке в чужом тут не отделаться. Наличие общих факторов риска имеет под собой вполне объективные причины. Начнем с того, что религия сама по себе дело очень рискованное. Поднимая человека до заоблачных высот, она может больно уронить его на землю и даже глубже. История любой религии знает массу примеров и того и друго-

го. Это имеет под собой и психологические, и социальные, и политические причины. И все они неплохо изучены. О первой уже говорилось выше: верующая душа — идеальный объект для манипуляций, поскольку вера в Бога слишком легко подменяется в ней верой в его служителей. Социальная причина тоже очевидна — естественная потребность людей держаться вместе слишком легко превращается в агрессивное единение против общего врага. Ясна и политическая сторона вопроса. Искушение властью удалось с честью выдержать лишь одному верующему — Христу. Может быть, еще Будде, но буддизм — это не совсем вера.

Как убедительно показывает книга Марии Кикоть, гуруизм, апокалиптизм и прочие беды подстерегают не только новые, но и старые религии. От этих опасных болезней не застрахован никто. Конечно, не стоит равнять старые и новые веры по степени риска. Мне посчастливилось говорить на эту тему с покойным Григорием Соломоновичем Померанцем. И он мудро заметил, что у старых религий с возрастом вырабатываются защитные механизмы хотя бы против некоторых внутренних опасностей. А новые религии учатся от них защищаться по ходу дела. Да и вообще, молодежи свойственна безоглядность. Так что вместо того чтобы обличать младших в преступной неосторожности, лучше поделиться с ними проверенными рецептами. Не забывая при этом прибегать к ним самим.

Борис Фаликов,
доцент Центра изучения религии РГГУ

ВСТУПЛЕНИЕ

Когда ты нашел смысл и истину в православии, то всё и все вокруг обещают (да и сам надеешься), что принадлежность к церковному сообществу и доверие старшим дают гарантии. Делай так-то и так-то, тогда спасешься — таких рецептов можно много прочесть во всякой благочестивой литературе. И вот, вроде все делал правильно, как в книжке написано, как батюшка благословил, вроде исполнял волю Божию... А получилось...

Книга Марии Кикоть — это попытка осмыслить, почему послушница превратилась в «бывшую» и ушла из образцово-показательного монастыря, куда ее благословил поступить духовный отец. Автор рассказывает, как в 28 лет она стала православной и попробовала идти по пути монашества, никак не ожидая, что святая обитель окажется тоталитарным адом. В книге нет какого-то остросюжетного «экшна» или интриги. Но жизнь женского монастыря как она есть, описанная изнутри, без прикрас, производит очень сильное впечатление.

«Исповедь бывшей послушницы» была написана автором не для публикации и даже не столько для читателей, сколько прежде всего для себя, с терапевтическими целями. Но повесть мгновенно срезонировала в православном рунете и, как многие заметили, произвела эффект бомбы. Оказалось, что «бывших» много. Оказалось, что бесправие послушниц и монахинь, безразличие начальства к их психическому и физическому здоровью, душевные страдания и поломанная жизнь — это не исключение, а скорее типичная ситуация для современной России. И автору удалось рассказать обо всем этом так, что заткнуть уши уже как-то не получается.

После того как Мария опубликовала свою «Исповедь» частями в Живом Журнале, ей ответили десятки женщин и мужчин: чтобы подтвердить истинность ее слов, чтобы дополнить их своими историями, чтобы поблагодарить за смелость и решимость. Получилось нечто похожее на флешмоб *#янебоюсьсказать* о пережитом сексуальном насилии, который недавно потряс русскоязычное интернет-сообщество. Только в рассказе Марии речь идет о насилии эмоциональном — о манипуляции людьми, которое и мучители, и жертвы выдают за истинную святоотеческую традицию православного монашества.

Нашлись, конечно, и критики. В чем бы Марию ни обвиняли, я не думаю, что она нуждается в защите или оправдании. История этой книги говорит сама за себя — своей искренностью и простотой она случайно попала в какое-то сокровенное место системы, и защищать его будут даже вопреки здравому

смыслу. Но о некоторых упреках в адрес автора я все-таки упомяну. Кто-то заметил, что заглавие не соответствует содержанию: в «Исповеди» нужно-де писать о своих грехах, а тут не видно укорения себя и раскаяния. Это, однако, не так. Нелишне вспомнить, что в православии (только настоящем, а не тоталитарном) исповедь (или покаяние) — это таинство деятельного изменения себя, своей души через осознание своих ошибок, процесс, в котором Бог сотрудничает с человеком. Я вижу в книге Марии именно такую перемену ума — так переводится греческое слово «метанойя», покаяние — в отношении себя, своей веры и своего опыта. Другое сомнение некоторых читателей — в правдивости рассказанного. Тут можно и не комментировать — мне, скажем, вполне достаточно публичных свидетельств нескольких человек, непосредственно связанных с монастырем и упомянутых в повести. Скорее даже наоборот — Мария о многом умолчала: где-то по недостатку памяти, где-то из опасения навредить людям. Об этом она и сама пишет у себя в ЖЖ.

Самый успешный российский православный интернет-портал взял несколько интервью-комментариев по поводу «Исповеди» у нынешних игуменов и монахов РПЦ. Практически все они попытались оправдать монастырь и описанные в нем порядки, а автора обвинили в непорядочности и в отсутствии смирения и терпения. Один из респондентов, наместник Валаамского монастыря епископ Панкратий, не читавший повесть, выразил недоумение, почему же сестры до сих пор не ушли из такой обители, и посоветовал всем из плохого монастыря разбегаться. Если бы он все-таки прочитал «Исповедь», то он бы мог

в деталях узнать о механизме превращения людей в безвольных и преданных рабов, который так прекрасно описан Марией и на уровне психологической зависимости, и на уровне материального бесправия. Сопротивляться построенной системе, когда ты уже попал внутрь, практически невозможно. А те, кому удается сбежать и справиться с чувством вины от того, что нарушил благословение игумении (а значит, конечно, и «волю Божию»), остаются наедине со своей собственной десоциализацией и депрофессионализацией, случившейся за годы пребывания в монастыре. Поэтому многим ничего не остается, как «покаяться» и вернуться. Но неужели епископ Панкратий, сам монах, который провел немало времени в церкви и знает о монастырской жизни значительно больше, чем кто-либо другой, ничего об этом не слышал?

Многие ответы-апологии прямо или косвенно доказывают правдивость книги. Это, например, письмо девяти игумений в защиту монастыря, подписанное его «выпускницами», духовными дочерьми игумении Николаи, которые теперь сами стали настоятельницами в российских женских обителях. В этом письме — даже если отвлечься от стилистики доноса в лучших советских традициях — матушки сообщают, что на самом-то деле в монастыре есть и сауна, и сыроварня, и аптека, и заграничные поездки для детского хора, и богатые трапезы... Но все эти атрибуты эффективного менеджмента для гостей и спонсоров никак не опровергают, а напротив, подтверждают многие подробности, описанные Марией. Они лишь усиливают впечатление, что внешнее благолепие в нынешней церковной системе оказывается для кого-то из

церковных руководителей важнее, чем возрастание верующих людей во Христе.

Ни сама игумения Николая, ни вышестоящее церковное начальство пока никак не прокомментировали появление «Исповеди». А ответы разных других батюшек и матушек сводятся, по сути, к тем же советам ни о чем, которые в книге давал Марии ее духовник отец Афанасий: смиряйся, терпи, кайся. Почему-то все они не могут или не хотят защитить вверенную им на попечение душу, что, вообще-то, и есть их первая пастырская обязанность (а вовсе не отстаивание корпоративных интересов).

Почему же такая бурная реакция? Очевидно, «Исповедь» задела какой-то ключевой узел современного российского православия. Главная ниточка в этом узле, за которую невольно потянула Мария — послушание начальнику, которое делается высшей и фактически единственной добродетелью. Мария показывает, как «послушание», «смирение» и «благословение» становятся инструментами манипуляции и создания концлагеря для тела и души. Тема манипуляции в современной РПЦ недавно была поднята в публичной лекции психотерапевта Наталии Скуратовской, которая, кстати, тоже вызвала возмущение у некоторых верующих (правда, вопрос: верующих во что?). Смысл их возмущения сводился примерно к следующему: манипуляции в Святой Церкви? Да как вы могли осмелиться сказать такое?!

Между тем Мария в своей книге рассказывает именно о том, как старец, игумения, духовник злоупотребляют своей властью над доверившимися им людьми.

А средство манипуляции здесь — это искреннее стремление человека к истине и поиск Бога. Это страшно. Тут вспоминаются слова Евангелия, что есть грехи, которые не простятся ни в сем веке, ни в будущем. Вопрос, который возникает у нормального человека: как получилось, что мы так далеко зашли в поисках православной жизни, что апологеты игумении пеняют Марии на то, что она недостаточно возлюбила вот это вот все и потому сама виновата, что свернула со спасительного пути? Где и когда произошла и происходит подмена истины корпоративностью и субкультурой?

Другая ниточка — это монашество. Вроде как считается, что в миру все мирское и, соответственно, требования к чистоте жизни и служения ниже, тогда как у монахов — повышенная концентрация святости или по крайней мере борьбы с грехом. Если в обычном приходе в миру творится черт-те что — поп, например, корыстный и духовной жизни ни у кого не наблюдается, — то это, в общем, объяснимо. Ведь все мы грешные и живем среди соблазнов и искушений мира. А вот когда оказывается, что у монахинь ангельского образа, невест Христовых, которые специально собрались, чтобы спасаться и духовно возрастать, в специальное место, где они ограждены от мирских страстей и где должны быть все условия подвизаться — вот если у них не только процветает порок, но и приобретает еще более уродливые формы, чем в миру... Опять впору задуматься, что же происходит с РПЦ. Эта книга как минимум развенчивает миф о какой-то особенной святости монастырской жизни. Монахини — обычные люди, причем как они пришли в монастырь

обычными, так обычными и остаются, а святыми не становятся. И что гораздо важнее — рассыпается иллюзия безусловной спасительности пребывания в монастыре. Если в монастыре что-то пошло не так, то как бы тебя ни благословляли на подвиг старцы, как бы ты ни смирялся и ни терпел, скорее всего, ты нанесешь своей душе вред, и есть все шансы, что непоправимый. Поэтому спасибо Марии за книгу-предупреждение: теперь есть надежда, что те, кто ее прочтет, не будут уже слепо доверять своим духовным лидерам, не отступятся под их давлением от себя, от своей души, от своих собственных отношений с Богом, от своего призвания (монашеского или иного). А для уже ушедших из монастыря «Исповедь» будет поддержкой на пути к реабилитации. Потому что за этим текстом стоит огромная внутренняя работа с собой, со своим сознанием, отравленным в деструктивной среде. Это тяжелый период возвращения к жизни, к профессиональной деятельности, к близким. Спасибо Марии и за этот труд, проделанный ради себя, но в итоге ради читателей и нас всех. Не будь его, такая книга не могла бы быть написана и не могла бы быть написана именно так — чтобы через положительный опыт преодоления созидать в читателях что-то хорошее.

И особенно с пользой для себя прочтут эту книгу любители православной аскетики. Дело в том, что «Исповедь» помогает в приобретении такой святоотеческой добродетели, как рассуждение помыслов, страстей и добродетелей (см. «Лествица», Слово 26), то есть умения отличать настоящее от подложного, истинных пастырей от волков, вредное для души от полезного, нормальную духовную

пищу от яда. А у православного мейнстрима в нашей стране с этой добродетелью вообще все не очень хорошо и уже давно (как минимум с 20–30-х годов XX века, когда многие верующие из ложно понятого послушания поддержали свое церковное начальство, которое поддержало коммунистов-безбожников). Кстати, о «Лествице» автор пишет с какой-то особой горечью — это одна из немногих ярких эмоций в книге (так-то вообще «Исповедь» написана сдержанно и по-деловому). Автор спрашивает: кто разрешает продавать такую прекрасную рекламную брошюру монашества, как «Лествица», в каждой церковной лавке? Но повесть Марии не оставляет ощущения, что монашество по святым отцам исчерпывается страхом и рабством, которые устроила у себя в монастыре игумения. Это видно в размышлениях автора, в цитатах святых отцов, которые она приводит. За ними стоит, как мне кажется, простой вопрос: пережитое бывшей послушницей в монастыре — это и есть то самое, о чем говорится у аввы Дорофея, Игнатия (Брянчанинова), Илариона (Домрачева) (автора «На горах Кавказа»), у того же Иоанна Лествичника?

Может быть, Мария со мной и не согласится, но «Исповедь бывшей послушницы» — это все-таки тоже реклама монашества, только другого, того, о котором она прочитала в книгах. О многих вещах в своей монашеской жизни автор говорит с большой любовью: немноголюдные службы без торжественности, молитва, осмысленная работа, общение с некоторыми сестрами, забота о животных, ее обращения к Богу, к Евангелию, старания хранить верность монашескому призванию, — все это ей удавалось

осуществить, хоть и не благодаря монастырю, а вопреки. Все это помогало ей там выживать и не отчаиваться, хотя и отложило, видимо, ее окончательный уход. Но почему нельзя все эти вещи делать на тот же монашеский лад, но без монастырских стен? В какой-то момент мне даже показалось, что решение найдено — когда Мария с другой монахиней оказались «на свободе» и могли бы продолжать жить монашеской жизнью вдвоем, помогать друг другу, совершать службы самостоятельно, молиться... На фотографиях этого периода, которые Мария тоже выложила у себя в ЖЖ, видна какая-то особенная радость.

Я могу только пожелать нам всем, несмотря на всю утопичность такого пожелания, чтобы повесть Марии о том, как воплощаются идеалы древнего монашества в современных монастырях, продавалась в каждой церковной лавке в комплекте с «Лествицей». Пусть человек, который захотел попробовать жить по-монашески, почитает одно, почитает второе и сделает для себя выбор: мне в какое православие, в какое монашество из этих двух?..

Если бы Мария до того, как стала послушницей, прочитала этот рассказ — что было бы тогда? Помог бы он ей избежать ошибки, но все-таки осуществить свое стремление к монашеской жизни? Если хотя бы одному человеку это удастся после прочтения «Исповеди», значит, бомба попала в стену, загородившую от нас свет.

Алена Чепель,
главный редактор сайта «Острова»

«Подчеркнем, что любовь и терпение, которые требуются от игумена или игумении, должны обязательно сочетаться в нем с рассудительностью, с пониманием устроения души, с видением конкретных проблем послушника, с отношением к последнему с благоговением, как к иконе Христа. Важно создание в монастыре атмосферы взаимного доверия, чтобы монахи ощущали уверенность и безопасность при откровении своих помыслов и ошибок, зная, что встретят понимание и получат помощь в преодолении трудностей, встречающихся на многосложном монашеском пути. Это помогает игумену внимательно следить за духовным состоянием братии, чтобы своевременно предотвращать возможные ошибки и падения, ограждать от внешних соблазнов. Игумен как стена заслоняет своих чад от стрел врага (если только они послушны ему)».

Игумения Николая (Ильина).
Особенности монашеской жизни
в городском монастыре

ВСЕГДА
ПОБАИВАЮТСЯ ТЕХ,
КТО ЖАЖДЕТ
ВЛАСТВОВАТЬ
НАД ДУШАМИ.
ЧТО ОНИ ДЕЛАЮТ
С ТЕЛАМИ?

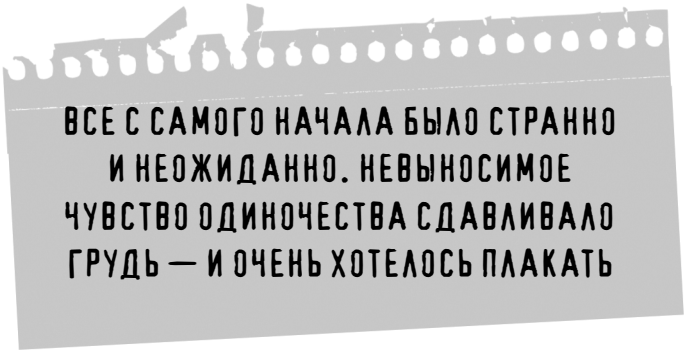
Станислав
Ежи Лец

...1

На улице было уже почти темно, шел дождь. Я стояла на широком белом подоконнике огромного окна в детской трапезной с тряпкой и средством для мытья стекол в руках, смотрела, как капли воды стекают по стеклу. Невыносимое чувство одиночества сдавливало грудь и очень хотелось плакать. Совсем рядом дети из приюта репетировали песни для спектакля «Золушка», из динамиков гремела музыка, и как-то стыдно и неприлично было разрыдаться посреди этой огромной трапезной, среди незнакомых людей, которым совершенно не было до меня дела.

Все с самого начала было странно и неожиданно. После долгой дороги на машине из Москвы до Малоярославца я была ужасно уставшей и голодной, но в монастыре было время послушаний (то есть рабочее время), и никому не пришло в голову ничего другого, как только — сразу же после доклада о моем

приезде игумении — дать мне тряпку и отправить прямо в чем была на послушание со всеми паломниками. Рюкзак, с которым я приехала, отнесли в паломню — небольшой двухэтажный домик на территории монастыря, где останавливались паломники. Там была паломническая трапезная и несколько больших комнат, где вплотную стояли кровати. Меня определили пока туда, хотя я не была паломницей, и благословение Матушки на мое поступление в монастырь было уже получено через отца Афанасия, иеромонаха Оптиной пустыни. Он благословил меня в эту обитель.



После окончания послушаний паломницы вместе с матерью Космой — инокиней, которая была старшей в паломническом домике, начали накрывать на чай. Для паломников чай был не просто с хлебом, вареньем и сухарями, как для насельниц монастыря, а как бы поздний ужин, на который в пластмассовых лотках и ведерках приносились остатки еды с дневной сестринской трапезы. Я помогала матери Косме накрывать на стол, и мы разговорились. Это была довольно полная, шустрая и добродушная женщина

лет пятидесяти пяти, мне она сразу понравилась. Пока наш ужин грелся в микроволновке, мы разговаривали, и я начала жевать кукурузные хлопья, стоявшие в открытом большом мешке возле стола. Мать Косма, увидев это, пришла в ужас: «Что ты делаешь? Бесы замучают!» Здесь строжайше было запрещено что-либо есть между трапезами.

После чая мать Косма отвела меня наверх, где в большой комнате стояли вплотную около десяти кроватей и несколько тумбочек. Там уже расположились несколько паломниц и стоял громкий храп. Было очень душно, и я выбрала место у окна, чтобы можно было, никому не мешая, приоткрыть форточку. Заснула я сразу, от усталости уже не обращая внимания на храп и духоту.

Утром нас всех разбудили в 7 утра. После завтрака мы уже должны были быть на послушаниях. Был понедельник Страстной седмицы, и все готовились к Пасхе, мыли огромную гостевую трапезную. Распорядок дня для паломников не оставлял никакого свободного времени, общались мы только на послушании, во время уборки. Со мной в один день приехала паломница Екатерина из Обнинска, она была начинающей певицей, пела на праздниках и свадьбах. Сюда она приехала потрудиться во славу Божию и спеть несколько песен на пасхальном концерте. Было видно, что она только недавно пришла к вере и находилась постоянно в каком-то возвышенно-восторженном состоянии. Еще одной паломницей была бабушка лет шестидесяти пяти, Елена Петушкова. Ее благословил на поступление в монастырь ее духовник. Работать ей в таком возрасте было тяжелее, чем

нам, но она очень старалась. Раньше она трудилась в храме за свечным ящиком где-то недалеко от Калуги, а теперь хотела стать монахиней. Она очень ждала, когда матушка Николая переведет ее из паломни к сестрам. Елена даже после трудового дня перед сном читала что-нибудь из святых отцов о монашестве, о котором она мечтала уже много лет.

***

Сестринская территория начиналась от ворот колокольни и была ограждена от территории приюта и паломни, нам туда ходить не благословлялось. Там я была всего один раз, когда меня послали принести полмешка картошки. Послушница Ирина в греческом апостольнике должна была показать мне, куда идти. С Ириной мне поговорить не удалось, она непрестанно повторяла полушепотом Иисусову молитву, смотря себе по ноги и никак не реагируя на мои слова. Мы пошли с ней на сестринскую территорию, которая начиналась от колокольни и ярусами спускалась вниз, прошли по огородам и саду, который только начинал расцветать, спустились вниз по деревянной лесенке и зашли в сестринскую трапезную. В трапезной никого не было, столы стояли еще не накрытые, сестры в это время были в храме. На оконных стеклах был нарисован орнамент под витражи, через который внутрь проникал мягкий свет и струился по фрескам на стенах. В левом углу была икона Божией Матери в позолоченной ризе, на подоконнике стояли большие золотистые часы. Мы спустились по крутой лестнице вниз. Это были древние подвалы, еще не отремонтированные, с кирпичными сводчатыми стенами и колоннами, местами побеленными краской. Внизу

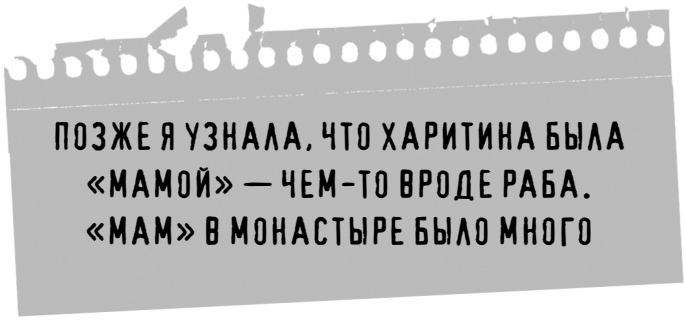
в деревянных отсеках были разложены овощи, на полках стояли ряды банок с соленьями и вареньем. Пахло погребом. Мы набрали картошки, и я понесла ее на детскую кухню в приют, Ирина побрела в храм, низко опустив голову и не переставая шептать молитву.

Поскольку подъем для нас был в 7, а не в 5 утра, как у сестер монастыря, нам не полагалось днем никакого отдыха, посидеть и отдохнуть мы могли только за столом во время трапезы, которая длилась 20–30 минут. Весь день паломники должны были быть на послушании, то есть делать то, что говорит специально приставленная к ним сестра. Эту сестру звали послушница Харитина, и она была вторым человеком в монастыре — после матери Космы, — с которым мне довелось общаться. Неизменно вежливая, с очень приятными манерами, с нами она была все время какая-то нарочито бодрая и даже веселая, но на бледно-сером лице с темными кругами у глаз читалась усталость и даже изможденность. На ее лице редко можно было увидеть какую-либо эмоцию, кроме все время одинаковой полуулыбки. Харитина давала нам задания, что нужно было помыть и убрать, обеспечивала нас тряпками и всем необходимым для уборки, следила, чтобы мы все время были заняты. Одежда у нее была довольно странная: вылинявшая серо-синяя юбка, такая старая, как будто ее носили уже целую вечность, не менее ветхая рубашка непонятного фасона с дырявыми рюшечками и серый платок, который когда-то, наверное, был черным. Она была старшая на «детской», то есть была ответственна за гостевую и детскую трапезные, где кормили детей монастырского

приюта, гостей, а также устраивали праздники. Харитина постоянно что-то делала, бегала, сама вместе с поваром и трапезником разносила еду, мыла посуду, обслуживала гостей, помогала паломникам. Жила она прямо на кухне, в маленькой комнатке, похожей на конуру, расположенной за входной дверью. Там же, в этой каморке, рядом со складным диванчиком, где она спала ночью, не раздеваясь, свернувшись калачиком, как зверек, складировались в коробках различные ценные кухонные вещи и хранились все ключи. Позже я узнала, что Харитина была «мамой», то есть не сестрой монастыря, а скорее чем-то вроде раба, отрабатывающего в монастыре свой огромный неоплатный долг. «Мам» в монастыре было довольно много, около половины всех сестер монастыря. Мать Косма тоже была когда-то «мамой», но теперь дочка выросла, и мать Космy постригли в иночество. «Мамы» — это женщины с детьми, которых их духовники благословили на монашеский подвиг. Поэтому они пришли сюда, в Свято-Никольский Черноостровский монастырь, где есть детский приют «Отрада» и православная гимназия прямо в стенах монастыря. Дети здесь живут на полном пансионе в отдельном здании приюта, учатся, помимо основных школьных дисциплин, музыке, танцам, актерскому мастерству. Хотя приют считается сиротским, чуть ли не треть детей в нем отнюдь не сироты, а дети с «мамами». «Мамы» находятся у игумении Николаи на особом счету. Они трудятся на самых тяжелых послушаниях (коровник, кухня, уборка) и не имеют, как остальные сестры, часа отдыха в день, то есть трудятся с 7 утра и до 11–12 ночи без отдыха, монашеское молитвенное правило у них также заменено послушанием

(работой). Литургию в храме они посещают только по воскресеньям. Воскресенье — единственный день, когда им положено 3 часа свободного времени днем на общение с ребенком или отдых. У некоторых в приюте живут не один, а два, у одной «мамы» было даже три ребенка. На собраниях Матушка часто говорила таким:

— Ты должна работать за двоих. Мы растим твоего ребенка. Не будь неблагодарной!



Часто «мам» наказывали в случае плохого поведения их дочек. Этот шантаж длился до того момента, пока дети не вырастут и не покинут приют, тогда становился возможен иноческий или монашеский постриг «мамы».

У Харитины в приюте была дочка Анастасия, совсем маленькая, тогда ей было примерно полтора-два годика. Я не знаю ее истории, в монастыре сестрам запрещено рассказывать о своей жизни «в миру», не знаю, каким образом Харитина попала в монастырь с таким маленьким ребенком. Я даже не знаю ее настоящего имени. От одной сестры я слышала про

несчастную любовь, неудавшуюся семейную жизнь и благословение старца Власия на монашество. Большинство «мам» попали сюда именно так, по благословению старца Боровского монастыря Власия или старца Оптиной пустыни Илия (Ноздрина). Эти женщины не были какими-то особенными, многие до монастыря имели и жилье, и хорошую работу, некоторые были с высшим образованием, просто в сложный период своей жизни они оказались здесь. Целыми днями эти «мамы» трудились на тяжелых послушаниях, расплачиваясь своим здоровьем, пока детей воспитывали чужие люди в казарменной обстановке приюта. На больших праздниках, когда в монастырь приезжал наш митрополит Калужский и Боровский Климент (Капалин) или другие важные гости, маленькую дочку Харитины в красивом платьице подводили к ним, фотографировали, она с двумя другими маленькими девочками пела песенки и танцевала. Пухленькая, кудрявая, здоровенькая, она вызывала всеобщее умиление.

Харитине игумения запрещала часто общаться с дочкой: по ее словам, это отвлекало от работы, и к тому же остальные дети могли завидовать.

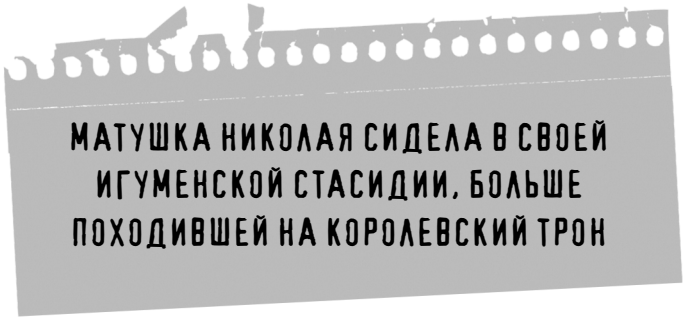
Тогда я ничего этого не знала. Мы с другими паломницами и «мамами» с утра до вечера до упаду оттирали полы, стены, двери в большой гостевой трапезной, а потом у нас был ужин и сон. Никогда еще я не работала с утра до ночи вот так, без всякого отдыха, я думала, что это даже как-то нереально для человека. Я надеялась, что когда меня поселят с сестрами, будет уже не так тяжело.

...2

Через неделю меня вызвали в храм к Матушке. От своего духовника и близкого друга моей семьи, отца Афанасия, я слышала о ней много хорошего. Отец Афанасий очень хвалил мне этот монастырь. По его словам, это был единственный женский монастырь в России, где действительно серьезно старались следовать афонскому уставу монашеской жизни. Сюда часто приезжали афонские монахи, проводили беседы, на клиросе пели древним византийским распевом, служили ночные службы. Он так много хорошего рассказывал мне об этой обители, что я поняла: если где-то подвизаться, то только здесь. Я была очень рада наконец увидеть Матушку, мне так хотелось поскорей перебраться к сестрам, иметь возможность бывать в храме, молиться. Паломники и «мамы» в храме практически не бывали.

Матушка Николая сидела в своей игуменской стасидии, которая больше походила на роскошный королевский трон, весь обитый красным бархатом, позолотой, с какими-то вычурными украшениями, крышей и резными подлокотниками. Я не успела сообразить, с какой стороны к этому сооружению мне нужно подойти: рядом не было никакого стула или скамеечки, куда можно присесть. Служба почти закончилась, и Матушка сидела в глубине своего бархатного кресла и принимала сестер. Я очень волновалась, подошла под благословение и сказала, что я та самая Мария от отца Афанасия. Матушка игумения одарила меня лучезарной улыбкой, протянула

мне руку, которую я спешно поцеловала, и указала на небольшой коврик рядом с ее стасидией. Сестры могли разговаривать с Матушкой только стоя на коленях, и никак иначе. Непривычно было стоять на коленях рядом с троном, но Матушка была со мной очень ласкова, гладила меня по руке своей мягкой пухлой рукой, спрашивала, пою ли я на клиросе и что-то еще в этом роде, благословила меня ходить на трапезу с сестрами и переехать из паломнического домика в сестринский корпус, чему я была очень рада.



После службы я вместе со всеми сестрами пошла уже в сестринскую трапезную. Из храма в трапезную сестры ходили строем, выстроившись парами по чину: сначала послушницы, потом инокини и монахини. Это был отдельный домик, состоящий из кухни, где сестры готовили еду, и собственно трапезной с тяжелыми деревянными столами и стульями, на которых стояла блестящая железная посуда. Столы были длинные, сервированы «четверками», то есть на четыре человека — супница, миска со вторым блюдом, салат, чайник, хлебница и приборы. В конце зала — игуменский стол, где стояли чайник, чашка и стакан

с водой. Матушка часто присутствовала на трапезе, проводила занятия с сестрами, но ела она всегда отдельно у себя в игуменской, пищу для нее готовила мать Антония — личный игуменский повар, и из отдельных, специально для Матушки купленных продуктов. Сестры рассаживались вдоль столов тоже по чину — сначала монахини, инокини, послушницы, потом «мамы» (их приглашали в сестринскую трапезную, если проводились занятия, в остальное время они ели на детской кухне в приюте), потом «монастырские дети» (приютские взрослые девочки, которым благословили жить на сестринской территории как послушницам. Детям это нравилось, потому что в монастыре им давали больше свободы, чем в приюте). Все ждали Матушку. Когда она вошла, сестры запели молитвы, сели, и начались занятия. Отец Афанасий мне рассказывал, что в этом монастыре игумения часто проводит с сестрами беседы на духовные темы, существует также своего рода «разбор полетов», то есть Матушка и сестры указывают сестре, которая немного сбилась с духовного пути, на ее проступки и согрешения, направляют на правильный путь послушания и молитвы. Конечно, говорил батюшка, это непросто, и такая честь оказывается только тем, кто способен выдержать такое публичное разбирательство. Я тогда с восхищением подумала, что это прямо как в первые века христианства, когда исповедь часто была публичной, исповедующийся выходил на середину храма и рассказывал всем своим братьям и сестрам во Христе, в чем он согрешил, а потом получал отпущение грехов. Такое может сделать только сильный духом человек и, конечно, от своих собратьев получит поддержку, а от своего духовного наставника — помощь

и совет. Все это совершается в атмосфере любви и благожелательства друг к другу. Замечательный обычай, думала я, здорово, что в этом монастыре это есть.

Занятие началось как-то неожиданно. Матушка опустилась на свой стул в конце зала, а мы, сидя за столами, ждали ее слова. Матушка попросила инокиню Евфросию встать и начала отчитывать ее за непристойное поведение. Мать Евфросия была поваром на детской трапезной. Я часто видела ее там, пока была паломницей. Небольшого роста, крепкая, с довольно симпатичным лицом, на котором почти всегда было выражение какого-то серьезного недоумения или недовольства, довольно комично сочетавшееся с ее низким, чуть гнусавым голосом. Она вечно что-то недовольно бурчала себе под нос, а иногда, если у нее что-то не получалось, ругалась на кастрюли, черпаки, тележки, сама на себя и, конечно, на того, кто попадался ей под руку. Но все это было как-то по-детски, даже смешно, редко кто воспринимал это всерьез. В этот раз, видимо, она провинилась в чем-то серьезном.

Матушка начала грозно ей выговаривать, а монахиня Евфросия в своей недовольно-детской манере, выпучив глаза, оправдывалась, обвиняя в свою очередь всех остальных сестер. Потом Матушка устала и дала слово остальным. По очереди вставали сестры разного чина, и каждая рассказывала какую-нибудь неприятную историю из жизни матери Евфросии. Послушница Галина из пошивочной вспомнила, как монахиня Евфросия взяла у нее ножницы и не вернула. Из-за этих ножниц разразился скандал, потому

что монахиня Евфросия никак не хотела сознаваться в этом злодеянии. Все остальное было примерно в таком же духе. Мне стало как-то немного жалко мать Евфросию, когда на нее одну нападало все собрание сестер во главе с Матушкой и обвиняло ее в проступках, большая часть которых была совершена довольно давно. Потом она уже не оправдывалась — было видно, что это бесполезно, только стояла, опустив глаза в пол, и недовольно мычала, как побитое животное. Но, конечно, думала я, Матушка знает, что делает, все это для исправления и спасения заблудшей души. Прошло около часа, прежде чем поток жалоб и оскорблений наконец иссяк. Матушка подвела итог и вынесла приговор: сослать мать Евфросию на исправление в Рождествено. Все застыли. Я не знала, где это Рождествено и что там происходит, но, судя по тому, как монахиня Евфросия со слезами умоляла ее туда не отсылать, стало ясно, что хорошего там было мало. Еще полчаса ушло на угрозы и увещевания рыдающей матери Евфросии, ей предложили либо уйти совсем, либо поехать в предложенную ссылку. Наконец Матушка позвонила в колокольчик, стоящий на ее столе, и сестра-чтец за аналоем начала читать книгу про афонских пустынников-исихастов. Сестры принялись за холодный суп.

***

Никогда не забуду эту первую трапезу с сестрами. Такого позора и ужаса, наверное, я не испытывала никогда в жизни. Все уткнулись в свои тарелки и быстро-быстро принялись за еду. Мне не хотелось супа, и я потянулась к миске с картофелем в мундире, стоящей на нашей «четверке». Тут сестра, сидящая

напротив меня, вдруг несильно шлепнула меня по руке и погрозила пальцем. Я отдернула руку: «Нельзя... Но почему?» Я так и осталась сидеть в полном недоумении. Не у кого было спросить, разговоры на трапезе были запрещены, все смотрели в свои тарелки и ели быстро, чтобы успеть до звонка. Ладно, картошку почему-то нельзя. Рядом с моей пустой тарелкой стояла маленькая мисочка с одной порцией геркулесовой каши, одна на всю «четверку». Я решила поесть этой каши, потому что она стояла ко мне ближе всего. Остальные как ни в чем не бывало начали уплетать картошку. Я выложила себе две ложки каши, больше там не было, и начала есть. Сестра напротив бросила на меня недовольный взгляд. Комок каши застрял в горле. Захотелось пить. Я потянулась к чайнику, в ушах звенело. Другая сестра остановила мою руку на пути к чайнику и затрясла головой. Бред какой-то. Вдруг снова прозвонил колокольчик и все, как по команде, начали разливать чай. Мне передали чайник с холодным чаем. Он был совсем не сладкий. Я положила себе варенья — немножко, чтобы просто попробовать. Варенье оказалось яблочным и очень вкусным, захотелось взять еще, но, когда я потянулась за ним, меня опять хлопнули по руке. Все ели, никто на меня не смотрел, но каким-то образом вся моя «четверка» следила за всеми моими действиями.

Через двадцать минут после начала трапезы Матушка вновь позвонила в колокольчик, все встали, помолились и начали расходиться. Ко мне подошла пожилая послушница Галина и, отведя в сторону, начала тихо выговаривать за то, что я пыталась взять варенье второй раз. «Разве ты не знаешь, что

варенье можно брать только один раз?» Мне было очень неловко. Я извинилась, стала спрашивать ее, какие тут вообще порядки, но ей было некогда объяснять, нужно было скорей переодеваться в рабочую одежду и бежать на послушания, за опоздание хотя бы на несколько минут наказывали ночной мойкой посуды.

***

Хотя впереди еще было много трапез и занятий, эта первая трапеза и первые занятия мне запомнились лучше всего. Я так и не поняла, почему это называлось «занятиями». Меньше всего это было похоже на занятия в обычном понимании этого слова. Проводились они довольно часто, иногда почти каждый день перед первой трапезой и длились от тридцати минут до двух часов. Потом сестры начинали есть остывшую еду, переваривая услышанное. Иногда Матушка читала что-нибудь душеполезное из афонских отцов, как правило, про послушание своему наставнику и отсечение своей воли, или наставления о жизни в общежительном монастыре, но это редко. В основном почему-то эти занятия больше были похожи

на разборки, где сначала Матушка, а потом уже и все сестры вместе ругали какую-нибудь сестру, в чем-либо провинившуюся. Провиниться можно было не только делом, но и помыслом, и взглядом — или просто оказаться у Матушки на пути не в то время и не в том месте. Каждый в это время сидел и с облегчением думал, что сегодня ругают и позорят не его, а соседа, значит, пронесло. Причем если сестру ругали, она не должна была ничего говорить в свое оправдание, это расценивалось как дерзость Матушке и могло только сильнее ее разозлить. А уж если Матушка начинала злиться, что бывало довольно часто, она уже не могла себя удержать, характера она была очень вспыльчивого. Перейдя на крик, она могла кричать и час, и два подряд, в зависимости от того, как сильно было ее негодование. Разозлить Матушку было очень страшно. Лучше было молча потерпеть поток оскорблений, а потом попросить у всех прощения с земным поклоном. Особенно на занятиях обычно доставалось «мамам» за их халатность, лень и неблагодарность.

ТАКОЕ ЧАСТО ИСПОЛЬЗУЮТ
В СЕКТАХ. ВСЕ ПРОТИВ ОДНОГО,
ПОТОМ ВСЕ ПРОТИВ ДРУГОГО

Если виноватой сестры на тот момент не оказывалось, Матушка начинала выговаривать нам всем за

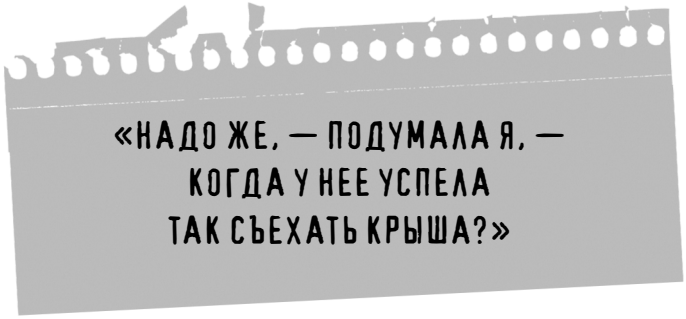
нерадение, непослушание, лень и т. д. Причем она использовала в этом случае интересный прием: говорила не «вы», а «мы». То есть как бы и себя, и всех имея в виду, но как-то от этого было не легче. Ругала она всех сестер, кого-то чаще, кого-то реже, никто не мог позволить себе расслабиться и успокоиться, делалось это больше для профилактики, чтобы держать нас всех в состоянии тревоги и страха. Матушка проводила эти занятия так часто, как могла, иногда каждый день. Как правило, все проходило по одному и тому же сценарию: Матушка поднимала сестру из-за стола. Она должна была стоять одна перед всем собранием. Матушка указывала ей на ее вину, как правило, описывая ее поступки в каком-то позорно-нелепом виде. Она не обличала ее с любовью, как пишут святые отцы в книжках, она позорила ее перед всеми, высмеивала, издевалась. Часто сестра оказывалась просто жертвой навета или чьей-либо кляузы, но это ни для кого не имело значения. Потом особо «верные» Матушке сестры, как правило, из монахинь — но были и особенно желавшие отличиться послушницы, — по очереди должны были что-то добавить к обвинению. Этот прием называется «принцип группового давления», если по-научному, такое часто используют в сектах. Все против одного, потом все против другого. И так далее. В конце жертва, раздавленная и морально уничтоженная, просит у всех прощения и кладет земной поклон. Многие не выдерживали и плакали, но это, как правило, были новоначальные — те, кому это все было в новинку. Сестры, прожившие в монастыре много лет, относились к этому как к чему-то само собой разумеющемуся, попросту привыкли.

Идея проведения занятий была взята, как и многое другое, у общежительных афонских монастырей. Мы иногда слушали на трапезе записи занятий, которые проводил со своей братией игумен Ватопедского монастыря Ефрем. Но это было совсем другое. Он никого никогда не ругал и не оскорблял, никогда не кричал, ни к кому ни разу не обращался конкретно. Он старался вдохновить своих монахов на подвиги, рассказывал им истории из жизни афонских отцов, делился мудростью и любовью, показывал пример смирения на себе, а не «смирял» других. А после наших занятий мы все уходили подавленные и напуганные, потому что их смыслом как раз и было напугать и подавить. Как я потом поняла, эти два приема Матушка игумения Николая использовала чаще всего.

...3

Вечером того же дня, после чая, к нам в паломню пришла незнакомая сестра и проводила меня и бабушку Елену Петушкову в сестринский корпус. Для нас освободили две кельи на втором этаже «схимнического» корпуса. Одну из этих келий, ту, что слева, занимала до этого как раз монахиня Евфросия. Я видела, как она с вещами, как обычно недовольная всем и вся, спускалась вниз, бормоча что-то под нос. Нетрудно догадаться, Матушка давно хотела послать ее в Рождествено, там были нужны рабочие руки, а тут еще понадобилась свободная келья. Туда и поселили Елену. Весь этот спектакль на трапезе был

как раз для этого, но и, конечно, для устрашения остальных. Но тогда я не придала этому значения, просто так совпало и все. Я вообще ничего не видела плохого ни в этих занятиях, ни во многом другом, а если и видела, старалась думать, что я просто еще многого не понимаю в монашеской жизни.



Моя келья была маленькая, как коробка. В этом корпусе были все такие: узкая деревянная кровать, занимающая всю правую стену, напротив — маленький старый письменный стол, ободранный стул и тумбочка. Всю стену напротив двери занимало окно. Шкаф и полка для обуви — в коридоре. Но я была счастлива, что теперь у меня есть отдельная келья, где я могу побыть одна, пусть даже короткое время отдыха, а ночью никто не будет храпеть рядом, как это было в паломне. До меня в этой келье проживала монахиня Матрона, она как раз переносила свои вещи в Троицкий корпус, куда ее перевели. Троицкий корпус был самым новым, кельи там были просторные, и мать Матрона радостно бегала туда-сюда, хихикая от удовольствия.

Она вообще показалась мне очень милой и какой-то уютной. Маленькая, круглая, улыбающаяся. Я помо-

гала ей упаковать ее вещи. Но поговорить с ней тоже не удалось: «После чая Матушка не благословила разговаривать». И, так же весело улыбаясь, понесла очередную коробку. Мать Матрона прожила в Троицком недолго, потом она просто куда-то исчезла. Позже, три года спустя, когда я приехала в Рождествено, я встретила ее там. Это была какая-то другая мать Матрона: сильно располневшая, какая-то отекшая, заторможенная. Она с трудом исполняла даже самые простые послушания. Иногда она подолгу просто стояла в темной кладовке и смотрела в одну точку, как статуя, не всегда даже вовремя реагируя на тех, кто ее за этим занятием заставал. Как мне сказал кто-то из сестер:

— Крыша поехала. Началась паранойя, приступы. Шизофрения. Она уже давно на таблетках сидит, Матушка благословила.

«Надо же, — подумала я, — когда у нее успела так съехать крыша?»

***

Приближалась Пасха, и весь монастырь гудел день и ночь, все готовились. В просфорне круглосуточно пекли куличи, огромное количество куличей разного размера и формы. В храме все начищалось до блеска, территорию монастыря, корпуса и трапезные мыли и украшали. Дети в гостевой трапезной целыми днями репетировали театральную постановку «Золушка» и отдельные музыкальные номера. Я трудилась по-прежнему на гостевой трапезной. Мы стирали, гладили и надевали на стулья белые чехлы с бордовыми бантами, которые нужно было потом подкалы-

вать иголками. Каждый стул, а их было больше сотни, мы наряжали в белоснежный выглаженный и накрахмаленный чехол с бантом на спинке.

Поскольку я уже была послушницей, мне требовалась специальная одежда, чтобы ходить в храм: черные юбка, блузка и платок. Я приехала в длинной черной шерстяной юбке, которая была у меня единственной для этого случая, серой рубашке и черном платке, который, скорее, был маленькой косынкой, чем платком. В храм меня в таком виде пускать было нельзя, и меня отвели в рухольную — монастырский склад всего, что могло понадобиться насельнице. Там не оказалось ничего подходящего для меня. Одежда была только та, которую кто-нибудь пожертвовал, специально ничего не покупалось. Нашлась какая-то синтетическая блузка черного цвета с выбитыми цветастыми узорами, старая, вся в катышках, и ужасно некрасивая. На ноги — вместо моих серых кед — только поношенные мужские черные туфли с длинными квадратными носами 44 размера. Платка не было никакого. Ладно, мы же монахи, нам все можно, подумала я. В этом наряде я ходила и на послушания, и в храм. Странно было чувствовать себя одновременно и чучелом огородным, и настоящим нестяжательным монахом, которому нет никакого дела до внешнего вида.

***

И вот наконец Пасха! Для меня было так символично, что я приехала в монастырь именно накануне такого великого праздника, самого большого для всех христиан. Служба ожидалась ночная, как и положено по уставу. И тут в самый неподходящий момент

у меня начались месячные. Ерунда, конечно, — но, как я узнала от одной послушницы, в таком «нечистом виде» в храм заходить нельзя. Вот это да! Я о таком слышала впервые. Ну ладно причащаться нельзя, но даже нельзя присутствовать на службе! Такие порядки были только здесь. Здесь эти «нечистые» сестры вместо службы отправлялись на кухню, готовили трапезу, пока остальные молятся. Потом, правда, я узнала, что касается это правило не всех. Особо голосистым клиросным сестрам даже в таком виде можно и даже нужно было петь в храме, их на кухню не прогоняли. Также это не касалось благочинной, ибо она всегда была с Матушкой в храме, независимо от чистоты или нечистоты. Иногда по «матушкиным» праздникам Матушка разрешала «нечистым» тоже пойти в храм, если на кухне на тот момент не было работы. В общем, с этой «нечистотой» было все неоднозначно. Я решила никому не говорить об этом недоразумении, мне очень хотелось быть на богослужении. И я пошла в храм. До этого я там почти не была, все время мы работали и готовились к празднику. Для меня было неожиданностью, что сестры молятся не на первом этаже со всеми прихожанами, а на втором, где совсем ничего не было видно. Из динамиков мы слышали возгласы и пение, а видеть ничего не могли. К парапету балкона подходить было нельзя — наверное, потому, что нелепо смотрелись бы монахини, перегнувшиеся через парапет и пялящиеся на людей внизу. Меня это жутко расстроило. Это хуже, чем даже смотреть службу по телевизору, это как слушать ее по радио. Но и к этому привыкаешь.

Во время службы меня постоянно мучила совесть, что я солгала, по уставу я должна была быть на кух-

не, и от этого было как-то невесело. Потом была общая с прихожанами трапеза и небольшой концерт. Все разговлялись наконец вареными яйцами, куличами и пасхой.

***

С порядками на трапезе мне помогла разобраться сама Матушка. После того позорного обеда в этот же день был еще вечерний чай, где я по незнанию взяла лишнее печенье. По рукам не били, но я поняла это по взглядам и недовольному шипению сотрапезников. На следующее утро после литургии меня вызвали к Матушке. Тогда еще я не боялась Матушки и была даже рада с ней пообщаться. Она стала мне вежливо объяснять правила приема пищи на трапезе. По звонку колокольчика начинали есть. Сначала суп. Супницу надо было передавать в четкой последовательности от старших к младшим. Если не хочешь суп — сиди и жди следующего звонка. По второму звонку разрешалось накладывать второе и салат. После третьего звонка — чай, варенье, фрукты (если есть). Четвертый звонок — окончание трапезы. Положить себе можно не более четвертой части от второго блюда, салата или супа. Брать можно только один раз, не подкладывать, даже если еда остается. Взять можно два куска белого хлеба и два черного, не больше. Делиться едой ни с кем нельзя, с собой уносить нельзя, не доедать то, что положил себе в тарелку, тоже нельзя. Насчет варенья ничего не сказала, и никто точно не знал, в уставе не оговаривалось, сколько раз его можно положить. Это зависело от сестер «четверки», в которую попадешь.

Через неделю после приезда у меня забрали паспорт, деньги и мобильный телефон куда-то в сейф.

Традиция странная, но так делают во всех наших монастырях.

Не успели отпраздновать Пасху, надо было готовиться к другому празднику — матушкин юбилей, 60 лет. Ни один церковный праздник в Свято-Никольском монастыре, даже визит архиерея, не мог сравниться по пышности с «матушкиными» праздниками. Их у нее было много: день рождения, три дня ангела в году, дни святителя Николая тоже считались «матушкиными», плюс к этому разные ее памятные даты: постриг, посвящение ее в сан игумении и т. д. Каждое возвращение Матушки из «заграницы» тоже служило поводом для торжества. Часто дни особо почитаемых в России святых даже не упоминались, но ни один «матушкин» праздник не мог обойтись без обильной трапезы и концерта. На этих торжествах сестрам часто вручались какие-нибудь символические подарки «от Матушки» — иконки, святыньки, открыточки, шоколадки.

ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ ПОСЛЕ ПРИЕЗДА
У МЕНЯ ЗАБРАЛИ ПАСПОРТ,
ДЕНЬГИ И МОБИЛЬНЫЙ ТЕЛЕФОН

К этому юбилею готовились особо. Столы в гостевой трапезной ломились от дорогой посуды, изысканных угощений и напитков. На каждую четверку го-

стей был целиком запечен фаршированный осетр. Всю трапезную заполнили гости и спонсоры монастыря. Почти все сестры были заняты обслуживанием гостей в белых передничках с большими пышными бантами на спине. Матушка вообще любила, чтобы везде были банты — чем больше, тем лучше. По ее мнению, это было очень изысканно. Честно говоря, странно и нелепо смотрелись монахини в клобуках и рясах с белыми бантами на спине, но о вкусах не спорят.

После трапезы был, как обычно, концерт и театральная постановка детей приюта. Гости были в восторге. Сестры тоже были довольны: после многих дней и ночей изнурительной подготовки к празднику они тоже получили возможность попробовать осетров и всего того, что осталось после гостей.

...4

После моего переезда из паломни в сестринский корпус меня очень удивило одно престранное обстоятельство: по всему монастырю ни в одном туалете не было туалетной бумаги. Ни в корпусах, ни в трапезной, вообще нигде. В паломне и на гостевой трапезной бумага везде была, а тут нет. Я вначале подумала, что за всей этой праздничной суетой об этом важном предмете как-то забыли, тем более я все время на послушании была на гостевой или на детской трапезной, где бумага имелась, и я могла намотать

себе сколько нужно про запас. Задавать этот щекотливый вопрос сестрам или Матушке я как-то не решалась. Один раз, когда я чистила зубы в общей ванной в нашем корпусе, а дежурная по корпусу инокиня Феодора в это время мыла пол, я вслух громко сказала, как бы про себя: «Надо же! Бумагу опять забыли положить!» Она дико посмотрела на меня и продолжила мыть полы. Потом я все-таки выведала у соседки по келье, что этот драгоценнейший и жизненно важный предмет нужно специально выписывать у благочинной, это можно сделать только раз в неделю, когда работает рухолка, и выписать можно только два рулона в месяц, не больше. Я подумала, что мне это показалось. Просто не может быть. После всех этих роскошных трапез с икрой, дорадо и конфетами ручной работы в такое было трудно поверить.

Забегая вперед, скажу, что с этой бумагой вообще было немало курьезов. Одна недавно пришедшая послушница Пелагея (в миру ее звали Полина) пожаловалась Матушке, что для нее никак невозможно обойтись двумя рулонами. Эта Пелагея вообще была по жизни довольно простой, ничто не мешало ей говорить о вещах, которые действительно ее волновали. По этому поводу проведены были целые монашеские занятия. Матушка позорила при всех Пелагею. Говорила, что пока все занимаются духовным деланием, она думает о таких вещах, как туалетная бумага. Остальные, разумеется, поддерживали во всем Матушку. Им, видимо, всего хватало. А кому не хватало, молчали: думали, что они просто какие-то неправильные. В итоге Пелагея, которая стояла все это время с невозмутимо тупым видом, спросила:

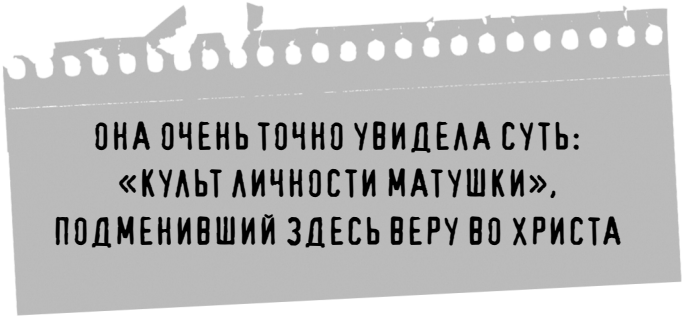
— Матушка, ну что мне, пальцем, что ли, вытирать?

На что та гаркнула:

— Да! Подтирайся пальцем!

Такое, наверное, сейчас редко где услышишь. Однако эта чудесная история имела хороший конец. Пелагея прожила в монастыре больше года, не знаю, как она решила для себя вопрос с бумагой, но потом она все-таки ушла. Она так и не научилась бояться Матушку, часто грубила, задавала нелепые вопросы в лоб, откровенно писала Матушке свои помыслы, чего делать ни в коем случае было нельзя... в общем, не справилась и ушла. После ее ухода о ней надолго забыли. И вот на какие-то из занятий Матушка пришла какая-то бледная, уставшая, явно не в духе и принесла с собой ворох исписанных листов А4. Похоронным голосом она начала рассказывать нам, что Пелагея, оказывается, даром времени «в миру» не теряла, она написала письмо или даже трактат о ее жизни в Свято-Никольском монастыре, причем достаточно объемный. Там она смела хулить монастырь, Матушку и сестер. Фрагменты этого письма Матушка нам читала. «Надо же, — подумала я, — на что оказалась способна эта Пелагея». Стиль трактата был очень простой, даже наивный, но она очень точно увидела суть происходящего в монастыре: этот, как она написала, «культ личности Матушки», который подменяет здесь веру во Христа и на котором все здесь зиждется. Она написала очень правдиво и про скудную трапезу сестер и детей, состоящую главным образом из пожертвованных просроченных продуктов, где даже в скоромный день редко

бывает рыба или молочные продукты, и про матушкины роскошные обеды, про непрестанную работу без отдыха, про эти выматывающие душу занятия, про сестер, которые от такой жизни теряли рассудок, ну и конечно же — про туалетную бумагу! Это письмо Пелагея отправила в патриархию, а также в епархию — митрополиту Калужскому и Боровскому Клименту, под началом которого и был наш монастырь. Но почему-то это письмо оказалось у матери Николаи. Не знаю, читали ли его вообще в патриархии или в Калужской епархии.



И вот, Матушка придумала действо после прочтения этого возмутительного письма. На столе были уже готовы списки всех сестер монастыря и скитов, нужно было только подойти и поставить свою подпись рядом со своей фамилией под пристальным взглядом матери Елисаветы. Это была просьба от лица всех сестер монастыря в патриархию защитить наш монастырь и Матушку от посягательств и лжи этой Пелагеи. Надо сказать, что Пелагея аж два раза пыталась переправить свой трактат в вышестоящие церковные организации, и оба раза это письмо оказывалось у матери Николаи. Сестры тоже вынужде-

ны были два раза подписать прошение. Не подписаться было нельзя. Такие непослушные сестры не выгонялись из монастыря — нет, они просто отправлялись «на покаяние» на коровник без служб и отдыха, пока не исправятся. Все подписались, и я тоже, хотя в письме, на мой взгляд, не было ни капли лжи.

Но зато через несколько дней во всех туалетах монастыря появились огромные серые бобины туалетной бумаги. Больше ее не надо было экономить, воровать и выписывать, а Пелагея заслужила себе таким образом непрестанную молитву.

...5

Первые три недели в монастыре я прожила хоть и трудно, но с большим воодушевлением. Мне даже удалось кое с кем подружиться. На огороде мы копали грядки вместе с инокиней Дамианой (их постригали в один день с матерью Космой). Мне она сразу очень понравилась. Совсем молодая, лет 20–25 на вид, высокая, совсем рыжая и вся в веснушках. Она часто смеялась, и с ней можно было пообщаться. Остальные боялись друг с другом разговаривать: об этом могли донести Матушке. Праздные разговоры между сестрами не благословлялись: видимо, чтобы не возникало искушения обсуждать между собой Матушку и ее приближенных. Но я по незнанию этих благословений не боялась, а мать Дамиана просто не могла не болтать, хоть ее за это часто ругали. Мне же было

ужасно одиноко в этом набитом людьми монастыре, где не с кем даже поговорить. Я думала, как было бы здорово вечером не сидеть одной в келье, а вместе с кем-нибудь попить чаю, поговорить — в Оптиной пустыни и во многих других монастырях это не было запрещено. У нас же был такой строгий устав, что это и представить было невозможно. Оставалось только каждый день надеяться, чтобы нас поставили вместе на огород, тогда часы послушания пролетали быстро и весело. Дамиана пришла в монастырь еще почти девочкой прямо из Калужского духовного училища, где училась на регента. В монастыре было довольно много таких «училищных» сестер, все они были молоденькие.

***

Калужское духовное училище расположено в Калуге, на улице Дарвина, в старинном огромном четырехэтажном доме с внутренним храмом. Здесь в течение четырех лет обучаются молодые девушки от 18 лет, в основном на регентов церковного хора и иконописцев. Живут они в комнатах по двое на последнем этаже прямо в здании училища, как в пансионе. Помощницей ректора, старшей воспитательницей

над девушками, назначалась не православная учительница или воспитательница с педагогическим образованием, как следовало бы ожидать, а монахиня из Свято-Никольского монастыря. Она всегда была со своими воспитанницами. У нее, как у старшей, им надлежало спрашивать на все благословения. Девушки называли ее «матушка» и во всем слушались. Как так получилось, что воспитывать девиц из вполне светского заведения было поручено монахине, непонятно. На этот пост сестру назначала сама мать Николая, не архиерей и не ректор КДУ. Казалось бы, замечательно, что монахиня занимается воспитанием молодых девушек. Но, однако, так получалось, что ежегодно из выпуска в 20–25 человек две-три девушки уходили в Свято-Никольский монастырь послушницами. Каждый год монастырь пополнялся молодыми сестрами. Матушка из КДУ часто возила девушек на монастырские праздники, на постриги сестер, рассказывала им, как спасительна монашеская жизнь по сравнению с мирской, полной невзгод и греха, проводила с ними занятия наподобие наших. Если девушка изъявляла желание пожить в монастыре, ее сразу же везли к старцу Власию за благословением. Я однажды наблюдала такой случай в Корсунском храме нашего монастыря: отец Власий совершал монашеский постриг кого-то из сестер. После пострига к нему под благословение подвели молоденькую студентку КДУ, Надежду, я была с ней знакома, она часто бывала в монастыре с инокиней Любовью, которая тогда была в КДУ матушкой. Наде нравилось в монастыре, но она бывала здесь только по праздникам, о монашеской жизни она знала только из книг и из рассказов матери Любови. Мать Любовь сказала старцу:

— Батюшка, благословите ее в монастырь.

Отец Власий улыбнулся и молча коснулся пальцами лба девушки. Это означало, что старец ей дал свое благословение на монашество, которое теперь она не могла нарушить. Надежде предстояло учиться в КДУ еще год, но ждать не стали, благословение старца — это воля Божия, ее нужно было выполнять. Через две недели она уже была послушницей, а свой последний год в КДУ доучилась заочно.

Этих молодых «училищных» послушниц Матушка воспитывала на свой вкус. У них, не имеющих жизненного опыта, напрочь отсутствовало критическое восприятие действительности, все порядки в монастыре они воспринимали как должное. Жизнь за стенами монастыря им представлялась уже совсем нереальной и невозможной. Если сестра, которая хотя бы какое-то время пожила своей жизнью до монастыря, могла эту жизнь вспомнить, сравнить, проанализировать и все-таки уйти из монастыря, то эти «училищные» сестры такого сделать не могли. Они даже не представляли себе возможности уйти. Тем более Матушка часто на занятиях рассказывала поучительно-пугающие истории из жизни тех, кто ушел, какие ужасы и несчастья ожидали их «в миру».

Как-то это все очень было похоже на рыбную ловлю, только тут «человеки».

***

Дамиана была верной Матушке во всем, как собачка. Ее не смущали ни разборки на занятиях, ни другие странные для монастыря вещи. Например, в кельях

у всех сестер были бумажные иконы. У кого в углу, у кого на столе, у кого-то просто пришпилены иголками к обоям. Часто на праздниках раздавались матушкины фотографии, непонятно зачем, ведь Матушку мы видели почти каждый день. Потом я заметила, что некоторые сестры вешали эти фотографии в своих иконных углах, где они молились, рядом с иконами. Мне это показалось странным, а Дамиане — нет, у нее тоже висела большая матушкина фотография рядом с иконой Спасителя. Ни один концерт не обходился без «матушкиной песни». Эту песню написала монахиня Нектария, сейчас она настоятельница подшефного матери Николае монастыря в Кемерово. Это был скорее даже гимн матушке Николае, о том, как она, жертвуя всем и даже своей жизнью, спасает своих духовных чад. Там она даже сравнивалась со Христом, также отдавая свою кровь за всех нас (см. прим. 1). Тоже как-то странно. Нелепо было бы представить себе, например, оптинских братьев, радостно распевающих гимны своему наместнику. Но опять же, странно это было только мне. Дамиана, как и многие сестры, знала эту песню наизусть. Был еще один обычай, которого я нигде больше не встречала: если Матушка куда-то уезжала или приезжала, что бывало довольно часто, все до единой сестры должны были ее провожать, ну или встречать. Происходило это так: сестры выстраивались в два ряда вдоль дорожки, ведущей от монастырских ворот к храму, и ждали, пока Матушка пройдет. Иногда игумения выезжала в аэропорт глубокой ночью, тогда сестер будили и выстраивали на улице, несмотря на поздний час, мороз или дождь. Не прийти было нельзя, всех проверяли по списку. Когда Матушка проходила между рядами сестер, нужно было радостно

улыбаться и подобострастно выкатывать глаза, все так делали, показывая свою радость от встречи с Матушкой. Не улыбаться было опасно: Матушка могла что-то заподозрить, припомнить это на занятиях или просто подойти и гаркнуть что-нибудь обидное. Мне все эти порядки казались неестественными, все это напоминало какой-то культ личности, здесь даже молились Богу «матушкиными святыми молитвами», то есть не своими, грешными, молитвами, а матушкиными — святыми. При упоминании Матушки стоило благоговейно осенить себя крестным знамением (за этим строго следили старшие сестры), а само слово «матушка» нужно было произносить только с придыханием и очень нежно, с любовью. Игумения даже не стеснялась говорить на занятиях, что для нас она не кто иной, как Матерь Божия, потому что (даже смешно это цитировать) «сидит на месте Богородицы».

ИГУМЕНИЯ ДАЖЕ НЕ СТЕСНЯЛАСЬ ГОВОРИТЬ, ЧТО ДЛЯ НАС ОНА НЕ КТО ИНОЙ, КАК МАТЕРЬ БОЖИЯ

А если серьезно, то по этому поводу можно процитировать святых отцов, например святителя Игнатия (Брянчанинова): «Если же руководитель начинает искать послушания себе, а не Богу — недостоин он быть руководителем ближнего. Он не слуга Божий,

а слуга дьявола. Его орудие есть сеть. “Не делайтесь рабами человеков”, — завещает Апостол».

Святитель Феофан (Говоров) говорит так: «Всякий духовный наставник должен приводить души к Нему (Христу), а не к себе... Наставник пусть, подобно великому и смиренному Крестителю, стоит в стороне, признает себя за ничто, радуется своему умалению пред учениками, которое служит признаком их духовного преуспеяния... Охранитесь от пристрастия к наставникам. Многие не остереглись и впали вместе с наставниками в сеть диаволу... Пристрастие делает любимого человека кумиром: от приносимых этому кумиру жертв с гневом отвращается Бог... И теряется напрасно жизнь, погибают добрые дела. И ты, наставник, охранись от начинания греховного! Не замени для души, к тебе прибегшей, собою Бога. Последуй примеру святого Предтечи!»

Теперь понятно, почему на занятиях и на трапезе мы никогда не читали ни святителя Игнатия, ни святителя Феофана. Матушка вообще не благословляла читать этих отцов. Предпочтение она отдавала брошюркам современных афонских старцев — там таких тонкостей не встретишь.

...6

На одном из занятий Матушка вдруг ни с того ни с сего рассказала историю про то, как одна сестра,

которая долго жила в монастыре и была уже инокиней, влюбилась в только что пришедшую послушницу, и что это все очень мерзко пред Господом, грязно и противно. Как ужасно, подумала я, бедные. Я совсем не приняла эту душераздирающую историю на свой счет и долго еще потом не догадывалась, что это было про меня и Дамиану. Кто-то Матушке передал, что мы общались на послушании в огороде. Дамиану после этих занятий срочно отправили в Карижу, в скит. Матушка не терпела общения между сестрами.

Слово «дружба» вообще здесь не употреблялось, его заменяло слово «дружбочки», отдававшее чем-то уже неприличным. Считалось, что поговорить сестра может только с Матушкой, а других сестер нечего смущать своими помыслами. Любое общение между сестрами считалось блудом, духовным, но все же блудом. Если какая-то сестра видела двух других, болтающих между собой, она обязана была донести это Матушке, чтобы оградить их от блудного греха. Я была до этого в других монастырях и такого нигде не встречала. Раньше и здесь не было таких правил, все было гораздо проще до того, как в 1993 году из Малоярославца ушло сразу пятнадцать сестер. Письмо одной из этих сестер, полученное уже после публикации книги в ин-

тернете, я привела здесь (см. прим. 2). На этой почве у игумении возникла настоящая паранойя: любое общение между сестрами она считала заговором против устава монастыря и нее лично. Но, в общем-то, принцип «разделяй и властвуй» еще никто не отменял.

***

Первое время — наверное, месяц, — я была как в розовых очках. Если что-то казалось мне в монастыре неправильным, я скорее склонна была считать, что я просто еще не очень понимаю здешний устав. К тому же хронический недосып и усталость очень мешали воспринимать и анализировать происходящее. Распорядок дня в монастыре был такой. В 5 утра — подъем, в 5.30 уже нужно было быть в храме на полунощнице. Потом служили утреню по полному чину со всеми полагающимися канонами, на которых почти все спали, кроме чтецов. Далее — литургия и трапеза, как правило, с занятиями. Сразу после трапезы все спешили к стенду, на котором благочинная вывешивала списки с послушаниями. Сестры переодевались в рабочую одежду (на это отводилось 15 минут) и шли на то послушание, которое им благословили. Монахини и инокини работали до часу дня, потом исполняли в кельях свое молитвенное правило, а послушницы, которым не полагалось правила, должны были работать до трех, когда начинался отдых. После часового отдыха — вторая трапеза с 16.00 до 16.20, общее чтение помянника прямо в трапезной, и снова послушания до вечернего чая — в 21.30. Ночью часто назначали на чтение Псалтири, но подъем в таком случае был в 8.00. Это летний распорядок дня в монастыре, зимой устав был другой. Если подъем был в 7 утра (такое бывало по праздникам), отдыха и дневного правила

не было, работали целый день, и это было гораздо тяжелее (я так и не поняла, при чем тут праздник). Причащались сестры в воскресенье, и перед причастием следовало прочитать правило с тремя канонами. На это для послушниц не выделялось времени, сил молиться факультативно ночью уже не было никаких, а прочитать правило нужно было обязательно, иначе за это предстоял ответ на Страшном Суде. Отказаться от причастия тоже было нельзя, если Матушка так благословила. Я пыталась говорить об этом с благочинной и с Матушкой, но только нарвалась на грубость. Решила причащаться так. Сначала очень мучилась совестью, что не читаю правило, но потом подумала, что у меня просто нет выбора — читать или не читать. А наказывать человека, у которого нет выбора, на мой взгляд, как-то неразумно.

Иногда у меня от усталости просто мутилось все в голове, в мыслях стоял какой-то туман, все крутилось вокруг того, как выживать в этих непривычных условиях, как выполнить послушание, чтобы осталось еще время на отдых, где достать лекарства, которые невозможно было выпросить у монастырского врача, как написать помыслы, чтобы не разозлить ими Матушку. Да, написание помыслов — это отдельная история, заслуживающая особого внимания.

...7

В монашеской жизни все очень непросто. Придя в монастырь, послушник начинает жить совершенно

другой жизнью, по другим правилам, сталкивается с различными искушениями и трудностями как среди братии, так и внутри себя. Чтобы помочь ему преодолеть собственные страсти и твердо встать на путь духовной жизни, нужен опытный наставник, без этого никак нельзя. Поэтому в древних монастырях существовал такой обычай: откровение помыслов наставнику. Это не столько исповедь, сколько возможность разрешить свои недоумения и проблемы в духовной жизни, получить совет — и именно совет, а не приказ — от более опытного человека. В каждом монастыре обязательно должен быть духовник — опытный в монашеской жизни наставник, у которого есть благословение принимать помыслы и духовно окормлять братию. В мужских монастырях, как правило, такой человек не один, и послушник вправе добровольно выбирать себе того, с кем он будет советоваться, соответственно своему расположению и доверию к этому человеку. В женских монастырях бывает по-разному. Чаще всего у сестры перед ее поступлением в монастырь уже есть духовный отец, который благословил ее на монашество. Тогда она может продолжать окормляться у него, если игумения благословит с ним видеться. Бывает и так, что в монастыре есть один на всех сестер духовный наставник, которого выбрала игумения. Такая ситуация хуже, потому что, как правило, это тот человек, кому доверяет игумения и кто будет держать матушку в курсе всего того, что будут открывать ему сестры. Игумении это очень удобно, чтобы отслеживать и наказывать недовольных уставом или самой матушкой. Таким духовникам сестры не доверяют, и тогда откровение помыслов превращается просто в формальность. В некоторых афонских греческих

монастырях братья открывают помыслы непосредственно своему игумену, но как это происходит у них, непонятно. Добровольно это или принудительно? Возможно ли вообще быть до конца откровенным с человеком, который является не только твоим духовником, но и начальством, от которого зависит — наказать тебя или помиловать? Архимандрит Софроний (Сахаров) в своей автобиографии рассказывает, что когда он жил на Афоне в Свято-Пантелеимоновом монастыре, там братья окормлялись у старцев из других монастырей или скитов, потому что полностью быть откровенным можно только с человеком, который не живет с тобой в одном монастыре и не имеет над тобой никакой «бытовой» власти.

СЕЙЧАС ВО МНОГИХ ЖЕНСКИХ МОНАСТЫРЯХ В РОССИИ СУЩЕСТВУЕТ ЭТО «ОТКРОВЕНИЕ ПОМЫСЛОВ». ИНТЕРЕСНО, ЧТО В МУЖСКИХ ЭТО ИЗВРАЩЕНИЕ КАК-ТО НЕ ПРИЖИВАЕТСЯ

То, о чем хочу рассказать я, не имеет никакого отношения к вышеупомянутой древней традиции. Сейчас не только в Свято-Никольском Черноостровском монастыре, но и во многих женских монастырях в России существует это современное изобретение под старинным названием: «откровение помыслов». Интересно, что в мужских монастырях это извращение как-то не приживается, видимо, тут еще замеша-

на женская психология. У нас в монастыре помыслы открывать нужно было Матушке, и только ей, обязательно перед каждым причастием, то есть раз в неделю в письменном виде. Каждая сестра должна была написать помыслы на бумажке (бумагу для помыслов в любом количестве раздавала монахиня Елисавета, ведавшая канцелярией) и положить эту бумажку в храме в специальную корзиночку, стоящую на подоконнике возле матушкиной стасидии. Когда Матушка была в храме, она обычна была занята чтением этих посланий, сразу же подзывая к себе тех, кого следовало вразумить или наказать.

***

Буквально сразу после моего приезда в монастырь Матушка сказала мне, что теперь я должна писать ей помыслы. Я была рада этому: хорошо же, когда можно в любой момент посоветоваться с Матушкой, рассказать ей о том, что чувствуешь, получить помощь и поддержку — в начале монашеского пути это особенно важно. Первое время моей монастырской жизни я чувствовала большое воодушевление, с удовольствием ходила на службы и послушания, хоть физически и было тяжело. Я писала о своих ощущениях, делилась с Матушкой своими мыслями, даже самыми сокровенными. Как-то на занятиях Матушка меня подняла и начала вслух при всех рассказывать о том, что я ей написала. Что-то о моих переживаниях во время молитвы. Все это звучало какой-то издевкой, так глупо, что сестры улыбались, кто-то даже смеялся. Хотелось провалиться сквозь землю, только бы не слышать, как Матушка цитирует мои слова, которые я писала только ей. Смысл матушкиных слов был такой, что послушницам вроде меня еще

рано думать о молитве, а нужно просто больше трудиться на послушании, и Господь все пошлет. Все правильно. Но почему не сказать мне это наедине, зачем выставлять при всех такой дурой, зачем читать всем мои помыслы? Я же писала ей их как исповедь, а исповедь должна оставаться тайной. Для меня это было большим потрясением. Я поняла, что теперь никакого откровения уже быть не может, а врать я не могу. Получается, что писать нечего. И не писала недели две. Конечно, Матушка это заметила.

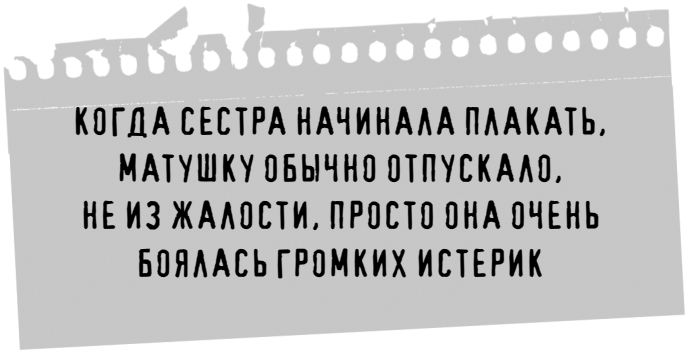
***

Меня вызвали к Матушке в покои после вечернего чая. Я, как всегда, обрадовалась, думая, что это какое-то специальное поручение лично для меня. Матушку я тогда не боялась. Когда я вошла к Матушке в кабинет, она сидела за столом, спиной ко мне. Я сказала обычное: «Матушка, благословите». Она не обернулась, даже не посмотрела на меня, сразу начала очень жестко отчитывать меня, переходя на крик, говорить, что такие сестры, как я, ей в монастыре не нужны и что она меня выгоняет. На меня напал какой-то ступор, от неожиданности я ничего не могла понять. Оказалось, это все из-за того, что я не пишу ей помыслы да еще смею причащаться. Я заплакала, пыталась ей объяснить, что просто не могу ничего написать, что это все теперь будет неправдой, я не могу открывать свои помыслы, зная, что в любой момент их зачитают за столом в трапезной между переменами блюд. Когда сестра начинала плакать, Матушку обычно отпускало, не из жалости, просто она очень боялась громких истерик, которые могли закатывать неко-

торые сестры. Она успокоилась, но поставила меня перед выбором:

— Убирайся из монастыря или пиши помыслы, как все, и меня совершенно не волнует то, как ты будешь это делать.

Я увидела, что ее вообще не волнует, что я чувствую и как я живу. Ее не волновали мои объяснения, мои проблемы, ей это все было до лампочки. Для нее был важен порядок, устав ее монастыря, а людей надо просто приладить к этому механизму и заставить все делать правильно. Приспособился — хорошо, нет — можешь уходить. Она часто повторяла фразу, выдернутую из книжки каких-то афонских отцов: «Исполни или отойди». Ей она очень нравилась.



На следующий день после службы меня вызвали в Матушке.

— Поедешь сегодня в Оптину, можешь пообщаться там с отцом Афанасием.

— Благословите, Матушка.

Я была очень рада побыть в Оптиной и снова увидеться с Батюшкой и побежала собираться. Матушка нечасто отправляла сестер к их духовникам, такое случалось крайне редко. Она очень доверяла отцу Афанасию и была уверена, что он сможет наставить меня на правильный путь послушания.

Мы ехали на газели с монастырским водителем. В Оптиной нам нужно было забрать картошку, а я в это время могла увидеть Батюшку. По этому случаю мне даже отдали на один день мой мобильный телефон. Батюшка уже знал, что я приеду: видимо, Матушка его предупредила, что мне нужны помощь и вразумление. Мы сидели на лавочке в лесу возле скита, и я пыталась у него выяснить, как же жить дальше. Я рассказала про помыслы и про случай в трапезной, про то, что реальная монастырская жизнь совсем не такая, как ее описывают в книгах. Случай с откровением помыслов в трапезной его сильно удивил и даже рассмешил.

— Ну а как ты хотела? Монашеские искушения нужно перетерпеть. Ну, подумаешь, прочитали. Считай, что Господь испытывает твою гордыню.

— Но дело совсем в другом. Я не могу больше писать эти помыслы. Тут надо писать то, что у тебя на душе, не придумывать же их? А у меня на душе то, что Матушке я теперь не доверяю, я ее боюсь, и многое в монастыре мне кажется неправильным, не могу же я ей это писать?

— Ну а что, напиши как есть.

— А смысл? Только опять позориться на занятиях. У нас есть такая сестра, послушница Наталья. Матушка недавно постригла в иночество маму одного монастырского спонсора с именем Николая. Эта бабушка никогда не жила в монастыре и уже была совсем не в своем уме, ничего не соображала. Наташа написала в помыслах, что, по ее мнению, это неправильно — постригать кого-то за деньги.

— Ну и что?

— Матушка орала на нее целый час на занятиях, довела до слез, потом раздела и отправила на послушание на детскую кухню надолго, без посещения служб и причастия. Наказание за помыслы. Как-то не хочется нарываться лишний раз. И какое же это откровение, если сидишь и думаешь, что бы такое написать, чтобы не наказали?

— Ну ты не пиши Матушке обидных вещей, она же тоже человек.

— Да я вообще ничего не могу писать. Сказано же: «Кому не извещается сердце — тому не открывай его».

— А что, у вас нет духовника в монастыре? Почему вы Матушке помыслы открываете?

— Матушка даже священникам запрещает открывать помыслы. Только ей.

— Это плохо, что нет духовника. Но ты не переживай! Господь все управит за послушание и веру. Пишут же помыслы другие сестры?

***

Да, сестры писали. И писали много. У некоторых это были целые кипы, состоящие из нескольких плотно исписанных тетрадных листов. Что там обычно писали, да еще каждую неделю? Хороший вопрос.

Удивительно, но почти никто не писал о себе. Писали о других, как правило, о тех, кто чем-то не угодил.

БЫЛА ТАКАЯ МОНАХИНЯ АЛИПИЯ, ПО ПРОЗВИЩУ «ПАВЛИК МОРОЗОВ». У НЕЕ ВПОЛНЕ ОФИЦИАЛЬНО БЫЛО ТАКОЕ ПОСЛУШАНИЕ: ВЫСЛЕЖИВАТЬ — И ПИСАТЬ

Работало это здорово. Например, сестра-трапезник нагрубила сестре-повару за то, что та не успела вовремя согреть чай и пришлось разливать холодный. Сестра-повар старше по чину, и ей обидно, что какая-то трапезница ей грубит. На следующий день трапезницу вызывают к Матушке, и та ругает ее за то, что она, оказывается, ставит на свою «четверку», где сама ест, самую хорошую еду! Вот так. Или две сестры трудятся на коровнике. Смена почти доделана, осталось только раздать сено. Приходит регент и вызывает одну из них, инокиню, на спевку. Другой, монахине, страшно обидно, что ей придется одной заканчивать работу, и вообще, она тоже клиросная, а ее не позвали. На следующих же

занятиях инокиню-певицу снимают с послушания на коровнике и отправляют в ссылку в скит за то, что все время ленится, нарочно недодаивает коров и не справляется с послушанием. Иногда можно было просто намекнуть на то, что ты что-то можешь написать, и это тоже давало определенные результаты.

Писать что-то о себе было опасно. Инокине Герасиме очень нравилось петь на клиросе, она просто жила этим и, соответственно, писала Матушке, как для нее это важно. Матушка перестала ставить ее на клирос, а потом и вообще запретила ей туда ходить почти на полгода. Потом мать Герасима поумнела и стала писать о том, как ей хорошо без клироса, как ей нравится просто молиться с остальными сестрами. Матушка ее похвалила за это на занятиях, сказала, что мы все должны таким же образом побеждать свои страсти, и снова разрешила ей петь.

Никогда Матушка не разбиралась: кто прав, кто виноват. Виновата была та, которую Матушка считала виноватой, никаких оправданий она не принимала. Только старшие, «верные» Матушке сестры обладали своего рода неприкосновенностью, «писать на них» было бесполезно, пока Матушка сама не решит такую сестру наказать — за непослушание или просто для профилактики. Была такая монахиня Алипия, по прозвищу «Павлик Морозов». У нее вполне официально было такое послушание: выслеживать все и вся и писать. Иногда Матушка журила ее на занятиях, что та «мало стала смотреть за сестрами». В чем тут смысл, и почему эти доносы так важны были для игумении? Очень просто. Все друг

за другом следили. Не напишешь ты — напишут на тебя. Ничего в этом огромном монастыре не могло утаиться от игумении. Количеством доносов измерялась верность сестры Матушке. Особо рьяных доносчиц Матушка жаловала чинами — они становились старшими на послушаниях, помощницами благочинной, матушкиными келейницами, старшими в скитах, а потом и игуменияими подшефных матушке монастырей по всей России (см. прим. 3).

***

После разговора с Батюшкой я вернулась в монастырь. Матушка дала мне епитимью: я должна была писать ей помыслы каждый день, пока не научусь.

— А если мне нечего будет писать?

— Так и пиши — нечего писать, но помыслы сдавай.

Я стала писать. Писала просто всякую ерунду о том, как я устаю на послушаниях, плохо молюсь, иногда занимаюсь тайноедением и борюсь со страстями осуждения и гнева. Как-то все об одном и том же разными словами. Для себя решила: что бы ни случилось, писать буду только про себя, так, чтобы если и прочитают на занятиях, не было стыдно. Ябедничество еще с детского садика для меня стало самой отвратительной вещью на свете. И еще был какой-то подсознательный страх, что стоит только раз попробовать кому-нибудь насолить или отомстить с помощью доноса, и потом уже будет невозможно вернуться обратно в прежнее состояние: было в этом всем ощущение какого-то безвозвратного падения, сродни проституции.

...8

Как-то на занятиях Матушка предложила желающим поехать подвизаться на коровник в Карижу, там нужны были люди. Желающих не оказалось, все сидели и смотрели в свои тарелки, стараясь казаться как можно незаметнее и втянув голову поглубже. Вообще-то Матушка отправляла туда сестер и взрослых девочек приюта по своему усмотрению, как правило, в наказание, отказаться от такой поездки было нельзя, но тут она решила дать нам выбор. Я подняла руку. В деревне Карижа был небольшой деревенский домик для сестер и летний коровник, куда весной перегоняли монастырское стадо. Считалось, что там очень тяжело. Но неужели где-то могло быть тяжелее, чем тут? Дамиана рассказывала, что сестры там сами пасут коров, и можно читать книги, гуляя по окрестным полям со стадом. Я так давно за неимением времени ничего не читала, и к тому же очень хотелось погулять, подышать воздухом, просто сменить обстановку. Здесь устав вообще не оставлял ни капли свободного времени.

МАТУШКА ПРЕДЛОЖИЛА ЖЕЛАЮЩИМ ПОЕХАТЬ ПОДВИЗАТЬСЯ НА КОРОВНИК В КАРИЖУ. СЧИТАЛОСЬ, ЧТО ТАМ ОЧЕНЬ ТЯЖЕЛО. ГДЕ-ТО МОГЛО БЫТЬ ТЯЖЕЛЕЕ?

Я сказала Матушке, что умею доить коров, поэтому меня сразу отравили в этот скит. Когда я, довольная предстоящей поездкой, стояла у монастырских ворот с рюкзаком в ожидании монастырского джипа, который должен был отвезти меня на коровник, сестры, проходившие мимо, смотрели на меня с сочувствием.

***

Мы приехали в скит уже вечером. Подъехали к большому двухэтажному дому, и сразу запахло коровником. Я и монахиня Георгия, старшая по коровнику, пошли на вечернюю дойку. Там нас уже ждали семь дойных коров, две телки и теленок. Мать Георгия стала налаживать доильный аппарат, а я и две взрослые приютские девочки чистили навоз и кормили коров. В детстве я часто жила в деревне у бабушки, у нас там тоже было небольшое хозяйство, поэтому вид и запах коровника меня не очень смутили. Я была очень довольна, что приехала сюда, здесь все казалось каким-то по-деревенски простым и уютным. Деревня была небольшой, в основном здесь были дачи. Осенью почти все отсюда уезжали. Места вокруг были очень красивые: вокруг тянулись бесконечные луга и поля, засаженные клевером и пшеницей, в овраге протекала небольшая речка, куда мы водили наше стадо на водопой. Через этот овраг начинался небольшой лесок со множеством грибов и ягод. На пригорке стоял храм Покрова Пресвятой Богородицы. Во времена гонений он не закрывался, почти все иконы и росписи в нем были очень древние. Пели здесь знаменным распевом, медленно и красиво. Служил настоятель протоиерей Андрей. По воскресениям он говорил замечательные проповеди, а все службы слу-

жил полным чином, при свечах, зажигая даже под потолком большое круглое паникадило со свечками.

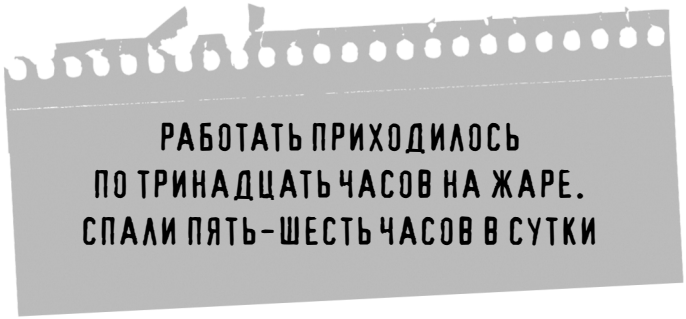
***

Сама территория скита была хоть и большой, но заваленной разным хламом, который свозился сюда из монастыря. Здесь были старые доски, которые нужно было пилить на дрова, целая куча ржавого железа с какой-то крыши, валялись огромные железные ворота, сломанная старая мебель и много чего еще. Часть территории была засажена картошкой и зеленью, а около трети всего участка мать Георгия отвела под склад навоза. Мы его сюда свозили на тачке, он прел, а потом его вывозили на огород.

Меня поселили на втором этаже в просторной келье с видом на коровник. Подъем в скиту был в четыре утра, когда было еще совсем темно. В 4.15 мы, заспанные и озябшие, одетые в рабочие юбки и рубахи, уже стояли в кухне на полунощнице. Полунощницу читали не полным чином, без кафизмы. Потом, по темноте, захватив пластмассовые баки для молока, мы брели на коровник. Там нас уже ожидали такие же сонные коровы и кучи навоза, которые нужно было сгребать лопатами и вывозить на тачке. Потом коров мыли: целиком — вместе с головой и ногами. Для этого специально на печке грелась вода, и мы щетками и тряпками оттирали засохший навоз от шкуры, вытирали коров насухо, и только тогда их можно было доить. Эту странную мойку изобрела мать Георгия, ей нравилось выводить на поле чистых коров, как в рекламных роликах. После дойки по очереди две сестры уходили пасти стадо, а остальные выполняли различные послушания в скиту. Работа была тяжелая: таскать

и пилить дрова для печки, обрабатывать грядки, разбирать завалы, лопатами и вилами откидывать навоз. В 11.00 была трапеза, дневная дойка, два часа отдыха и вторая трапеза. Потом коров выгоняли снова, а те, кто остался, чистили коровник и служили вечерню с утреней. Вечером — дойка, чай, послушания и в 22.00 отбой. Работать приходилось по тринадцать часов на жаре, спали пять-шесть часов в сутки. Хотя выдержать такой устав было тяжело, были и свои плюсы. Большую часть времени мы проводили на поле. Если коровы вели себя спокойно, там можно было помолиться, почитать, пособирать грибы или просто погулять. Иногда коровы убегали на колхозные клеверные поля или на мусорку, куда свозились со всей деревни гнилые яблоки. Тогда приходилось бежать за ними через всю деревню и гнать обратно. Иногда на этой мусорке можно было найти и вполне приличные яблоки, это был настоящий праздник. Одна сестра в таком случае отгоняла коров, а другая набирала яблоки и тащила их в скит. В жару пасти было очень тяжело, но когда пошли дожди, стало еще хуже. Со всех навозных куч потекли лужи, и по непролазной грязи уже невозможно было проехать с тачкой, приходилось носить ее буквально на руках. Сестер в скиту было немного: монахиня Георгия, старшая на коровнике, бабушка монахиня Евстолия, которая все время мучилась давлением, инокиня Киприана, я и еще две Маши, девчонки из монастырского приюта лет пятнадцати-шестнадцати, за что-то наказанные. Читать на поле у меня иногда получалось, и я брала у Маш книжки, художественные, в основном из школьной программы: Виктор Гюго, Достоевский, Островский, Пушкин и какая-то фантастика. Монашествующим сестрам и послушни-

цам Матушка не благословляла читать никакую художественную литературу, только жития святых и наставления отцов, поэтому книжки приходилось прятать от сестер. Если бы меня кто-то застукал с такой книгой, мне и Машам сильно бы досталось.



Мать Киприана тоже придумала себе развлечение. Она взяла у Матушки благословение расчистить скит от хлама, построить беседку и посадить клумбы. Доить коров она не умела, помогала только пасти и чистить навоз, а в остальное время занималась благоустройством скита. Из монастыря привезли электропилу, и мать Киприана начала распиливать гнилые доски и бревна на дрова, а мы складывали их возле забора. На расчищенном участке Киприана сложила из камней альпийскую горку и посадила на ней флоксы и герань. За домом решили выдрать бурьян и посадить газон и кусты. От коровника до дома она выложила дорожку из камешков. Очень трогательно смотрелись эти преобразования среди рядов картошки и необъятных навозных куч. Коровы постоянно норовили залезть на эту альпийскую горку или навалить кучу прямо на белой каменной дорожке, а из монастыря привозили каждую неделю

целую газель с каким-нибудь хламом, который тоже нужно было где-то положить.

По воскресеньям мы ходили на службу в храм, а на праздники ездили в монастырь.

...9

Через месяц к нам приехала монахиня Елисавета, монастырский уставщик и регент. Это была одна из самых любимых и верных Матушке сестер, высоченная, под два метра, худая, с прозрачной кожей, абсолютно белыми ресницами и бровями и длинными нервными пальцами. Ей было около сорока лет, но лицо, несмотря на морщинки, оставалось каким-то совсем детским. Я видела такое часто у сестер, которые попали в монастырь почти детьми и всю жизнь жили в послушании, отсекая свою волю во всем. Внутреннее состояние, как правило, тоже продолжало оставаться примерно на том же полудетском уровне. Они старели, не взрослея. Отсюда это повсеместное ябедничество и обидчивость, так свойственные детям. Таким сестрам это не казалось чем-то зазорным. У матери Николаи в окружении было около десяти таких «верных» сестер. Это были, как правило, те, кто прожил в обители десять-двадцать лет и успел неоднократно «доказать» свою верность. Уходили из монастыря в основном те, кто прожил здесь не более десяти лет, большей частью послушницы. Видимо, для тех, кто провел здесь основную часть своей жиз-

ни, как мать Елисавета, уход был уже невозможен. Чем больше времени человек живет в монастыре, тем труднее ему уйти, поскольку сама личность человека погружается в эту среду: с определенными эмоциями, убеждениями, мировоззрением, отношениями. Жизнь «в миру», если она была, постепенно забывается, становится чем-то нереальным. На занятиях и из книг сестра узнает, что весь предыдущий ее жизненный опыт был греховным, ведущим в погибель, а после прихода в обитель для нее начался путь спасения. Ее воля — греховна, доверять ей нельзя ни в коем случае. Все сомнения и размышления нужно считать происками бесов, непрестанно нашептывающих монахам всякие непристойности относительно их наставника и устава монастыря. Слушать эти «помыслы» нельзя, их нужно отгонять от себя и исповедовать. Вообще любая умственная активность, кроме Иисусовой молитвы, считается в монастыре неприемлемой и даже греховной. Сестра учится доверять не себе и своему опыту, своему видению действительности, чуть было не приведшему ее в ад, а наставнику — Матушке. Считается, что такое недоверие себе во всем и является самым главным в спасении души. Это очень удобно: в таком состоянии человек легко поддается контролю — ему можно внушить все, что угодно, заставить исполнять любые «благословения» и оправдывать любые поступки своего наставника. Такая практика контроля тщательно маскируется духовной идеологией, оправдывается цитатами из Писания или святых отцов, часто вырванными из контекста. Недаром самыми ценными добродетелями в монастыре считаются безоговорочное послушание и преданность наставнику (интересно, что не Богу).

Во многих книгах о монашестве говорится, что послушание наставнику включает в себя все остальные христианские добродетели, другими словами: истинный послушник исполнил все заповеди. Также говорится, что на Страшном Суде за послушника будет нести ответ тот человек, которому он предал себя в послушание. Много внимания уделяется в святоотеческой литературе и тому, что послушание должно быть «слепым», без рассуждения: достаточно вспомнить лук, который сажали ученики одного старца вверх корешками и который «за их послушание» отлично вырос. Причем, судя по многим книгам, особенно современным афонским, наставник совсем не обязан быть прозорливым, духовным или даже просто нормальным, здоровым человеком. Можно вспомнить святого Акакия из «Лествицы», которого его суровый наставник забил до смерти. Акакий не только получил спасение благодаря своему полному послушанию, но и спас душу своего наставника. В «Лествице» вообще много интересных моментов: там и темница с различными пытками, куда отправляли послушников на покаяние, и другие, более «мягкие» и утонченные издевательства над насельниками монастыря, которые им якобы помогают обрести смирение и спасение души. Эта книга так высокопарно и убедительно воспевает садизм игуменов и духовников над своими подчиненными, что является настольной книгой во всех монастырях, ее даже благословляют периодически перечитывать. В Кариже мы ее как раз слушали за трапезой на диске. Здесь тоже можно вспомнить елейно-приторную книжку старца Ефрема Катунакского «Блаженный послушник». Эта книга о жизни старца и послушника в отдаленном афонском скиту, нам всем

Матушка раздала по экземпляру, с тем чтобы мы учились настоящему послушанию:

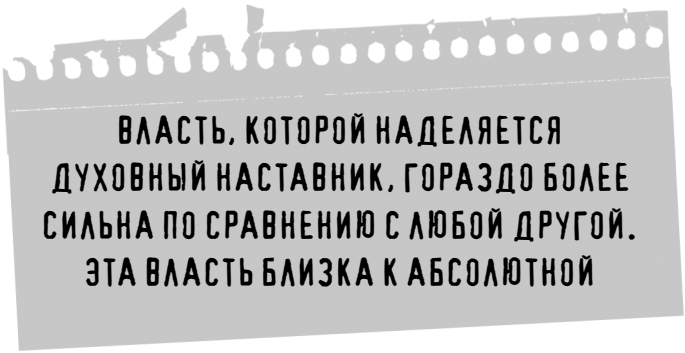
«Старец для послушника — как видимый Бог. То, что говорит старец, исходит из уст Божиих. Старец да будет для тебя образом Бога. Смотри на старца, как на Христа. Не огорчай его. Огорчил ты старца — огорчил и Христа».

САМЫМИ ЦЕННЫМИ ДОБРОДЕТЕЛЯМИ В МОНАСТЫРЕ СЧИТАЮТСЯ БЕЗОГОВОРОЧНОЕ ПОСЛУШАНИЕ И ПРЕДАННОСТЬ НАСТАВНИКУ. ИНТЕРЕСНО, ЧТО НЕ БОГУ

Это и подобные пособия ко спасению открывают перед такими «властителями душ», как мать Николая и ей подобные, неограниченные возможности. Поскольку добродетель послушания ценится превыше всех остальных и как бы сама по себе, это может быть легко использовано в качестве средства манипулирования людьми, без учета их интересов.

Власть, которой наделяется духовный наставник, гораздо более сильна по сравнению с любой другой светской властью, поскольку подчиненный на самом деле верит, что только через послушание наставнику он может обрести спасение. Эта власть близка к абсолютной, и последствия ее могут быть самыми

экстремальными. Легко предположить, что обладающие этой властью могут ею злоупотреблять. Если послушник добровольно отказался от своего разумения и здравого смысла, то логически уже невозможно опровергнуть доводы наставника, остается только подчиниться чужой воле. Поэтому даже самые образованные люди становятся готовы верить во все что угодно и делать все что угодно. Любое несоответствие между идеалами и реальными делами наставника становится вполне допустимым и оправданным тем, что послушник не в состоянии понять мотивов наставника ввиду своей греховной испорченности. Это тем более затруднительно, так как считается, что наставником руководит сам Господь, а Его замыслы невозможно уразуметь.

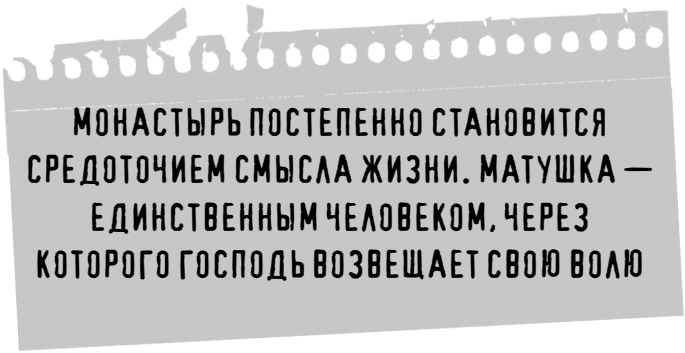


Интересно, что ничего такого нет в Евангелии. Там Господь показывает нам совершенно противоположный пример общения со своими учениками. И к тому же говорит: «Если слепой ведет слепого — оба упадут в яму». Вот вам и «слепая» вера и «слепое» послушание. Здесь уместно вспомнить и слова святого Симеона Нового Богослова: «Не предай себя неискусному

или страстному учителю, чтоб не научиться вместо евангельского жития — диавольскому житию: потому что благих учителей и учительство благое, а злых — злое; от лукавых семян непременно произрастают и лукавые плоды. Всякий невидящий и обещающийся наставлять других есть обманщик, и последующих ему ввергает в ров погибели». Видимо, все-таки не все так просто, как пишут афонские старцы в своих брошюрах.

Для таких сестер, как мать Елисавета, монастырь постепенно становится средоточием смысла жизни, самой сильной привязанностью и даже надеждой на будущее. Матушка — единственным человеком, через которого Господь возвещает Свою волю. Часто игумения Николая говорит на занятиях: «Хочешь узнать, что думает о тебе Господь — спроси своего наставника». Страх тоже помогает удержать сестер в монастыре: это и страх согрешить и усомниться в своем монашеском призвании, и страх Божьего наказания за уход из обители, и страх возвращения к неопределенностям и проблемам самостоятельной жизни, и даже большей частью страх и неспособность принимать самостоятельные решения, привычка доверять не себе, а определенному авторитету, на которого можно возложить всю ответственность за эту и последующую жизни. Постепенно сестры перестают вообще доверять себе и верить в свои силы, даже в выполнении незначительных задач. Все здесь делается «матушкиными святыми молитвами» и с матушкиного благословения. Страхи перед жизнью «в миру» всячески взращиваются рассказами на занятиях о греховности и испорченности «мира», лежащего во зле и никак не способствующего спасению. Сюда тоже

следует добавить страх перед Матушкой и боязнь друг друга. Страхов у сестер накапливается так много, что совсем неудивительно, что многие, включая мать Николаю, принимают различные таблетки, в том числе и очень серьезные. Транквилизаторы, антидепрессанты и даже таблетки, которыми лечат паранойю и шизофрению, не считаются тут чем-то особенным, напротив, это как бы даже нормально, учитывая тяжесть монашеского подвига. Матушка Николая запросто дает благословение на прием таких лекарств, как амитриптилин, даже не снимая сестру с послушания, хотя чаще всего «крыша» может встать на место просто благодаря отдыху и смене образа жизни. Выписывает их врач местной больницы и знакомая матери Николаи.



Для тех, кто находится в кругу приближенных к игумении, таких как мать Елисавета, уйти из монастыря еще сложнее. Ведь ощущение избранности, правильности и спасительности этого пути, а также власть, которая им дается над теми, кто ниже их по чину, делает их зависимыми от матушки Николаи и от этого образа жизни. Неудивительно, что они со-

противляются всему, что заставляет их сомневаться в достоинствах Матушки и ее политики. Сестры легко могут оправдывать и не замечать те поступки игумении, которые в обычном человеческом понимании считаются просто чудовищными. Более того, они сами постепенно начинают проецировать подобное поведение по отношению к другим: если людей долгое время заставляют подчиняться, то при первой же возможности они начинают заставлять подчиняться других. Вообще, наблюдение за ближайшим кругом «верных» матушкиных сестер, проживших под ее началом 15–20 лет, дает понимание многого. Все они смогли добиться ее расположения исключительно благодаря лизоблюдству, лести, подхалимству, доносительству и привязанности к Матушке. Эти качества характеризуют «верность» и «надежность» сестры. Никакие другие человеческие качества не берутся в расчет. Смешно было слушать, как эти «приближенные к телу» монахини, перебивая друг друга, как дети, со слезами признавались Матушке в любви и верности, валяясь в ногах у ее трона и целуя ее руки, писали посвященные ей стихи и песенки, а также доносы и кляузы, порочащие друг друга.

***

Мать Елисавета прожила в этой обители более 20 лет, хотя пришла сюда совсем молодой — в 16 лет, почти девочкой. Ничего, кроме этого монастыря, она в своей жизни не видела, обычной «мирской» жизнью пожить не успела — монастырь и Матушка были для нее всем. Мать Елисавета всегда была при Матушке. Обладая отменным здоровьем, которому могли бы позавидовать многие сестры, она считалась в монастыре

«болящей», то есть на послушания почти не ходила, занималась канцелярской работой, училась, писала устав служб на каждый день, вела матушкину переписку, сочиняла музыку, регентовала и пела. В общем, на ней была вся интеллектуальная работа монастыря и устав служб. Она была не просто умной, в ней была какая-то гениальность, граничившая с ненормальностью. Весь богослужебный устав со всеми его нюансами она знала наизусть. Освоив древнее крюковое византийское пение, она быстро научилась сочинять напевы для церковных песнопений сама, делая это быстро, на ходу, прямо на службе, пока все пели. Писала она, не нарушая древних канонов, крюками, и ее напевы были необыкновенно красивые, сложные и мелодичные. Общаться с ней, даже при очень хорошем к ней отношении, было крайне сложно. Она была ужасно нервной, а ее настроение менялось кардинально и очень быстро. Если вовремя не подстроиться, можно было вдруг ни с того ни с сего нарваться на рычание и крик. Все это сочеталось с патологически обостренной обидчивостью и злопамятностью. Помыслы Матушке она писала часто и очень обильно. Она умудрялась высмотреть, выведать и написать Матушке не только поступки и разговоры, но даже мысли окружающих ее сестер.

***

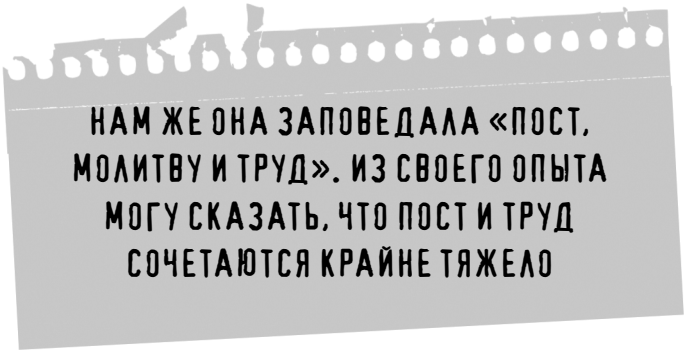
К ее приезду мы все в скиту были уже в унынии от тяжелых трудов и однообразной обстановки. Бодрость духа сохраняла только бабушка мать Евстолия, и то если не было приступов гипертонии. Мать Елисавета, которая стала у нас теперь старшей, сочла своим долгом навести порядок: ужесточить и без

того жесткую дисциплину в скиту, урезать количество отдыха и еды, заставить всех регулярно сдавать в монастырь помыслы. Продукты, которые жертвовали в наш скит соседи, прихожане или наши родственники, и даже грибы и ягоды, которые мы собирали, она отправляла в монастырь — Матушке. Нам же она заповедала «пост, молитву и труд». Из своего опыта могу сказать, что пост и труд сочетаются крайне тяжело. Результатом такого сочетания, помимо слабости и уныния, являются злость и раздражительность. Все эти нововведения уже окончательно переполнили мою чашу терпения. Мать Георгия во всем поддерживала мать Елисавету, она восхищалась ее стойкостью и начальственной непреклонностью. Теперь даже после чая нужно было час работать, чтобы все было как в монастыре, там тогда был такой распорядок. Во всем, к каждой мелочи, теперь нужно было брать благословение у матери Елисаветы, даже на то, чтобы помыться, постирать или отойти по нужде. От постоянных придирок и нелепых «благословений» у меня сдавали нервы. Мать Киприана ругалась с Елисаветой до истерик. Я тоже долго терпела, а потом высказала матери Елисавете и матери Георгии все, что я думала о них и обо всем этом. Мы сильно поругались. На следующий день за мной приехала машина и отвезла меня в монастырь к Матушке, мать Елисавета по телефону уже ей пожаловалась. Я очень удивилась, что в монастыре на меня никто не кричал, видимо, вид у меня был такой страшный, что это было просто опасно. Мы поговорили с Матушкой, я сказала, что не могу вернуться в скит: мать Елисавета с матерью Георгией вдвоем меня там доконают. На что она неожиданно ответила:

— Ну тогда я тебя назначаю старшей на коровнике вместо матери Георгии.

— Меня?

— Да, пусть тебя там слушаются.



Я вернулась. Удивительно, но атмосфера в скиту после этих перестановок наладилась. Кормить больше не стали, но морально стало намного легче. Старшей по скиту была, как и раньше, мать Елисавета, а я возглавила коровник. Поскольку вся жизнь в Кариже проходила именно там, от меня многое зависело. Теперь у меня было что-то типа «депутатской неприкосновенности», раз я старшая и Матушка меня так отличила. Все стали вдруг вежливые, добрые, на меня уже не рычали и не кричали, а улыбались и заискивали. Теперь можно было со спокойствием человека, которому ничего не грозит, целиком отдаться потребности всепрощения. Мне даже в силу своей высокой должности удалось провести кое-какие реформы на коровнике, вылечить нескольких коров от мастита и отелить двух телят.

...10

В Кариже я провела все лето, сентябрь и октябрь. Обычно осенью коров в монастырь пригоняли в сентябре, но этот год был особенный: 21 октября к нам должен был приехать Патриарх Кирилл. Коров решили оставить пока в Кариже, чтобы не портить монастырский вид кучами навоза. В монастыре уже с конца августа все готовились к этому важному событию. В трех монастырских храмах все начищали и полировали, дети и сестры репетировали песни к праздничному концерту, повара закупали продукты и сочиняли новые блюда. На протяжении нескольких недель никто в монастыре не имел отдыха, все трудились день и ночь. Я была рада избежать этой суеты, у нас в Кариже было более чем спокойно. Господь послал мне средство от уныния, о котором я даже и не догадалась бы. Оказалось, у меня есть музыкальный слух и даже голос. Это каким-то образом заметила мать Елисавета, когда мы служили наши службы. Служба в скиту — это последование вечерни, повечерия и утрени с полунощницей, а также часов и изобразительных, которое можно служить без священника. Литургию, разумеется, мы посещали в храме раз в неделю. Мы сами пели тропари и читали каноны с молитвами в маленькой комнатке, увешанной бумажными иконами, которая у нас называлась храмом. Там пахло ладаном и свечами, а вдоль стены стояли старые черные стасидии с высокими подлокотниками, на которых удобно помещалась голова и можно было немножко поспать. Не то чтобы мы были лентяями или не любили молиться, просто от

постоянного недосыпания и усталости ничего не могли поделать. Если хотелось помолиться или служба была интересной, ни в коем случае нельзя было садиться. Я заметила, что стоило только сесть — и все, в следующее же мгновение уже засыпаешь.

В скиту пели все, кроме матери Евстолии, и я тоже потихоньку начала учиться. Пели мы знаменным и византийским распевами на два голоса: основной и иссон. Приходилось разучивать на слух напевы для всех восьми гласов, но, когда сам служишь почти каждый день, все запоминается само собой. Мне это было очень интересно и очень тяжело. Сначала я пела со всеми, а потом мать Елисавета начала учить меня петь партию второго голоса, иссона. Там всего одна нота, на нее, как на ниточку, нанизывается мелодия, в некоторых гласах она менялась, но ее нужно было держать на постоянной высоте и чисто. Кажется просто, но мне это давалось с огромным трудом. От волнения я вообще часто переставала что-либо слышать и, пока снова не давали тон, стояла молча, что было очень неприятно. Если я не попадала в ноты, сестрам было тяжело и даже невозможно петь свою партию, я их сбивала. Я уже начала сомневаться, что у меня и правда есть хоть какой-то слух. Мне очень хотелось научиться, но учиться можно было только во время службы, в другое время со мной никто не занимался, а постоянно портить службы и действовать всем на нервы было очень тяжело. Петь первым голосом, вместе во всеми, мать Елисавета мне не разрешала, ей очень хотелось, чтобы я выучила партию второго голоса, вторых голосов в монастыре не хватало. После долгих мучений я наконец придумала, как мне научиться. Я попросила маму

привезти мне диктофон-плеер, записала на него наши службы, а потом на послушаниях или в келье в наушниках слушала и пела свою партию. Конечно, все это было тайно, нечего было и мечтать, чтобы Матушка благословила меня завести диктофон. Такие вещи сестрам иметь не благословлялось. Я его прятала в кармане, а маленькие наушники были не видны под платком. Зато это помогло мне быстро научиться петь.

***

В начале октября начались заморозки. Коровник в Кариже был летний и к холодам не приспособленный. Каждая дойка превращалась в мучение. По утрам в трубах часто замерзала вода и нечем было поить коров и мыть доильный аппарат. Приходилось носить воду из дома и топить лед на печке в больших железных баках. Коров уже не мыли, как летом, выгоняли из коровника редко, а у нас появилось больше времени на службы и молитву. В монастыре была страшная суета в связи с приездом патриарха, часто нам даже забывали привозить продукты и забирать баки с молоком. Мать Елисавета уехала в монастырь проводить спевки хора и готовиться к патриаршей службе. Детей тоже забрали, в скиту остались только я, мать Георгия, мать Киприана и мать Евстолия. Нам всем обещали, что сразу после визита патриарха нас тоже заберут в монастырь. В скиту на зиму оставалась только старенькая мать Евстолия, она здесь жила постоянно. Мать Киприана тоже попросилась остаться тут на зиму, ей хотелось пожить в уединении, как древние отшельники, но Матушка ей не благословила — в монастыре не хватало рабочих рук.

Утром в день приезда патриарха за нами приехала инокиня Фомаида — монастырский водитель и эконом — и отвезла нас в монастырь. Коров на целый день заперли в коровнике, предварительно накормив двойной порцией сена и комбикорма. Мы были во всем парадном. В монастыре сестрам специально к этому дню сшили новые апостольники, платки и рясы. Как только мы приехали, нас сразу же отправили помогать на кухню. Там было много мужчин в костюмах с наушниками, видимо, из патриаршей охраны, а на кухне у плиты была не мать Антония, главный монастырский повар, а двое мужчин в черных шелковых костюмах, наподобие тех, какие носят повара в суши-барах. Это были два личных повара патриарха, они пробовали суп и что-то жарили на сковороде. Эти люди отвечали за патриарший стол, а все остальные повара с матерью Антонией накрывали длинные столы для сестер и гостей в украшенной по этому поводу трапезной. Сестры уже все приготовили накануне, оставалось только расставить еду на столах. У всех был жутко уставший вид. В десять часов все сестры должны были выстроиться в два ряда по бокам дорожки, ведущей в храм — встречать патриарха. Хотя все очень молились о хорошей погоде, с погодой нам не повезло. Хуже и представить себе было нельзя. С раннего утра шел нескончаемый мокрый снег с дождем, причем в таком количестве, что эту мокрую серую массу приходилось постоянно сгребать с дорожек лопатами, чтобы можно было хоть как-то пройти. Около пяти сестер и дворники уже несколько часов были заняты только этим. Небо было темно-серое, тяжелое, на улице было невозможно что-либо разглядеть. Нас построили вдоль дорожки, патриарх дол-

ХОТЯ ВСЕ ОЧЕНЬ МОЛИЛИСЬ
О ХОРОШЕЙ ПОГОДЕ, НЕ ПОВЕЗЛО.
С РАННЕГО УТРА ШЕЛ НЕСКОНЧАЕМЫЙ
МОКРЫЙ СНЕГ

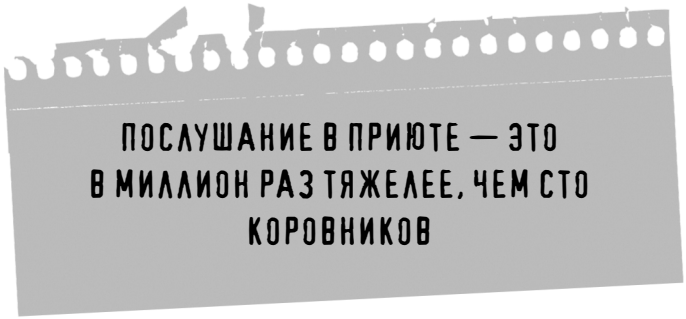
жен был приехать с минуты на минуту. Мы стояли в куртках, кто-то был в пальто, под этим мокрым снегом, и ждали больше часа. Я промокла до трусов, чувствовала, как по спине пробегают тепловатые струйки воды и стекают в ботинки. Наконец кортеж патриарха подъехал. Патриарх вышел из машины, в сопровождении охраны быстро и достойно прошел между рядами мокрых и замерзших сестер и скрылся в храме. Мы тоже поспешили в храм, снимая на ходу тяжелые от воды куртки и чавкая ботинками. Служба была очень пышной и торжественной, по этому случаю в Никольский храм провели микрофоны. Сестрам на втором этаже хоть и не было видно ничего из того, что происходило в храме, но было слышно каждое патриаршее слово и возглас. После службы патриарх произнес проповедь, но сестер в храме к тому времени уже не было: нужно было разносить горячее на столы в трапезной. После трапезы был детский концерт, Патриарх произнес речь, где поблагодарил матушку Николаю за труды, сфотографировался с маленькими приютскими девочками и пообещал в скором времени приехать к нам снова.

На следующий день в монастыре был объявлен отдых после всех этих трудов: весь день жили по воскресному уставу, а это значило: подъем в 7 утра и целых 4 часа отдыха днем!

...11

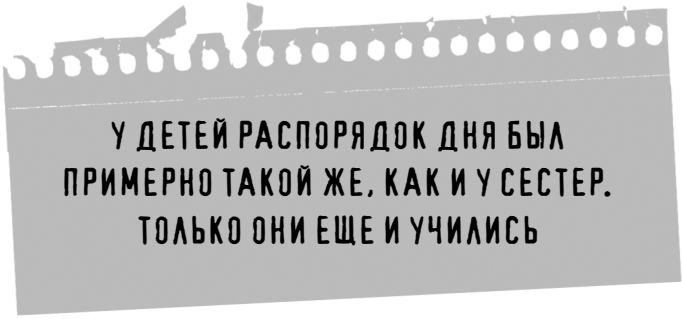
По прибытии из Карижи мне дали новое послушание. Как-то на занятиях Матушка сильно ругала сестер и «мам», которые трудились в приюте. Уже не помню, чем они ее так расстроили. Старшую по приюту монахиню Александру Матушка разжаловала и поставила мыть посуду в сестринской кухне, на ее место она назначила свою «правую руку» и благочинную монастыря — монахиню Серафиму. Мать Серафима должна была навести там порядок. Ей в помощницы Матушка дала, как она сказала, «самых лучших сестер». Это были: монахиня Михаила, послушница Ольга и я. Лучшими мы, конечно, не были, просто это было сказано, чтобы мы такими захотели стать. И еще потому, что послушание в приюте — это в миллион раз тяжелее, чем сто коровников. Никто там долго не выдерживал. Не из-за детей, а потому, что сестры и «мамы», находящиеся на этом послушании, жили по особому уставу. Этот устав, должно быть, придумал какой-нибудь суперчеловек, или инопланетянин, или уже святой, которому на этой земле уже не нужен был отдых и сон. Эти «приютские» работали целыми днями даже без часа отдыха и служб. Только в воскресенье они могли отдохнуть в течение трех часов.

Приют помещался в красивом белом здании со стеклянными дверями. Он был соединен проходом с обеими трапезными — детской и гостевой. Летом он весь утопал в цветах, а по газонам прыгали ручные кролики.



Послушания в приюте начинались в восемь. Считалось, что, если ты проспал столько времени, днем отдых тебе уже ни к чему и ты теперь можешь трудиться до 23.00. Не было даже того часа отдыха в день, что полагался сестрам. Но поспать до восьми нам никогда не удавалось, потому что мы не могли пойти спать к себе в кельи: спать нужно было на свободных кроватях в общих детских комнатах, если таковые имелись, или в холле на кушетке. Ночью приют тоже читал Неусыпаемую Псалтирь, то есть нужно было вставать по очереди и по 2 часа читать помянник с кафизмами. Утром было шумно, вокруг ходили и разговаривали, какой уж тут сон. Пойти ночевать к себе сестры не могли из-за того, что послушание в приюте заканчивалось после 23.00, а ворота, отделяющие сестринскую территорию от приютской, закрывали раньше. Хотя через них можно было легко перелезть и часто так делали, Матушка

за это наказывала. К тому же ночью нужно было тоже следить за детьми. Службы в храме приютские сестры не посещали, времени на выполнения монашеского молитвенного правила они тоже были лишены. Целый день только послушание и ничего больше.



У детей распорядок дня был примерно такой же, как и у сестер, только они еще и учились. Их так же, как и сестер, ставили на послушания на территории приюта, весь день у них был расписан по минутам. Посещение служб в храме для них было обязательным. Долгие монашеские богослужения очень утомляли детей, они их просто ненавидели. Странно, ни у кого из детей не было игрушек. Были какие-то мягкие игрушки в холле, но я ни разу не видела, чтобы там кто-то играл. По самому приюту дети везде ходили строем, парами, за ними постоянно присматривал воспитатель, даже за большими девочками. Их вообще никогда не оставляли в покое, все время они были должны что-то делать. Ни одной свободной минуты у этих детей не было, все было подчинено строгому распорядку и происходило под строгим наблюдением сестер. Здоровую психику в таких условиях сохранить

невозможно, почти каждый день с кем-нибудь из детей случалась истерика с криками, ребенка за это наказывали, как правило, мытьем полов или посуды на кухне поздно вечером. Самое страшное наказание — отвести к Матушке на беседу, дети этого боялись больше всего. Часто дети убегали из приюта, что становилось темой очередных монашеских занятий.

Однажды сбежали две взрослые девочки шестнадцати лет: Лена и Ника. На занятиях Матушка долго расписывала нам испорченность и развращенность этих молодых девиц (непонятно было, когда они успели так развратиться в приюте). Причиной их ухода, по словам матери Николаи, был блуд, другими словами, они были лесбиянками, и эта страсть толкнула их на грех ухода из монастырского приюта. Все знали, что девчонки были подружками. Они давно хотели уйти из приюта и из монастыря, просто потому, что не могли больше жить такой жизнью, но Матушка их не отпускала, как несовершеннолетних. Поэтому они сбежали тайно, без документов, которые были в сейфе у игумении. Идти им было некуда, некоторое время они перебивались у Никиной знакомой на квартире, а потом все-таки вернулись, но не в монастырский приют, а в один из скитов. В монастыре я их больше не видела. Рассказывали, что через некоторое время Лена вышла замуж и родила ребенка, а как сложилась судьба Ники, не знаю. Никакими лесбиянками они, разумеется, не были, но Матушке нужно было весомое объяснение для милиции и сестер, почему две девочки сбежали из приюта.

Однажды в лесбиянстве, и что самое жуткое, к девочкам приюта, обвинили инокиню Варвару. Мать

Варвара была на послушании в пошивке, и дети часто приходили к ней на примерки и просто поболтать. Матушка решила пресечь это общение. Целые занятия она клеймила мать Варвару этим страшным грехом при всех, говорила, что у нее блудное пристрастие к детям. Мать Варвара не выдержала этого позора, собрала вещи и ушла. Потом, несколько недель спустя, на занятиях мать Николая рассказывала, что мать Варвару какие-то мужики чуть не изнасиловали на остановке. Непонятно было, правда это или нет, но Матушка это преподносила как возмездие этой грешнице за уход из монастыря. Интересно, что к такому пикантному объяснению ухода из приюта или из монастыря мать Николая прибегала очень часто. Также этим грехом клеймились все те, кто пробовал дружить в стенах обители и даже просто общаться. Я вообще никогда раньше не видела такого скопления «лесбиянок». Ну а как можно доказать, что ты не верблюд?

***

Матушка часто говорила, что наш монастырь существует только благодаря приюту. На «деток» спонсоры жертвовали огромные средства. Странно только, неужели из этих средств невозможно было выделить сколько-то, чтобы нанять нормальных воспитателей для детей, с профильным образованием, как это и положено в таком заведении? Почему воспитанием детей должны были заниматься сестры, к этому часто совсем негодные, к тому же пришедшие в монастырь совсем не для этого? Обычному мирскому человеку вряд ли придет в голову устанавливать в приюте монастырские правила с уставом, который придуман для монахов, а не для

детей. Я еще застала время, когда девчонок заставляли ходить в черных длинных до пят платьях и платках, повязанных на лоб. Сейчас это отменили. Платья стали красными, но все остальное осталось по-прежнему.

***

В приюте я должна была заниматься с тремя группами детей разного возраста. Плюс к этому Матушка благословила мне вести биологию у пяти классов детей в гимназии, там неожиданно ушел педагог. Педагогического образования у меня нет, а биологию я изучала в медицинском университете. Когда я попросила себе дополнительно хотя бы час времени в день на подготовку к урокам, мне не благословили. К урокам нужно было готовиться, тем более классы были разные, от пятого до одиннадцатого, а школьный курс биологии я помнила с трудом. Как-то мать Серафима застала меня одну в приютской библиотеке за подготовкой к уроку. Спросила, почему я не на послушании. У меня было «окно», потому что дети были на хореографии, а по правилам я должна была в этом случае найти мать Серафиму и спросить, что мне делать. В таких случаях обычно назначали на какую-нибудь уборку. Но я не подошла, а занималась своими делами — биологией. Мать Серафиму это возмутило. Меня, в свою очередь, возмутила несправедливость, я ведь не занималась своими делами. С матерью Серафимой такие фокусы не проходили, и меня повели к Матушке как злостную нарушительницу порядка. Матушка сказала, что раз я не слушаюсь мать Серафиму, она отправит меня на коровник. Я не стала ее упрашивать оставить меня в приюте. Мне очень тяжело было

жить там без служб, а приютский устав мне казался непосильно тяжелым. В наказание за все это я была лишена причастия на весь Великий пост. Биологию преподавать все равно, кроме меня, было некому, и я продолжала ходить по утрам в приют, потом мыла посуду на кухне и шла на коровник. Зато вечером можно было посещать службы вместе со всеми сестрами, что для меня было самым важным и любимым делом.

***

Для меня ситуация в приюте была новостью: я не думала, что здесь так строго. Я видела этих девочек на праздниках, нарядных и веселых, я не думала, что они живут такой тяжелой даже для взрослого человека жизнью. Сестры и те не жили в такой строгости, как приютские девочки. Матушка очень гордилась своим приютом, на каждом празднике дети выступали с песнями и танцами, они часто ездили вместе с Матушкой с концертами за границу. Матушка следила, чтобы в приюте были хорошие преподаватели по хоровому пению и хореографии. Самыми талантливыми на выступлениях были, как правило, не те дети, которых брали из детских домов, а дети, приходившие с «мамами», дети, выросшие в семье. Это еще одна причина, по которой Матушка брала «мам». Эти детские выступления были своего рода визитной карточкой матери Николаи, она считала, что раз дети поют и танцуют, значит, все у нас в монастыре замечательно. Понять, как живется этим поющим и пляшущим детям, когда праздник заканчивается, можно лишь пожив или поработав в приюте, а никак не со стороны.

ДЕТСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ БЫЛИ ВИЗИТНОЙ КАРТОЧКОЙ МАТЕРИ НИКОЛАИ. ОНА СЧИТАЛА, ЧТО РАЗ ДЕТИ ПОЮТ И ТАНЦУЮТ, ЗНАЧИТ, ВСЕ У НАС В МОНАСТЫРЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНО

Сосредоточенность игумении Николаи на имидже, на всем внешнем, как на красивой упаковке: концертах, пышных трапезах, дорогих угощениях, бантах и облачениях, наградах и машинах, свидетельствует о ее поверхностности. Ее заботило только то, как монастырская и приютская жизнь выглядит со стороны спонсоров, церковного начальства и прессы. Внутренняя, духовная жизнь, да и просто человеческая жизнь каждого отдельного члена этого королевства ее нисколько не интересовала. Степень духовности наставника обычно обратно пропорциональна его великолепию. Тем более, вся та роскошь, которой матушка Николая окружила собственную персону, весьма нелепо сочеталась с повседневной жизнью сестер и детей, а также с ее собственными проповедями на занятиях — о бескорыстии, самопожертвовании, аскетизме, исихазме, альтруизме и тому подобном. Интересно, но саму мать Николаю ничуть не смущало это противоречие. Более того, она постоянно говорила, что и сама так же нестяжательна и бескорыстна, как Иисус Христос, Божия Матерь, Иоанн Предтеча и другие аскеты прошлого, просто потому, что официально не имеет никакой личной

собственности, а вся эта роскошь принадлежит не ей одной, но всему монастырю.

...12

Как-то на занятиях Матушка велела нам подготовить исповедь, потому что приезжал старец Власий из Боровского монастыря.

Обычно сестры исповедовались раз в неделю перед причастием одному из трех священников, служивших в монастыре. Исповедь тоже была усовершенствована Матушкой, как и многое другое. Проходила она таким образом: сестры заблаговременно писали на бумажке все, в чем они согрешили за неделю. Перед исповедью все выстраивались в очередь перед аналоем, подходили к священнику, отдавали бумажку и становились на колени перед аналоем. Разговаривать со священником нам было запрещено, все излагали только на бумажке и немного, в общих словах. Потом батюшка читал молитву, накрывал епитрахилью голову, дальше все было как обычно. Весь процесс таинства был до такой степени упрощен, что уже не воспринимался таинством: просто отдал бумажку с перечислением названий согрешений, как в вечерних молитвах, поклонился — и свободен. Грехи у всех были одни и те же, а как могло быть иначе? Один только раз священник как-то отреагировал на мою «исповедь», когда прочел там слово: «воровство». На моей бумажке, среди других названий гре-

хов типа осуждения, обидчивости, лености, непослушания — было «воровство». Это был молодой священник отец Алексей, он, в отличие от двух других, более пожилых батюшек, внимательно читал наши листочки. Наткнувшись на «воровство», он перестал читать, внимательно и строго посмотрел на меня и молча ткнул пальцем в это слово. Я ничего не стала объяснять, просто молча уставилась в пол, хотя, думаю, ему было интересно, что я такое украла у монастыря. Вообще-то это были сахар и чайные пакетики, которые я взяла из кухни тайком. Я по утрам пила чай в келье, чтобы поднять давление и иметь силы для работы. Благословения пить чай у меня не было, чай мне привозила мама. Когда он закончился, пришлось украсть его из кухни.

ВЕСЬ ПРОЦЕСС ТАИНСТВА БЫЛ ДО ТАКОЙ СТЕПЕНИ УПРОЩЕН, ЧТО УЖЕ НЕ ВОСПРИНИМАЛСЯ ТАИНСТВОМ

***

Священникам Свято-Никольского монастыря было тоже непросто. Хотя их присылал в монастырь архиерей, они очень сильно зависели от Матушки. Мать Николая даже сделала доклад на одном из монашеских съездов о том, что монастырские священники должны во всем подчиняться игумении, даже духовники. А если у священника есть какие-то свои

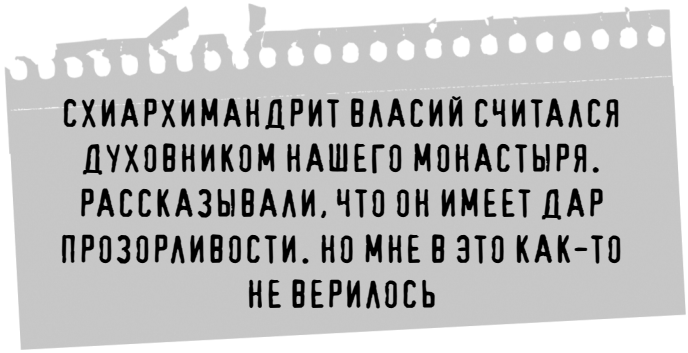
соображения или возражения, то такому батюшке лучше уйти из этого монастыря. Задолго до моего приезда здесь служил отец Александр, который очень неодобрительно относился к матушкиному способу правления. Он даже обсуждал это с владыкой Климентом. Кончилось это тем, что отца Александра перевели на другой приход. Когда я жила в этом монастыре, там служили трое батюшек: отец Владимир, отец Сергий и отец Алексий. Было видно, что им непросто смиряться перед Матушкой, особенно отцу Владимиру. Он демонстративно не читал наши «исповеди», часто спорил с Матушкой по каким-либо вопросам, но в целом тоже подчинялся. Наши батюшки довольно часто были вынуждены присутствовать на матушкиных занятиях с сестрами. Пока она ругала какую-нибудь сестру, они сидели за столом молча, опустив глаза.

***

Схиархимандрит Власий подвизался в Боровском монастыре, а к нам приезжал несколько раз в год для совершения монашеского пострига или исповеди сестер. Он считался духовником нашего монастыря, хотя лично я за все четыре года только один раз имела возможность с ним пообщаться и исповедаться, собственно, это и было в этот раз.

С отцом Власием разрешалось поговорить, раз он духовник. Исповедь проходила в Никольском храме. Батюшка Власий стоял возле аналоя посреди храма, а Матушка сидела, как обычно, на своем месте. Сестры подходили по чину: сначала монахини, потом инокини и т. д. Моя очередь была в самом конце, и я стояла наверху на балконе, наблюдая, как батюшка испо-

ведует. Мне хотелось с ним поговорить, рассказывали о нем, что он имеет дар прозорливости, что он старец, но мне в это как-то не верилось. Слишком много он благословил в наш монастырь «мам» с детьми да и просто сестер. Многие потом плохо кончили: кто ушел, кто заболел, а кто-то сошел с ума. Не похоже на прозорливость. Видно было, что он благословляет сюда всех подряд, а не тех только, в ком видит призвание к монашеству. И еще непонятно было, как он так может покрывать матушку Николаю во всем, ведь его чада, которых он сюда благословлял и которые потом ушли (а таких было немало) ездили к нему, рассказывали о том, какие тут порядки и что это уже больше похоже на секту или на маленькое феодальное государство, а не на монастырь. Он должен был все знать. Мне хотелось подойти к нему и спросить, что он по поводу всего этого думает: считает ли он, что монашество должно быть таким? Неужели он правда думает, что он раздает свои благословения на уход в монастырь именно тем людям, которым они нужны? Неужели он сам считает себя прозорливым старцем? Или нет? Не страшно ли ему так просто вершить судьбы незнакомых ему людей?



***

Тут мне хочется сделать небольшое отступление от текста и рассказать о тех современных старцах, с которыми довелось встретиться лично мне, и немного о том, как я вообще оказалась в монастыре.

В монастырь я попала тоже по благословению, но не старца Власия, как большинство сестер в Малоярославце, а старца Наума из Свято-Троицкой Сергиевой лавры.

Был 2007 год, мне было 28 лет, и жила я довольно неплохо. У меня была собственная фотостудия в центре Москвы. Работа мне нравилась: творческая, со свободным графиком и к тому же приносящая хороший доход. Я много путешествовала, общалась с друзьями, делала различные творческие проекты. В личной жизни все было нормально, но как-то несерьезно, я не очень тогда стремилась к созданию семьи, больше меня интересовала карьера. Наверное, я так думаю, проблема была в том, что с детства я слишком много читала. Я постоянно читала что-нибудь. В детстве это были Майн Рид, Дюма, Гюго, Жюль Верн, а потом мне стали нравиться книги по философии, истории и просто серьезные книги, заставляющие думать. Несколько раз я читала Библию. Из-за этого, наверное, возникло ощущение, что в жизни должно быть что-то еще, что-то духовное, какая-то параллельная реальность, объясняющая существование этой реальности. С детства я пыталась найти ответы на извечные человеческие вопросы: что такое жизнь? Что такое смерть? Есть ли хоть какой-то смысл существования человека и всей этой вселенной? Что будет по-

сле смерти? Есть ли Бог? Если есть, то почему все выглядит так, как будто Его нет?

Несколько раз я ездила в Индию, начала увлекаться буддизмом, но он меня как-то не убедил. Эта концепция кармы и перерождений сильно смахивала на тот же принцип вознаграждения-наказания, что и в Библии, а предел мечтаний — нирвана — слишком похожа на небытие, даже если в придачу к нирване вы получаете просветление.

Один мой знакомый посоветовал мне заняться цигун у китайского мастера. Мне понравилось, что там не было религии, только энергии и медитации. Я усиленно занималась около трех лет, ездила в Шаолинь, прошла все четыре ступени и стала учеником мастера. Я медитировала по нескольку часов в день, но чем больше я занималась, тем больше понимала, что все это просто своего рода расслабление и приятное времяпрепровождение. Эта практика не давала никаких ответов, скорее призвана была отвлечь от задавания вопросов.

Однажды я и еще один фотограф и моя близкая подруга, Марина, ехали на съемку на соляное озеро Эльтон, самое большое минеральное озеро Европы, на границе с Казахстаном. Мне очень хотелось поснимать там пейзажи, и мы просто поехали туда на машине вдвоем. По дороге нужно было где-то заночевать, и мы остановились в Каменно-Бродском Свято-Троицком мужском монастыре Волгоградской области, мы нашли его по интернету, возле него в роще мы поставили палатку. Место было необычайно красивым: огромные старые дубы по триста-пятьсот лет, рядом

начинались белые округлые горы из известняка (поэтому монастырь и назывался еще Белогорским). В горах были древние пещеры, где подвизались когда-то монахи, часть пещер уже была расчищена, и туда можно было ходить. Сам монастырь был расположен у подножия меловых гор, в живописной долине, довольно далеко от деревни Каменный Брод. Вокруг было девять источников с разным составом воды: серебряный, сероводородный, радоновый. Монастырь только начинал восстанавливаться. Главный храм был взорван во времена гонений, служили в небольшом храме в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте». Рядом с храмом было два дома, где жили братья, дом, где помещалась трапезная с кухней, деревянный вагончик и скотный двор с курами, одной коровой и лошадью. Утром мы с Мариной зашли в храм, поставили свечи перед иконами и собрались уезжать. Мы так и не увидели ни одного паломника, только нескольких монахов, вокруг было невероятно тихо, спокойно и красиво. Мне так понравилось это место, что в машине я сказала, что было бы неплохо тут пожить. По пути мы заехали набрать воды из серебряного источника. Я взяла канистру и пошла за водой. На источнике мне встретился седой старичок, я уже видела его в монастырском храме. Он был довольно полный и небольшого роста, с совершенно седыми волосами и маленькой бородкой, в брюках и светлой рубашке. Он спросил:

— А это не вы ночью останавливались в палатке?

— Мы.

— А почему не в монастыре?

— Ну, мы как-то не думали, что в монастырь можно попроситься на ночь, там, наверное, негде, — хотя, честно говоря, нам очень нравилось спать в палатке.

— Это вы зря так думали, у нас есть свободные комнаты, и поесть можно в трапезной.

— Спасибо.

— А вы бы не хотели поработать поваром? У нас повар уехала домой, детей нужно вести в школу, а готовить некому.

— Я бы с удовольствием, но я не умею готовить, так только, что-то простое.

— А у нас тут все только простое, ничего сложного: суп, каша, чай. Господь за труды в обители прощает грехи! Здесь все грехи отмаливаются, — все это он проговорил быстро и как-то смущенно, запинаясь.

— Но здесь же мужской монастырь.

— Нет, у нас и монахини живут, две, и паломницы приезжают трудиться, у нас можно остаться. Оставайтесь!

Не то чтобы меня сильно интересовали тогда мои грехи, но меня удивило: как на мое желание остаться здесь так сразу поступил положительный ответ? Все это было похоже на приключение.

Мы пошли с ним к благочинному — иеромонаху Александру. Дедушку звали Иван Иваныч, он с радостью

сообщил, что нашел повара. Я не очень походила на православную паломницу: летнее черное платье до колен от какого-то дизайнера с вырезом на спине (самое «приличное», что у меня с собой было), без платка и с короткой стрижкой. На голову я накрутила какой-то шарфик. Отец Александр тоже был рад повару, пусть даже такому, он сразу стал мне рассказывать про мои обязанности. Я сказала, что начать готовить я могу только дня через три, когда вернусь с озера, куда еду на фотосъемку. Он ответил, что раз Господь меня к ним послал, надо оставаться сейчас. Я объяснила, что у меня в машине подруга, которая тоже едет на озеро, и я не могу просто так остаться, но через три дня вернусь.

Поснимать озеро Эльтон нам так и не довелось. Мы приехали к нему поздно ночью. Ехали по степи, в свете фар мелькали степные колючки и пробегали тушканчики. Заночевали мы прямо в машине, ставить палатку уже не было сил, к тому же я ужасно боялась скорпионов и змей, которые здесь водились. Утром к нам подъехал милицейский уазик, из которого вышли два милиционера. Они сообщили нам, что мы находимся без разрешения на приграничной территории, за что теперь обязаны заплатить штраф. Нас вместе с машиной сопроводили в отделение милиции единственного поселка в этой степи и там несколько часов вымогали деньги за возможность проехать на озеро, хотя граница проходила гораздо дальше и посещение озера никакой пошлиной не облагалось. Я даже не спрашивала, какую именно сумму они хотят получить, меня возмутила сама эта ситуация беззаконного вымогательства. Судя по карте, это была единственная дорога, и чтобы проехать к

озеру, нужно было договориться с этими людьми. Платить не хотелось из принципа, и мы, так и не поснимав пейзажи, уехали восвояси. В Камышине я посадила Марину на автобус до Москвы со всем фотографическим оборудованием, а сама поехала в монастырь.

Там мне очень обрадовались. Уже на подъезде к монастырю у меня пробило колесо, и я еле дотащила свою «ауди» до ворот. Пока послушник Михаил в подряснике и джинсах ставил запасное колесо, меня проводили в дом, где помещалась кухня, трапезная и несколько келий. Поселили меня с послушницей Надеждой, пожилой женщиной, которая здесь отвечала за уборку храма. Она жила здесь со своим сыном Валерием, он тоже был послушником. Соседние две кельи занимали две пожилые монахини. Братьев здесь было немного, шесть человек, жили они в соседнем корпусе. В деревянном вагончике рядом с трапезной останавливались паломники, если они приезжали. Настоятелем монастыря был игумен Елисей, он иногда приезжал сюда из Волгограда

Кухня была в очень плачевном состоянии, там уже неделю не было повара. Справа вдоль стены стояли столы, шкаф и два размороженных холодильника с открытыми дверями. У другой стены была большая плита, стол и баки с водой, которую ежедневно на маленькой тележке привозил из серебряного источника послушник Игорь — худенький мужчина лет сорока в клетчатой рубашке и брюках, с густой лохматой бородой и в огромных очках. Он также мыл посуду после трапезы и накрывал на столы. Из кухни

в трапезную вело маленькое квадратное окошечко, через которое повар мог подавать еду.

Вечером мы с отцом Александром уже обсуждали меню на следующий день. Был самый конец Успенского поста, и приготовить нужно было что-то постное. Решили сварить борщ, пожарить картошку и сделать овощной салат.

Распорядок дня в обители был таким: в 5.45 подъем, в 6.30 — утреннее правило в храме. В 7.30 — завтрак, к которому я должна была сварить какую-нибудь кашу и сделать чай. После завтрака братья шли на послушания, а я начинала готовить обед, он был в 13.30. В 17.00 было вечернее богослужение с акафистом, а в 19.00 — вторая трапеза. Потом в храме в 20.00 читали вечернее правило, а в 23.00 был отбой. По воскресениям и праздникам была литургия.

Я в храм заходила, только если нужно было кого-нибудь позвать. Молитв на церковнославянском языке я не понимала, долгие службы и правило мне казались скучными и однообразными, к тому же после стояния на кухне у меня болели ноги, хотелось посидеть, а в храме нужно было стоять. Никто не при-

нуждал меня молиться, да и часто у меня просто не было времени. Почти все свое время я проводила на кухне. Я ставила на табурет ноутбук, где у меня было много разной музыки, включала на полную громкость и готовила. Как-то раз ко мне подошел послушник Игорь, накрывавший на столы в трапезной, и попросил поставить его диск. Это были «Scorpions», его любимая группа. Оказалось, что в монастыре послушникам слушать музыку не благословлялось, хотя мне ничего не говорили.

Мне вообще никто ничего не говорил: пост я не соблюдала, думала, что это только для монахов, покупала в деревне йогурты и мороженое. Меню я тоже придумывала сама, исходя из того, какие продукты имелись в наличии. Правда, модное черное платье, которое наводило ужас на бабушек-монахинь, пришлось прикрыть серо-синей футболкой, которую мне одолжила послушница Надежда.

Если днем после первой трапезы удавалось погулять, я обычно ходила в пещеры. Эти меловые пещеры были основаны в XVIII веке и, возможно, тайно использовались в начале XIX века. Здесь в разное время подвизались монахи-отшельники. Пещерный комплекс состоял из трех ярусов, но посетителям можно было ходить только по самому верхнему уровню. В глубине первого яруса располагалась подземная часовня. Два других яруса еще не до конца были очищены от песка и завалов. Температура воздуха здесь была всегда одинаковая — 10–15 градусов тепла круглый год. При советской власти, чтобы прекратить паломничество в пещеры, они были засыпаны песком и замурованы. Главный храм монастыря, Троицкий собор,

был взорван в 1934 году, а в храме в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте» была устроена конюшня. Строения монастыря были заселены жителями вновь образованного поселка Госконюшня. В современное время изучение монастырских пещер началось в 1984 году, когда волгоградские спелеологи раскопали заваленный вход в подземелье.

В пещерах дежурил послушник Михаил: он водил туда экскурсии и следил за пещерами. В монастыре он был недавно, но уже носил подрясник. Мне он показывал и те части пещер, которые еще не были открыты для посещения, какие-то огромные глубокие ямы и ходы, полузасыпанные песком, куда нужно было спускаться по деревянной лестнице, а потом пробираться почти ползком. Местами белые своды пещер были в саже, в тех местах, где когда-то жившие здесь монахи устраивали очаги.

Приближался праздник Успения Пресвятой Богородицы, и в монастыре начались приготовления. На кухню привезли селедку в ведрах, сыр, молоко, яйца, много сладостей. Мне в помощницы дали паломницу Елену, девочку лет шестнадцати, которая приезжала сюда по праздникам. Дедушка Иван Иванович, с которым я встретилась на источнике, иногда приходил на кухню по какому-нибудь делу. Он очень ненавязчиво старался заговорить со мной о вере, сказал, что на Успение мне бы тоже следовало исповедаться и причаститься. Я по своему невежеству совсем не представляла себе, как это происходит, но согласилась. Вечером накануне праздника во время всенощного бдения я была занята чисткой картошки и селедки, а на следующий день я планировала все-таки

успеть в храм к причастию. Утром я решила прийти на кухню пораньше, в 5.30 утра. Нужно было сварить рыбный суп, сделать картофель по-монастырски, запеченный с луком и яйцом, салат с консервами и чай. Остальное все мы с Леной уже приготовили и поставили в холодильник. К сожалению, причаститься мне не удалось, в храм я так и не попала, еле-еле успела все приготовить к концу службы.

...13

Поваром я была чуть больше двух недель, потом мне нужно было ехать домой — у меня были запланированы съемки. За несколько дней до моего отъезда ко мне попала книга «В горах Кавказа» монаха Меркурия. Мне ее дал инок Анастасий. Книга была об отшельниках, подвизавшихся на Кавказе во времена советской власти. Около половины книги я прочла с большим интересом, потом отдала ее отцу Анастасию и уехала. Это была первая православная книга, которую я читала. В ней было много о монашеских подвигах, об Иисусовой молитве. Дома я нашла эту книгу в интернете и дочитала. Пока я ее искала, мне попалась также книга святителя Игнатия (Брянчанинова) «О молитве», которую я тоже прочла. Я нашла еще несколько книг об Иисусовой молитве и начала ею заниматься. Я ее восприняла как практику, наподобие тех, которыми я занималась в Индии и Китае. Интересно было попробовать православную духовную практику. Так совпало, что в это время я как раз

закончила ремонт в своей новой фотостудии на Пятницкой улице. Рядом с домом, где я работала, было около восьми храмов в шаговой доступности. По утрам, открыв окно, можно было услышать звон сразу нескольких колоколен. Мне захотелось пойти в храм и посмотреть, как происходит православная служба, скорее просто из любопытства. Тем более, я уже много об этом читала. Я пошла в храм Вознесения Господня на Люсиновской улице. В храме было очень много старинных икон и приятно пахло ладаном. Здесь был замечательный церковный хор. Наверное, я стала посещать службы именно из-за песнопений, которые показались мне необычайно красивыми и гармоничными. Порядка службы и церковнославянского языка я не понимала, просто стояла в полумраке, наслаждаясь пением и запахами ладана. Потом я заметила, что многие люди по утрам причащаются. Мне тоже захотелось, и я начала штудировать интернет, чтобы узнать, как это делается и что для этого нужно. Нужно было попоститься и исповедаться. Постилась я неделю, а потом, придя в храм, встала в очередь на исповедь. Батюшек стояло несколько, я выбрала одного с самой большой бородой и с самым добрым лицом. Было боязно. Я вообще не понимала, как можно вот так взять и рассказать незнакомому человеку что-то о себе. По моим понятиям, особых грехов у меня не было. Передо мной стояла молодая девушка, красиво одетая, и теребила нервной рукой бумажку с записями. Потом она подошла к батюшке и стала со слезами читать эту бумажку. Читала и плакала. Мне стало ее ужасно жалко. Батюшка выслушал, накрыл ей голову епитрахилью, прочитал молитву. Подошла я. Я так и сказала, что это моя первая в жизни исповедь и что я не знаю, о чем говорить. Батюшка заулыбался и спросил:

НЕДОУМЕНИЯ ПО ПОВОДУ ХРИСТИАНСТВА РАССЕЯЛИСЬ, КАК ДЫМ, ОТ ЧТЕНИЯ СВЯТООТЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Я ПОВЕРИЛА ВСЕМ СЕРДЦЕМ

— Ну а как живешь?

— Нормально живу, хорошо.

— Работаешь?

— Работаю.

— Нравится тебе твоя работа?

— Да, мне нравится.

Он улыбался сквозь бороду, я тоже улыбалась.

— Семья есть?

— Родители, сестра.

— Машина есть?

— Есть, батюшка.

— В храм ходишь?

— Хожу.

— Готовилась к причастию?

— Готовилась.

— Ну ладно, — он накрыл мою голову и отпустил мне грехи.

Я даже не ожидала, что все будет настолько мило и приятно. Довольная, пошла причащаться. Хороший был батюшка, понимающий. Да и что было с меня спросить?

Так я стала ходить в храм. В храме мне нравилось, я ходила почти каждый день. Я стала читать православную литературу, ту, что продавалась в храме и что находила в интернете. Противоречия и недоумения по поводу христианства, которые у меня были вначале, рассеялись, как дым, от чтения святоотеческой литературы и от того, что я сама хотела поверить во все это. Я всегда была человеком довольно внушаемым, людям я предпочитала доверять, даже верить, не особо требуя доказательств. Святые отцы все как один говорят, что нужно просто «верить» и не подвергать сомнению ни один из догматов православной веры. Сомнение здесь считается грехом, а всякие там каверзные вопросы типа: «Неужели все неправославные попадут в ад? Да и большая часть нерадивых православных, судя по всему, тоже? И где же тут любовь?» — скорее всего, либо от невежества и греховности, либо происки сатаны. Весомый аргумент. Если ты чего-то не догоняешь или с чем-то не согласен — ты просто еще не поднялся на тот уро-

вень, где ты сможешь это понять. Работай усерднее, молись, постись, исповедайся, проси у Бога разумения, и Он, конечно же, не оставит. Ни у кого нет вопросов, все верят и вполне довольны. На все, даже самые серьезные вопросы, здесь можно найти простые ответы. Все очень просто и понятно. Мне особенно понравилось, что после смерти вроде как ничего не менялось: мы все, верующие во Христа и старающиеся жить по заповедям, после смерти в таких же, только более духовных телах будем жить вечно вместе с Богом и друг с другом в любви и согласии в раю. Что может быть лучше?

Я поверила всем сердцем. Во все сразу — иначе это уже не вера. Новые убеждения стали менять и мой образ жизни. Хотя для родных и друзей я стала невыносима, я себя чувствовала невероятно счастливой и свободной, как никогда. Все мои привязанности, привычки — все изменялось, моя личность перерождалась заново, освобождаясь от прежнего багажа. На смену неопределенности, запутанности, страха смерти — пришло облегчение и твердая вера во всемогущего Бога и Его промысл. Непостижимость сего промысла разгоняла все сомнения и вопросы. Эйфория, порождаемая новым состоянием души, была подтверждением истинности вновь обретенного знания. Весь опыт прошлой жизни переоценивался с точки зрения нового видения, вытесняющего старое. Я чувствовала себя только что родившейся. Это была настоящая страсть — посвятить себя, отдать целиком, без остатка религиозному служению, обретая на этом пути возможность сделать свою жизнь осмысленной и одухотворенной, а после смерти обрести спасение и попасть в рай.

...14

В церковной лавке я увидела небольшую книгу в красочном оранжево-красном переплете. Это была «Лествица» святого Иоанна. В книге рассказывалось о правилах жизни в древних монастырях Египетской пустыни. Я ее купила и стала читать. Уже в первой главе, а потом и дальше основной мыслью книги было то, что монашество — это идеал христианской жизни.

По словам автора этого трактата, монашество — это самый лучший путь к спасению, даже, как мне показалось, единственный. Это житие, подобное ангельскому, добровольное мученичество, открывающее двери Неба, дарующего свободу от страстей, высоте которого «миряне» не могут даже подражать. Монахи — истинные служители Христа, спасители мира, отмаливающие в своих келиях погрязших в грехах людей. Это только из первых двух глав:

«Итак, услышим, что Господь сказал юноше оному, повидимому исполнившему все заповеди: единаго ти недостает, продать имение и раздать нищим (Лк. 18, 22), и самого себя сделать нищим, приемлющим милостыню от других.

Если кто возненавидел мир, тот избежал печали. Если же кто имеет пристрастие к чему-либо видимому, то еще не избавился от нее.

Если бы земной царь позвал нас и пожелал бы нас поставить в служение пред лицем своим; мы не стали

бы медлить, не извинялись бы, но оставив все, усердно поспешили бы к нему. Будем же внимать себе, чтобы, когда Царь царствующих и Господь господствующих и Бог богов зовет нас к небесному сему чину, не отказаться по лености и малодушию и на великом суде Его не явиться безответными.

В ЦЕРКОВНОЙ ЛАВКЕ Я УВИДЕЛА НЕБОЛЬШУЮ КНИГУ В КРАСОЧНОМ ОРАНЖЕВО-КРАСНОМ ПЕРЕПЛЕТЕ. ЭТО БЫЛА «ЛЕСТВИЦА» СВЯТОГО ИОАННА

Кто истинно возлюбил Господа, кто истинно желает и ищет будущего царствия, кто имеет истинную скорбь о грехах своих, кто поистине стяжал память о вечном мучении и Страшном Суде, кто истинно страшится своего исхода из сей жизни, тот не возлюбит уже ничего временного, уже не позаботится и не попечется ни об имениях и приобретениях, ни о родителях, ни о славе мира сего, ни о друзьях, ни о братьях, словом, ни о чем земном, но, отложив все мирское и всякое о нем попечение, еще же и прежде всего возненавидев самую плоть свою, наг и без попечений и лености последует Христу».

Монашество в этой книге представало какой-то панацеей, единственным спасительным и разумным выбором человека, избавлением от всех тягот, страстей

и бессмыслицы «мира», оно позволяло в кратчайшие сроки угодить Богу и приблизиться к Нему, получить ответы на все вопросы, отмолить свои грехи и грехи мира, обрести мир души и много чего еще. Меня не смущало, что книга написана в шестом веке, для монастырей, соответственно, того времени. Я читала этот труд человека, который сам никогда не жил в общежительном монастыре — в предисловии об этом говорится. Он жил отшельником, сам по себе, а книгу написал по просьбе своего друга-игумена. Сейчас, после стольких лет, я думаю: почему же до сих пор эту проклятую книгу, написанную много веков назад, которая может только заморочить голову современному человеку, продают во всех лавках и магазинах? Кому выгодна эта рекламная кампания общежительного монашества сейчас, когда монастыри так разительно отличаются от тех, что описаны в этом рекламном проспекте?

***

Из-за этой книги у меня возникли мысли о монашестве. Жизнь, наполненная смыслом и самоотречением, имеющая четкую направленность и цель, полная подвигов и свершений меня увлекла. Я задавала себе вопрос: а что, если Господь избрал меня для этого высокого служения? Что, если все события в моей жизни не случайны?

Я стала много молиться дома и в храме, оставалась ночевать в студии, чтобы рано утром уже пойти на литургию. Работать я перестала: фотографирование девушек-моделей мне казалось уже чем-то греховным. Дома я бывала редко. Раньше у меня с родителями были прекрасные отношения, а теперь мне ка-

залось, что они меня не понимают. Я нервничала, когда они начинали критиковать мои новые взгляды. Любовь к ним казалась мне препятствием на пути отречения от мира. Я вела себя как фанатик: постилась, молилась и читала отцов, всю остальную жизнь считая греховной и неугодной Богу. Когда я говорила отцу Владимиру, приходскому священнику у нас в храме, что хочу поступить в монастырь, он всячески отговаривал меня, говорил, что сейчас нет таких монастырей, в которых была бы настоящая духовная жизнь и опытные духовники, но я считала, что он просто меня не понимает или не знает о таких монастырях. Тем более, он же не монах. Я молилась, чтобы Господь послал мне знак, как поступить.

...15

Одна моя знакомая, Екатерина, посоветовала мне поехать к «прозорливому старцу, который может ответить на любой вопрос». Мы вместе поехали в Лавру к старцу Науму, она тоже хотела его спросить что-то относительно своего будущего замужества. Мы выехали из Москвы в 3 утра, было еще совсем темно. Всю эту ночь я не спала, волновалась о том, что скажет мне старец, и молилась, чтобы Господь мне послал силы исполнить то, что он мне скажет. В том, что этот старец действительно знает волю Божию, я даже не сомневалась, хотя ни разу еще его не видела. С пяти утра в домике старца уже занимали очередь. Народу было много, каждый со своими вопросами.

Многие приходили сюда уже не первый день, но не могли попасть на прием. Одна женщина, у которой тяжело болела дочь, пыталась попасть к старцу уже неделю. Каждый день с пяти утра она занимала очередь, но ее все не приглашали. В этот день она стояла с пакетом свежесоленой семги, так как ей подсказали, что «батюшка любит рыбку». Ей удалось всучить этот пакет монахине Пелагее, которая его приняла и обещала посодействовать.

ОДНА ЖЕНЩИНА, У КОТОРОЙ ТЯЖЕЛО БОЛЕЛА ДОЧЬ, ПЫТАЛАСЬ ПОПАСТЬ К СТАРЦУ УЖЕ НЕДЕЛЮ

Я подумала, что у меня с собой ничего нет, стало неловко заявляться к старцу с пустыми руками, остальные стояли кто с чем. Решила, что пожертвую просто деньги, раз уж не купила подарка. Хоть это был только ноябрь, но снег уже лежал, и было очень холодно, на стенах веранды перед домиком старца был толстый слой инея, и все толпились на лестнице, ведущей в келью, где он принимал, там было чуть-чуть теплей. К нам иногда выходила келейница старца — мать Пелагея и его помощник — иеромонах Аверкий, спрашивали, кто по какому вопросу идет к старцу. Я сказала, что у меня вопрос, связанный с монашеством, а Катя сказала, что хочет спросить про своего жениха. Как только я озвучила свой вопрос,

отец Аверкий пригласил меня внутрь без всякой очереди, в приемную. Там тоже ждали какие-то люди, в основном женщины. Отец Аверкий спросил меня, правда ли, что я хочу поступить в монастырь, я ответила, что пока не знаю, хочу спросить старца, есть ли на это воля Божия. Он тут же, опять без очереди, повел меня в маленькую келью, заваленную почти до потолка книгами, коробками со всякими продуктами и подарками, где в уголке на кресле сидел старец Наум в подряснике и епитрахили. Батюшка как будто дремал или просто сидел с прикрытыми глазами. Возле кресла среди коробок лежал маленький коврик, на который мне указала мать Пелагея, на него следовало встать на колени. Я встала на колени на этом коврике, от волнения не зная, как начать. Мать Пелагея озвучила мой вопрос:

— Вот, батюшка, она хочет в монастырь.

Отец Наум открыл глаза и с ходу начал спрашивать меня о моих грехах. Просто называл грехи, а я должна была говорить, согрешила я в этом или нет. Причем почему-то это были в основном блудные грехи. До того как я начала ходить в храм, я не очень представляла себе, чем отличается любовь от блуда, поэтому к двадцати восьми годам своей жизни я успела порядком нагрешить. Нужно было рассказывать старцу обо всем по порядку: когда, где, с кем и как. Дверь в келью была наполовину приоткрыта, закрыть ее мешали коробки, а в проходе и на лестнице стояли люди, ожидавшие своей очереди, им было слышно каждое наше слово. Старец внимательно слушал и задавал наводящие вопросы, люди на лестнице тоже стояли тихо. Мне было ужасно стыдно

и совсем не хотелось при всех в подробностях обсуждать свою личную жизнь. Я сказала, что все эти грехи мною уже исповеданы в храме священнику, но старец как будто не расслышал и продолжал допрашивать меня. Мать Пелагея дернула меня за рукав: «Не груби батюшке! Он знает, что спросить». Пришлось смириться и ответить на все его вопросы, многие из которых были странными и даже оскорбительными. Я думала, что это только мне досталось такое испытание за мои грехи, но потом, много позже, я узнала, что он всех так допрашивает, это называется «глубокая исповедь у старца». Молодых девушек, которые не имели реального опыта сексуальной жизни, он допрашивал об их помыслах и снах, задавая пикантные наводящие вопросы. Некоторые после такой исповеди узнавали для себя много нового, чего не могли узнать даже из фильмов и интернета. В конце процедуры он спросил:

— В Шубинку поедешь?

Я ответила:

— Поеду. А где это?

Оказалось, это в Новосибирской области, как мне объяснила мать Пелагея. Это была родина самого отца Наума, и там, по его благословению, был основан девичий монастырь Святого Архангела Михаила под руководством игумении Марии (Серопян). Монастырь был именно девичий, туда принимали только молодых девушек. Каким образом туда попала я, тем более после моей исповеди, для меня так и осталось загадкой. Мать Пелагея поздравила меня с тем, что

батюшка благословил меня на монашество, хотя об этом мы с ним так и не поговорили. Тут же она представила меня игумении Марии, которая была в это время в Лавре, она приехала из Сибири на лечение. Матушка мне понравилась: молодая, лет 45, на вид очень спокойная, с тихим голосом и большими, немного уставшими глазами. Мы с ней пообщались, она сказала мне, что благословение старца теперь нужно выполнять, и я пообещала, что обязательно приеду к ним в Сибирь.

Моя знакомая Катя так и не попала к старцу со своим вопросом о женихе.

...16

По своей работе я много путешествовала, проводя большую часть времени где-нибудь на съемках. Путешествовать я очень любила, неважно где. В Сибири мне побывать не довелось, поэтому такая перспектива казалась мне даже заманчивой. Я не знала, сколько времени я проведу в этом монастыре, просто купила билет в один конец до Новосибирска, собрала самые нужные вещи в большой туристический рюкзак, взяла фотоаппарат и ноутбук, предупредила игумению о своем приезде и поехала.

Двое суток в поезде пролетели быстро, и 26 ноября 2008 года я оказалась в Новосибирске. Нужно было проехать несколько остановок на троллейбусе, а там

меня должна была забрать машина и отвезти в деревню Шубинка (она же Малоирменка, ее называли по-разному), где располагался монастырь. Удивительная вещь: в Новосибирске все общественные автобусы и троллейбусы оснащены занавесками, но не такими, какие обычно бывают в таких случаях, а декоративными, самодельными, как дома, из тюля, с рюшечками и ленточками. В сорокапятиградусный мороз оказаться в таком по-домашнему уютном и теплом троллейбусе особенно приятно.

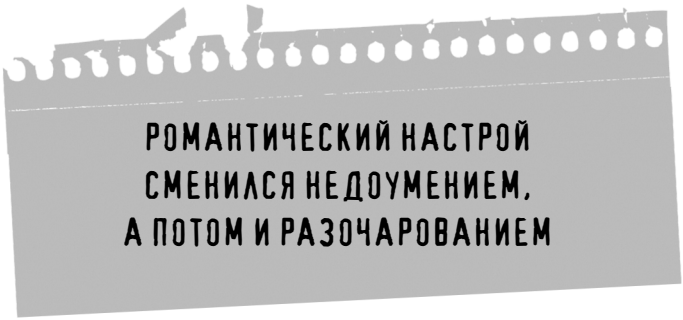
Монастырь, в который я приехала, был именно тем, о чем я мечтала, читая «Лествицу» и авву Дорофея. Настоящая пустыня. Пусть не Египетская и не Палестинская, но тоже очень-очень суровая и пустынная. Ландшафт вокруг монастыря был великолепнейший для любителя унылых пустынь. Маленькая, почти заброшенная деревня Шубинка, от которой осталось всего несколько домов и свиноферма, только усиливала это впечатление. Монастырь стоял на пригорке, откуда открывался великолепный вид на почти бескрайние поля с жидкими перелесками, окружавшие его со всех сторон, живописный прудик и огороды. Монастырь Святого Архангела Михаила был совсем небольшой, здесь подвизалось около тридцати сестер, с неторопливым и по-пустынному простым укладом жизни. Сестры были заняты в основном на коровнике, птичнике, огороде, в храме и на кухне. Там не было ни иконописных, ни других послушаний, связанных с рукоделием, только самое необходимое. Я была в восторге, лучшего и представить себе было нельзя: настоящая пустыня, с завывающими ветрами, запредельными морозами и низким, очень звездным по ночам, абсолютно черным

небом, почти никакой цивилизации, все так, как описано в древних книгах про монашество. Мне понравилось, и я решила остаться там навсегда, оставить этот мир с его страстями, посвятить свою жизнь молитве и послушанию. Так и сделала: позвонила маме, что больше не вернусь, и начала подвизаться.

***

Через некоторое время романтический настрой сменился недоумением, а потом и разочарованием. Оказалось, что внутренняя жизнь монастыря и сестер очень сильно отличалась от тех представлений об этом, которые у меня были из книг о монашестве. Среди сестер здесь царило какое-то непреходящее уныние, постоянный ропот на игумению, на несложившуюся судьбу, на весь мир за то, что они вынуждены были «прозябать в этом забытом всеми месте». Никто здесь не выглядел счастливым и довольным судьбой. Мне было трудно это понять, я-то была поначалу вполне счастлива. Оказалось, что кроме меня и еще трех-четырех сестер, пришедших сюда по своей воле, остальные были жертвами «благословений» старца Наума. Большинство этих сестер совсем не собирались монашествовать. Их родители были чадами отца Наума, и их, еще почти девочками, старец благословил на монашеский подвиг, даже не спросив их мнения. Теперь, под страхом нарушить это страшное благословение, они должны были здесь жить и молиться Богу за весь мир, прозябающий во грехе. Уйти было нельзя: это означало малодушие, трусость, предательство самого Господа Бога. В монастыре постоянно рассказывали различные страшные истории про ушедших сестер: у них рождались

только мертвые дети, а они сами и их родственники были наказаны ужасными несчастьями как в этой, так и в следующей жизни. Меня тоже быстро поставили в известность, что я теперь никак не могу уехать из монастыря: «старец благословил». То есть это выглядело так, будто меня купили в бессрочное рабство этим благословением.



Единственной отдушиной для многих сестер были бесконечные телефонные разговоры с родственниками, их новости, их события, их жизнь. Потом сестры рассказывали друг другу то, что услышали, делились впечатлениями и новостями. Телефон стоял на столике в коридоре возле кухни, и сестры часто ссорились из-за него, чья очередь разговаривать. Новости из деревни тоже каким-то образом доходили до сестер и горячо обсуждались на кухне и в библиотеке. Книг здесь было довольно много, но всего несколько сестер их читали и вообще интересовались чем-то кроме мирских новостей и повседневных дел. Поговорить о чем-то серьезном было не с кем, только с игуменией Марией, но она часто отсутствовала в монастыре или болела. Сестры здесь были довольно простые. Однажды в келье, когда инокиня Нина

увидела, что у меня короткая стрижка, она ужаснулась: «Боже мой, зачем ты остригла косу? А когда ангелы тебя будут тащить в рай, им и взяться-то будет не за что!»

В дополнение к этому оказалось, что через два года, по словам того же старца Наума, ожидается конец света и пришествие антихриста, и все, не покладая рук, трудились и готовились к этому событию. Матушка Мария обо всем всегда спрашивала старца, и все в монастыре делалось так, как скажет он. Несколько недель она ездила по окрестным селам в поисках механической мельницы. В связи с концом света предполагалось скорое отключение электричества, поэтому молоть зерно нужно было начинать вручную.

Отец Наум не благословлял сестрам получать паспорта нового образца (там, видимо, были какие-то печати грядущего антихриста), и сестры жили так, без паспортов, благо в пустыне это было несложно. Естественно, выехать куда-то, даже в больницу, они не могли. Через год что-то изменилось и сестрам всем вдруг разрешили получить новые паспорта, но конец света все же не отменили: сестры только и говорили о грядущих испытаниях, о тюрьмах, в которые будут заточаться служители Господни, особенно монашествующие, о том, что сюда, в Сибирь, ожидается поток беженцев из России, в том числе и наших родных, которые пока не догадываются о грядущих бедах. Избрание нового Патриарха Кирилла рассматривалось как начало беззаконий, его считали служителем сатаны и экуменистом, даже календарь с его портретом запрещалось вешать на стену.

***

Масла в огонь подливал еще и митрополит Новосибирский и Бердский Тихон. Несколько раз в год он служил у нас в монастыре, а потом на трапезе беседовал с сестрами: тоже на предмет грядущих гонений православных и тяжких испытаний, возможного изменения церковного календаря, которого ни в коем случае не нужно принимать, верности Христу до смерти и других героических предметах, которые очень нравились сестрам и игумении. С одной стороны, сестры проклинали свою участь и неудавшуюся жизнь, протекающую в полумертвой деревне посреди огородов, коров и кухни, без родных, друзей и хоть каких-нибудь человеческих утешений, а с другой стороны — чувствовали себя героическими личностями, сражающимися с невидимыми силами зла во благо всему человечеству. Без этого чувства «избранности» и «героичности» никто бы не смог вынести ту унылую, однообразную и безрадостную жизнь, что организовал для них здесь старец Наум.

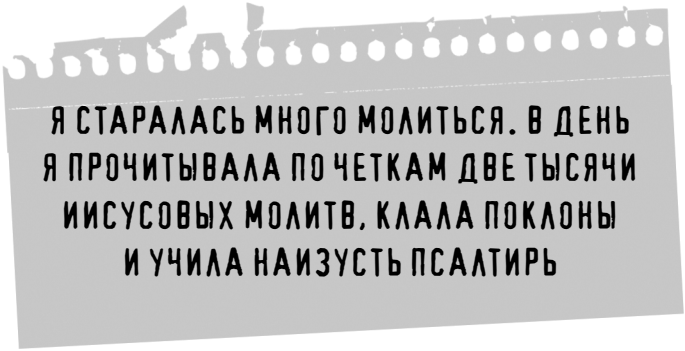
В пророчества о близком конце света я как-то не верила, тем более в то, что мы тут, великие праведницы и молитвенницы за весь мир, достойны чего-то лучшего по сравнению со всеми остальными людьми только за то, что живем в этом монастыре. Честно говоря, я не знала, как ко всему этому относиться. С матушкой Марией у нас были очень хорошие отношения, я ей во всем доверяла, мы часто с ней беседовали, но эти настроения никак не умещались у меня в голове. Получалось так, что весь мир, кроме нас в этой пустыне, должен был погибнуть за свои грехи уже через два года, а нас Господь должен был помиловать по молитвам батюшки Наума. Все это очень

смахивало на секту с характерной сектантской эсхатологией. Но зато в этом монастыре, в отличие от Свято-Никольского Черноостровского, хотя бы не было насильственного откровения помыслов, поощряемых игуменией доносов друг на друга и промывающих мозги занятий. Все было как-то по-простому: просто жизнь в пустыне в ожидании конца света.

...17

Послушания здесь давались на неделю, это называлась «смена», потом сестры менялись. Таким образом, все сестры исполняли по очереди все послушания, кроме разве что послушаний пасечника, водителя и воспитателя детей. Когда сестра выполняла то, что от нее в этот день требовало ее послушание, у нее оставалось свободное время, можно было почитать, помолиться, поспать или просто попить с кем-нибудь чаю в трапезной, это разрешалось в любое время. Общаться и дружить сестрам не запрещалось, как-то там даже и в голову никому не могло прийти, что это нехорошо. Первое время мне очень нравилась моя новая жизнь, хоть временами и было тяжело. Я старалась много молиться, в день я прочитывала по четкам две тысячи Иисусовых молитв, клала поклоны и учила наизусть Псалтирь. Также я научилась многому другому: читать и петь по-церковнославянски, печь хлеб и пирожки в настоящей русской печке, доить коров, стричь овец, варить сыр и сгущенку, бить масло в специально оборудованной для этого стиральной

машинке, готовить трапезу на 40 человек, ездить верхом, водить «буханку» (монастырский уазик), штукатурить, красить, косить и много чего еще.



Одно время у меня было послушание помощника пасечника. Пасечником была мать Фекла, пожилая монахиня, очень трудолюбивая и суровая. Меня ей дали в помощницы, потому что я могла водить машину. Вместе с ней на синей «буханке» мы ездили на пасеку, которая была довольно далеко. Раньше там был скит, где братья соседнего мужского монастыря в деревне Козиха подвизались в уединении и молитве. Там был небольшой деревянный домик в лесу. Потом подвиги уединения упразднили, в монастыре было много работы, уединяться и молиться стало некогда и некому. Скит отдали нашему монастырю под пасеку. Матери Фекле самой очень хотелось научиться водить «буханку», она попросила меня ее поучить. Мы ездили по полям, водить у нее получалось довольно неплохо. Однажды она попросила меня позволить ей самой доехать до пасеки. Поскольку она ездила уже уверенно, я согласилась. И потом, возражать ей не хотелось, она была очень вспыльчивой и

к тому же старшей по чину. Мы проехали поля, свернули на дорожку в перелесок. И тут, непонятно почему, мать Фекла со всего размаху въехала в березу. Дорога была прямой, но она слишком круто взяла вправо. Перед «буханки» был всмятку, мать Феклу зажало рулем, а я сильно ударилась лбом о стекло. Помню, как вывалилась из открытой двери на траву, а по глазам текла кровь, я ее размазывала по лицу рубашкой. Мать Феклу удалось вытащить, она сломала руку в запястье и очень испугалась. «Буханку» было жалко, мы чувствовали себя виноватыми, что испортили монастырское имущество и к тому же таким глупым образом. Это чувство вины и стыда было даже сильнее физической боли. Молча мы побрели к домику умываться и приходить в себя. Мать Фекла со своей сломанной рукой умудрилась даже что-то поделать на пасеке, а я полдня пролежала на досках, которые были там кроватью: очень болела голова и тошнило. Телефона у нас не было, «буханка» была безнадежно разбита, поэтому возвращаться в монастырь нам пришлось пешком. Идти было далеко, примерно полтора часа по полям. Мы шли и молчали. Непонятно было, как прийти с такой новостью в монастырь. Матери Фекле было стыдно, что она врезалась в березу, а мне было еще хуже за то, что позволила ей вести машину по лесу. В монастырь мы пришли вечером. Сестры были в шоке от нашего вида. Никто не сказал нам ничего обидного или осуждающего. Наоборот, все старались нас утешить, хотя от этого было еще совестнее. Мать Любовь отправила рабочих на тракторе вызволять разбитую «буханку», а нас уложили в постель. Пришла матушка Мария и сказала, чтобы я теперь неделю лежала в келье, потому что у меня было сотрясение мозга.

Мать Феклу увезли на рентген и наложили гипс. Я сказала Матушке, что виновата в этом я, потому что позволила матери Фекле ехать по лесу, но она ничего не сказала, только молча улыбнулась. Мать Феклу она тоже не ругала. Для меня это молчание и улыбка были даже мучительнее любых упреков.

***

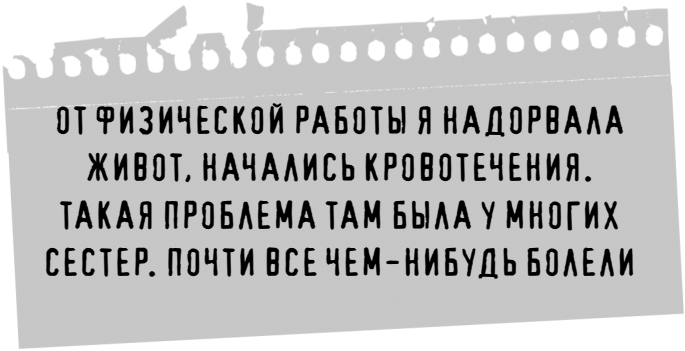
Здесь был небольшой детский приют, но отдельный корпус для него еще не был достроен. Я и еще две сестры, у которых было высшее образование, занимались с детьми. Я преподавала биологию, химию и английский язык двум взрослым девочкам, они готовились сдавать ЕГЭ. Было очень жаль, что несмотря на высокие баллы, которые они потом набрали на экзамене, отец Наум не благословил им продолжить образование, они так и остались в монастыре послушницами. Дети жили прямо в сестринском корпусе, следуя монашескому уставу, как маленькие монахи. Они всегда были с сестрами: отстаивали длинные ежедневные службы, работали на послушаниях, их серьезно наказывали за детские шалости, заставляли, так же как и монахинь, смотреть в пол, слушаться, смиряться и молиться. У них и лица были какие-то совсем недетские, как у маленьких старушек. Девочек было всего пять, три из них были сиротами из детского дома, одна, Маша, из неблагополучной семьи, ее мама иногда посещала ее, когда была трезвой, а еще одна девочка, Ирина, жила в монастыре с родителями. Да, у нас в монастыре, в отдельном домике, жила семья: Сергей и Лена, им было на вид лет по тридцать пять. До этого они жили где-то не в Сибири, не помню точно где, и все у них было нормально: квартира, работа, машина, двое детей — девочка

Ира и мальчик Ваня. Через сестру Лены, Наташу, которая была чадом отца Наума и уже жила здесь со своей шестнадцатилетней дочкой, они попали к нему на исповедь. Там дальше, конечно: конец света и все такое. Продали квартиру, все имущество, купили старый домик в Шубинке, девочку отдали в один приют, мальчика в другой: в соседней с нами деревне был тоже окормляемый отцом Наумом мужской монастырь с приютом для мальчиков. Сергей работал в монастыре электриком и водителем, а Лена помогала на кухне. В преддверии близкого конца света эта история выглядела вполне логичной. Не знаю, какая судьба была дальше у этой семьи, надеюсь, что они потом пришли в себя.

***

Через два года после моего отъезда в Сибирь очень сильно заболел мой отец, но старец Наум никак не благословлял меня к нему поехать. Сестер вообще никуда не отпускали из Шубинки, только в самом экстренном случае. Потом заболела я сама, началась одышка, сильная слабость и головокружение, я думала, что это что-то с сердцем. Сначала я заметила, что мне стало все время душно в помещении. Я уже не могла спать с сестрами в келье. Кельи здесь были на четверых, и все мои соседи были категорически против того, чтобы я открывала на ночь окно. Спать приходилось или в коридоре: там стоял небольшой диванчик и было не так душно, или в библиотеке. Я ставила в ряд несколько стульев и спала на них прямо в куртке и сапогах. Потом мать Мария благословила меня жить в отдельной маленькой келье в корпусе, где была пекарня. От физической работы я надорвала живот, начались кровотечения, я по несколько недель не могла причащаться.

Такая проблема там была у многих сестер, почти все чем-нибудь болели. Потом мое состояние ухудшилось, по утрам я даже не могла встать с постели, все кружилось вокруг, казалось, что потеряю сознание. Работать я практически не могла, и меня благословили поехать на лечение домой. Оказалось, что это просто анемия, малокровие: от тяжелой деревенской работы, пищи, к которой я не привыкла, и кровотечений гемоглобин упал до 64, в два раза ниже нормы.



Дома я провела несколько месяцев, лечилась, ела и отдыхала, ходила в храм и ездила в Оптину пустынь к отцу Афанасию, с которым меня познакомил отец. Папа надеялся, что отец Афанасий, как опытный духовник, поможет мне избавиться от моего фанатизма и вернуться домой. Отец Афанасий ему это пообещал, но на деле во время наших с ним разговоров только убеждал меня в истинности моего монашеского призвания и всячески поддерживал меня на этом великом поприще.

Батюшка Афанасий был очень скептически настроен по отношению к старцу Науму, его монастырям, «глу-

боким исповедям» и его пророчествам. После разговоров с ним мне тоже как-то расхотелось возвращаться в Сибирь и ждать там конца света. Отец Афанасий благословил меня продолжить монашеский путь в Свято-Никольском Черноостровском монастыре в Малоярославце. Он так много рассказывал мне об этой обители с ее серьезным греческим уставом, что мне очень захотелось самой туда поехать. Собственно, вот так я туда и попала весной 2010 года.

...18

Еще одним старцем, с которым мне довелось встретиться, был оптинский старец Илий (Ноздрин). Я видела его много раз в Оптиной, даже два раза лично с ним беседовала. Насчет его прозорливости у меня тоже есть очень большие сомнения. Он был в очень хороших отношениях с игуменией Николаей, одно время даже часто посещал ее монастырь и направил к ней достаточно много сестер, особенно «мам» с детьми.

Истории всех этих «мам» вызывали у меня всегда возмущение. Редко это были какие-то неблагополучные мамы, у которых нужно было забирать детей в приют. Алкоголичек, наркоманок и бомжей в монастыри не принимают. Как правило, это были обычные женщины с жильем и работой, многие с высшим образованием, у которых не сложилась семейная жизнь с «папами» и на этой почве поехала крыша

в сторону религии. Но ведь духовники и старцы существуют как раз для того, чтобы направлять людей на правильный путь, попросту «вправлять людям мозги». А получается наоборот: женщина, у которой есть дети, возомнив себя будущей монахиней и подвижницей, идет к такому духовнику, а он вместо того, чтобы объяснить ей, что ее подвиг как раз и заключается в воспитании детей, благословляет ее в монастырь. Или, еще хуже, настаивает на таком благословении, объясняя это тем, что в миру трудно спастись. Потом говорят, что эта женщина добровольно избрала этот путь. А что значит «добровольно»? Мы же не говорим, что люди, попавшие в секты, добровольно туда попали? Здесь эта добровольность очень условна. Сколько угодно можно нахваливать приюты при монастырях, но, по сути, это все те же детские дома, как казармы или тюрьмы с маленькими заключенными, которые не видят ничего, кроме четырех стен. Как можно отправить туда ребенка, у которого есть мама? Сирот из обычных детских домов могут усыновить, взять в приемную семью или под опеку, особенно маленьких, они находятся в базах данных на усыновление. Дети из монастырских приютов этой надежды лишены — ни в одной базе их нет. Как вообще можно благословлять женщин с детьми в монастыри? Почему нет никакого законодательства, которое бы запрещало это делать горе-духовникам и старцам, а таким игуменият, как мать Николая, их с удовольствием эксплуатировать? Несколько лет назад вышло какое-то правило, запрещающее постригать в иночество или монашество послушниц, у которых дети не достигли 18 лет. Но это ничего не изменило. Они просто подолгу живут без пострига, и все. В Свято-Никольском женском монастыре боль-

ше половины сестер — «мамы» или бывшие «мамы», если дети уже выросли и оставили приют.

Конечно, больше всего сестер направил к игумении Николае старец Власий из Боровского монастыря. Он умудрялся благословлять сюда не только женщин и молодых девушек, с детьми и без детей, которые приезжали к нему, как к прозорливому старцу, за разрешением своих жизненных проблем, но и очень преклонного возраста бабушек, и даже иностранок.

***

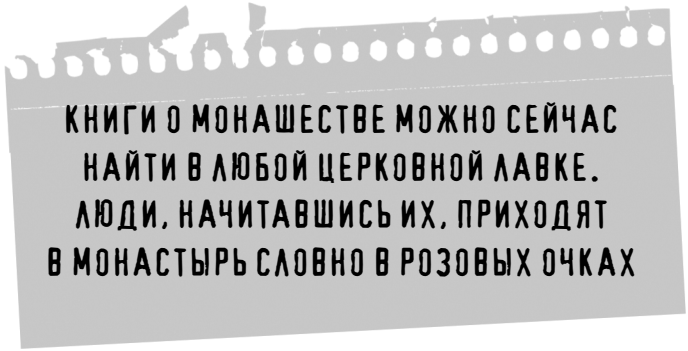
Каким же образом сестры попадали в монастырь? Как правило, женщина или девушка приезжала к старцу или иеромонаху-духовнику в сложной жизненной ситуации, многие приходили в депрессии, утратив жизненные ориентиры, потеряв близких людей, просто в духовных поисках чего-то высокого и вечного, а некоторые даже из любопытства. После продолжительного или совсем короткого общения они узнавали, что имеют, оказывается, высокое призвание к монашескому подвигу. У некоторых желание осуществить это призвание возникало сразу, некоторые долго посещали монастыри и думали. Потом духовник благословлял их в ту обитель, с которой сотрудничал.

Конечно, должно быть, кто-то и имеет призвание к монашеству, но почему-то оно оказывается практически у всех, кто только ни приходит за советом. Все это больше походило на вербовку, чем на духовное окормление.

В монастырь приходят совершенно непохожие друг на друга люди: с разным воспитанием, характером, образованием и социальным положением. Асоциальных или психически нездоровых людей монастыри стараются не принимать. Часто это совсем молоденькие девушки, даже дети, чьи установки и моральные ценности еще не успели сформироваться. Было бы неправильно назвать всех этих людей ненормальными, неудачниками или чрезмерными идеалистами, потому что среди них много способных и образованных людей. Попадая в монастырь, многие из них думают, что получат возможность жить более полной и содержательной жизнью в стремлении к Богу, в кругу единомышленников и под руководством опытного в духовной жизни наставника. В монастыре они также надеются получить возможность выразить себя и найти применение способностям, которые не были востребованы в их жизни. Но на практике эти люди редко получают возможность реализовать себя в монастыре. Все, чего от них там потребуют — слепое послушание и труд. Как говорится: если надеваешь шоры — будь готов, что в комплекте всегда идут упряжь и кнут.

Книги о монашестве, как древнем, так и современном, которые в изобилии можно сейчас найти в любой церковной лавке и магазине, идеализируют жизнь в общежительных монастырях настолько, что

люди, начитавшись их, приходят в монастырь словно в розовых очках, ожидая увидеть там подобие рая на земле. Пока эти жертвы рекламы пытаются понять, что к чему, им внушается основной догмат монашеской жизни: «Не доверяй себе, доверяй наставнику. Твой прежний опыт, твои мысли, твои желания — все это греховно и, может быть, даже не твое, а происки сатаны». Критическому осмыслению ситуации не способствует и сам устав монашеской жизни: строгие посты, хронический недосып, отсутствие свободного времени, бесконечный изматывающий труд, невозможность остаться где-либо наедине с собой, а также «промывающие мозги» групповые занятия. И все: для успешной манипуляции сознанием человека и полного контроля над его мыслями и поведением ничего больше уже не нужно.



***

Со временем человек может понять, что реальная жизнь в монастыре совсем не похожа на ту, которую он себе представлял и о которой читал. Наставник — далеко не духовная личность, а его интересы подчас слишком корыстны и властолюбивы. Монастырь

оказался совсем не с тем уставом, который можно понести и претерпеть, а уйти и нарушить благословение — значит оказаться предателем и понести ответ за себя и за своих родных (?!) на Страшном Суде. Эта ситуация внутреннего конфликта, который может длиться годами, а иногда и всю жизнь, разрушает психику и здоровье, лишает всякой радости и спокойствия, многие просто сходят от этого с ума или живут в постоянном унынии и депрессии. Даже если человек покидает монастырь, это оставляет в душе глубокую рану и чувство вины. Ведь не существует ни одной легитимной причины ухода из монастыря! Ушедшего считают предателем и Иудой, да он и сам себя таковым считает, пока наконец не осознает, что стал жертвой хорошо отлаженного механизма вербовки, правильной пропаганды и тонких техник манипуляции сознанием. К тому же тем, кто прожил в монастыре много лет, просто становится некуда возвращаться, часто в монастыри отдают свое имущество и жилье.

***

Разумеется, и в наше время есть люди, призванные к монашеству. Наверное, где-то есть и монастыри, в которых это призвание можно реализовать, хотя я лично таких не видела. Но тогда человек должен сам выбрать себе монастырь, как это и предписано древним уставом, а не слепо следовать «благословению» своего духовника. Произойти это не может сразу, ведь для этого нужно пожить не в одной обители. Подойти к этому выбору нужно очень ответственно, как к выбору семьи, и лучше ничего не выбрать и остаться в миру, чем оказаться в месте, где тебя будут постепенно уничтожать морально и физически. Очень не-

просто сейчас найти монастырь, где действительно есть духовная жизнь. Уже святитель Игнатий (Брянчанинов) писал в свое время: «Относительно монастырей я полагаю, что время их кончено, что они истлели нравственно и уже уничтожились сами в себе. Надо понимать дух времени и не увлекаться прежними понятиями и впечатлениями, которые в настоящее время осуществить невозможно. Богом установленный монашеский подвиг отъемлется с лица земли по неисповедимым судьбам Божиим, пред которыми надо нам благоговеть и безмолвствовать. На все свое время. Спасение и разные способы его были даром Божиим человечеству, а отнюдь не его собственным изобретением.

ВАЖНАЯ ПРИМЕТА КОНЧИНЫ МОНАШЕСТВА — ПОВСЕМЕСТНОЕ ОСТАВЛЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО ДЕЛАНИЯ

Монастыри обратились в пучины, в которых повреждаются и гибнут душами многие такие люди, которые посреди мира проводили весьма хорошую жизнь. Лучше выйти из монастыря и проводить в мире жизнь, соответствующую своему расположению, нежели, живя в монастыре, проводить жизнь, нисколько не сообразную с монашескими правилами, чего неминуемым последствием обыкновенно бывает самый ужасный разврат.

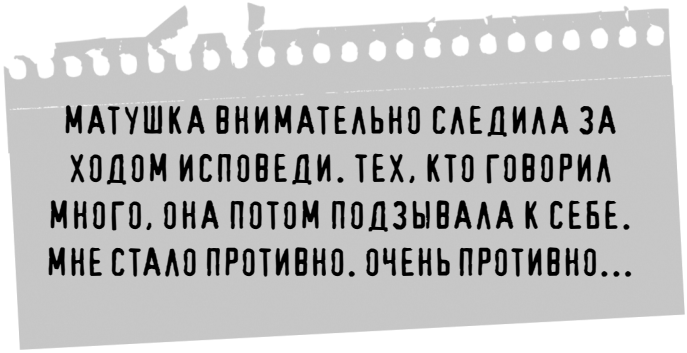
Важная примета кончины монашества — повсеместное оставление внутреннего делания. Весьма часто актерскою наружностью маскируется страшная безнравственность. Истинным монахам нет житья в монастырях от монахов-актеров. Важность — в христианстве, а не в монашестве».

...19

Отец Власий стоял с очень благообразным видом и принимал исповедь. Я заметила, что Матушка со своего места внимательно следит за ходом исповеди, нервничает, потому что хоть в храме и тихо, ей ничего не слышно, что говорят. Поэтому тех, кто говорил много, она потом подзывала к себе и спрашивала, что они сказали старцу. Отец Власий против этого ничего не имел. Мне стало противно, очень противно, просто тошно от всего этого шепота. Расхотелось совсем идти исповедоваться, но игумения могла заметить, что меня нет.

На исповедь подвезли инокиню Пантелеимону в инвалидном кресле. Она раньше жила здесь, была пострижена в иночество, потом ушла, а когда заболела раком, вернулась. Она начала что-то рассказывать старцу. Матушка привстала, напряглась, а потом вдруг очень быстро для своей комплекции побежала к старцу. Нависнув над креслом всем своим телом, она начала что-то кричать, потом они вместе начали что-то доказывать старцу, он стоял, все с тем же

невозмутимо-благообразным видом, и слушал. Я так поняла, что Пантелеимона жаловалась старцу, что ей не покупают нужные ей лекарства, а Матушка доказывала обратное. Подоспели сестры и отвезли Пантелеимону в келью, а Матушка села на свое место. Исповедь продолжалась, меня позвали к Матушке.



— Маша, у меня для тебя задание. У тебя же есть медицинское образование?

— Да, Матушка, но я никогда не работала врачом, сразу после университета начала заниматься фотографией, и врач из меня не получился.

— Неважно. Уколы колоть умеешь?

— Умею, внутримышечно.

— Назначаю тебе новое послушание: будешь сиделкой у матери Пантелеимоны. Она уже одна не справляется. Обо всем будешь рассказывать лично мне, поняла?

— Благословите, Матушка.

После трапезы мне уже благословили переехать с вещами в корпус, где жила мать Пантелеимона. Пантелеимону я вначале побаивалась, и она меня тоже. Я была наслышана о ее непростом характере, а она считала меня матушкиным шпионом. Матушка тоже не раз мне намекала, что я должна рассказывать ей все, что услышу и увижу. История была политическая: Пантелеимона пришла в монастырь в 1993 году. Потом заболела раком груди, но лечиться в монастыре не было возможности. Она ездила к митрополиту, жаловалась ему, но потом ушла. Опухоль удалили, Пантелеимона на какое-то время поправилась, но потом начался рецидив. Дома она жила в однокомнатной квартирке с невесткой и двумя внуками, ее сын оставил семью, приходил только изредка и ничем им не помогал. За больной нужен был постоянный уход, и нужны были дорогие лекарства, которые она не могла купить, поэтому она решила вернуться в монастырь, где до своего ухода трудилась много лет, считая, что за эти труды игумения обязана ее постричь в монашество и похоронить. Игумения Николая ее приняла, но дорогие лекарства покупать не спешила. После этого инцидента со старцем Власием эконому, матери Фомаиде, было все-таки дано благословение покупать Пантелеимоне любые лекарства, какие только ни попросит.

Все было бы хорошо, но Пантелеимона так и не покаялась публично перед Матушкой, что ушла, история о «блудном сыне» не получалась, а Матушке очень хотелось бы преподнести все это на занятиях именно так: возвращение к Матушке с раскаянием.

Не то чтобы Пантелеимона не каялась в своих грехах, нет, она исповедовалась часто священнику, который приходил ее причащать. Но она не каялась перед Матушкой, не считала себя неправой в том, что ушла из монастыря, и к тому же жаловалась на Матушку много лет назад.

НА ЗАНЯТИЯХ, КУДА ПАНТЕЛЕИМОНА УЖЕ ХОДИТЬ НЕ МОГЛА, МАТУШКА РИСОВАЛА ЕЕ НАМ КАКИМ-ТО МОНСТРОМ

На занятиях, куда Пантелеимона уже ходить не могла, Матушка рисовала ее нам каким-то монстром, получившим наконец возмездие за свои грехи, а себя, естественно, доброй любящей матерью. Эта история должна была всем нам продемонстрировать, к чему приводит недовольство Матушкой и уход из монастыря. О том, что в это время в монастыре двое сестер, верных Матушке и никогда не оставлявших обитель, тоже болели раком, никто не упоминал. Меня Матушка вызывала к себе часто, расспрашивала обо всем, рассказывала о Пантелеимоне разные истории, выпытывая, что же думает обо всем этом она сама, ропщет ли она или кается. Как-то она спросила:

— А знаешь, почему она заболела раком?

— Нет, Матушка, не знаю.

— Сиськи себе искусственные вставила, чтобы носить свои платья.

Пантелеимоне было около пятидесяти лет, раньше она была довольно красивой, работала модельером и шила одежду. Насчет «сисек» я не уточняла, может быть, она и вправду их сделала, но в то время это было большой роскошью, не знаю, была ли у нее такая возможность.

Ее сын в обитель никогда не приезжал, больную навещали несколько раз только невестка с внуками и больше никто. Состояние ее было очень тяжелым. Опухоль разрослась по всей груди, превратив кожные покровы в какую-то кровоточащую розово-бурую ткань, проросла в легкие, печень и другие органы. Ходить она совсем не могла, сразу начиналась одышка, в храм я возила ее на коляске, и то не каждый день. Лежать она не могла, начинала задыхаться, даже спала сидя, положив голову на стол рядом с кроватью. Из-за поражения легких у нее почти каждый день случались приступы удушья, и тогда внутривенно нужно было делать укол эуфиллина, он ненадолго ей помогал.

Сделать этот укол было большой проблемой. Уколы внутривенно в монастыре умела делать монахиня Дионисия, в прошлом медсестра и «мама». Ее дочь уже давно выросла и вышла замуж, а мать Дионисию постригли в монахини. Уколы она делала виртуозно, могла попасть с первого раза даже в очень плохие вены. Но мать Дионисия была обычно очень занята на важных послушаниях (рухолка, кухня, приют, медчасть), ее не так-то просто было найти и быстро при-

вести с собой. К тому же у нее был ужасно вредный характер. Вредность как таковую, в чистом виде, я видела только в женских монастырях, где жила, здесь это было своего рода развлечением — «повредничать». В миру я такой выраженной вредности не встречала. Для меня это стало каким-то открытием, никак невозможно было понять, как можно что-то делать или не делать не по какой-то причине, не из личной выгоды или, допустим, из мести, а только лишь «из вредности». Я так поняла, что вредность — это какой-то вид исключительно женской страсти, греха, который никак не описан ни в покаянных молитвах ко причастию, ни в молитвах перед исповедью. Молитвословы писали мужчины, которые редко страдают этим недугом.

Мать Дионисия занималась выдачей лекарств и одежды сестрам, и поводов «повредничать» у нее было достаточно. Выпросить у нее какую-нибудь таблетку, даже дешевые капли в нос, было просто невозможно, она придумывала целый миллион причин, чтобы не давать. То же самое и с одеждой. Поэтому сестры втайне от Матушки доставали себе лекарства, одежду и обувь на стороне. Обычно все самое необходимое привозили родственники. Матушка об этом знала, но такая ситуация позволяла ей экономить на многом, и она делала вид, что не замечает ни вредности матери Дионисии, ни того, что сестер обеспечивает не монастырь, где они трудятся, а родные.

С уколами мать Дионисия тоже вредничала, ей не хотелось отрываться от своей работы, которую потом приходилось доделывать во время отдыха, отдельное время на уколы Матушка ей не благословила. Мы

с матерью Пантелеимоной иногда ждали ее подолгу, пытаясь своими силами справиться с приступом.

Мать Дионисия все время напоминала мне, что я, как врач, должна сама уже делать уколы, но мне было очень страшно. Внутривенные инъекции я делала только на третьем курсе университета во время летней практики в стационаре и то только людям с хорошими венами, а у матери Пантелеимоны нормальных вен не было совсем. Толстые вены, которые проходят на локтевых сгибах, у нее ушли совсем глубоко, попасть в них было невозможно, остались только тоненькие вены на запястьях и на тыльной стороне кисти. В них и колола мать Дионисия. Из той своей летней практики я уже ничего не помнила, нужно было учиться заново, но начинать делать внутривенные уколы на таких тонких венах я боялась и попросила мать Дионисию научить меня на ком-то с более-менее нормальными венами.

У нас в богадельне была бабушка — монахиня Пафнутия, которой тоже каждый день делали уколы. Бабушка была очень крепкая и с прекрасными венами, как на анатомическом препарате. Несколько меся-

цев назад она упала и сломала шейку бедра. Несмотря на то что кость очень хорошо срослась и ей давно можно было ходить, она предпочитала ездить на инвалидном кресле, считала себя очень больной и каждый вечер требовала внутривенный укол эуфиллина от астмы, которой совсем не страдала. Отказать ей было невозможно, она закатывала истерики, начинала «задыхаться» в приступе астмы, и это продолжалось до тех пор, пока не делали вожделенный укол. Кололи ей просто физраствор (раствор соли с водой, близкой по концентрации к плазме крови), который прекрасно снимал у нее все симптомы, никакие другие лекарства ей были не нужны. Однажды вечером мы с матерью Дионисией пришли к ней в келью, где меня представили молодым доктором, который теперь будет следить за ее здоровьем. Я должна была сделать ей укол. Кто делал внутривенные уколы, знает, что страшно бывает только в первый раз: уколоть, ввести иглу и впустить в шприц кровь, руки должны научиться чувствовать, что иголка в вене, а не под кожей, это совершенно разные ощущения. Мать Пафнутия посмотрела на меня с подозрением, но слово «доктор» звучало магически, и она начала закатывать рукав, внимательно следя взглядом за моими действиями. Я старалась напустить на себя профессионально-спокойно-беззаботный вид, но было очень страшно, руки стали как лед и немного тряслись. Невозможно было не попасть в такие великолепные вены, у меня все получилось, но потом иголка как-то незаметно выскользнула и оказалась под кожей. Я этого не заметила и продолжала вводить лекарство. Начал надуваться бугорок из физраствора, появился синяк, мать Пафнутия завопила. Мы ее успокоили, сказали, что большая часть

«лекарства» все-таки попала туда, куда нужно, но я так расстроилась, что потеряла всякую надежду научиться. Не хотелось больше никого мучить.

Через неделю мать Дионисия должна была уехать в Грецию с Матушкой и детьми. Они ехали на две недели с концертами, а мать Дионисия сопровождала их как медсестра. Это была настоящая катастрофа: в монастыре не было больше никого, кто мог бы сделать укол матери Пантелеимоне в случае приступа. Была еще одна сестра, мать Сергия, тоже врач по образованию, но она была немного не в своем уме.

Пришла она в монастырь давно, по благословению отца Афанасия, как и я, и была поначалу вполне нормальной. Потом, сестры рассказывали, что она стала больше молчать, замыкаться в себе, даже могла не отвечать, если к ней кто-то обращался, смотрела часто каким-то невидящим взглядом мимо, вдаль, часто говорила сама с собой и писала немыслимо длинные помыслы Матушке обо всем и обо всех. Иногда, наоборот, ее пробирало, и она говорила без умолку, но одни и те же фразы по кругу, как будто заевшая пластинка. Ее постригли в иночество с именем Сергия, все уже привыкли к тому, что она такая странная. Она тоже умела делать внутривенные уколы. Я один раз ее попросила, поздно вечером, когда мать Дионисия уже отдыхала. Сергия пришла и начала говорить, говорить и говорить, без умолку. Все это были какие-то перечисления матушкиных благословений, советов по лечению и угроз пожаловаться Матушке, если я или Пантелеимона будем делать что-то не так. В руках у нее были две ампулы лазикса, сильнейшего мочегонного. Она старалась убедить Пантелеимону

и меня, что, по ее мнению, эуфиллин тут не поможет, а вот мочегонное — это как раз то, что нужно. Мочегонные мы уже все перепробовали до нее, ничего не помогало, но мать Сергия как будто нас не слышала. Была почти ночь, и все было прямо как в дурацком анекдоте, где больному назначили на ночь одновременно снотворное с мочегонным. Ей думалось, что Пантелеимона, так же как и мать Пафнутия, придумывает себе эти приступы удушья, хотя от одного только взгляда на ее бордово-синие губы, распухшие посиневшие ноги и руки было ясно, что она не симулянтка. Минут через сорок мать Сергия все-таки согласилась сделать укол эуфиллина. Сказала, что будет делать только «бабочкой», а не обычной иголкой. «Бабочка» — это такая маленькая и тонкая игла с пластиковыми лепестками у основания, похожими на крылышки, и с резиновой длинной трубочкой, которая прикрепляется к шприцу. В богадельне нашлась одна единственная «бабочка», уже просроченная, но это было лучше, чем вообще ничего. Я отдала ее матери Сергии, и она сделала укол. «Надо же, — подумала я, — как легко колоть этими “бабочками”, они совсем маленькие, тонкие, не выскакивают из вены, потому что к шприцу такую иглу можно присоединить потом, уже уколов и приклеив ее к коже пластырем за лепестки». Терпеть бесконечные разговоры и угрозы матери Сергии было выше сил, Пантелеимона сказала, что лучше вызвать скорую, чем ее.

Вызвать скорую было еще большей проблемой, это было настоящим испытанием. Не знаю почему, но Матушка благословляла вызов скорой только в самом крайнем случае, если своими силами сестрам не

удавалось справиться. Для этого нужно было звонить Матушке по внутреннему телефону, но ее часто не было на месте: или она отдыхала, или приступ случался ночью, и дозвониться до Матушки было невозможно. Потом нужно было долго уговаривать и просить Матушку дать благословение на вызов скорой. За все три месяца, пока я была с Пантелеимоной, скорую нам благословили вызвать всего три раза: два раза во время кровотечения и один раз для укола эуфиллина.

На следующий день я написала эконому, матери Фомаиде, что нам нужно 30 штук тонких «бабочек», которые она довольно быстро купила. Мучить бабушек мне больше не хотелось, и я решила учиться делать уколы на себе. С «бабочками» это было несложно. Взяв жгут, спирт, несколько ампул с физраствором и шприцы, я закрылась у себя в келье во время отдыха и стала учиться. Колоть себя было совсем не страшно, я потренировалась на разных венах обеих рук, не оставив ни одного синяка. И как раньше мне не приходило в голову использовать эти «бабочки»! От радости, что теперь все получается, я побежала к матери Дионисии, хотелось похвалиться и рассказать, что теперь мы не будем каждый день отрывать ее от послушания. Мать Дионисия обрадовалась, но потом сделала озабоченное лицо:

— А у Матушки ты взяла благословение делать себе уколы?

— Нет. Но это же мои руки.

— Нужно было благословиться.

— Ну ладно, следующий раз обязательно благословлюсь.

Матушке она ничего не сказала.

...20

С этого дня я стала делать уколы Пантелеимоне сама. Сначала это было несложно, но потом, когда приступы начали учащаться, колоть эуфиллин приходилось каждый день. Состояние ее было таким тяжелым, что тонкие вены на запястьях и кистях стали совсем хрупкими, лопались от укола и растекались синими лужами под кожей. Обе руки превратились в один большой синяк. Иногда я по часу не могла сделать укол, не было уже ни одной целой вены, кололи прямо в синяки, не дожидаясь, пока они рассосутся. Я пыталась делать уколы в ноги, но они так распухли, что никаких вен нельзя было даже прощупать. Пантелеимоне нужно было в больницу, там бы ей просто поставили катетер, но она наотрез отказывалась туда ехать. Понятно было, что из больницы она бы уже не вернулась, а ей очень хотелось, чтобы ее постригли перед смертью в монашество. Этим она и жила все это время.

***

Матушка была не против ее постричь, Пантелеимоне нужно было только покаяться и признать, что тогда, 15 лет назад, она была неправа, смириться

и попросить у Матушки прощения за все. Это можно было написать в помыслах, которые Матушка зачитала бы сестрам на занятиях или сказать Матушке лично. Меня Матушка часто поднимала на занятиях и при всех спрашивала, что там думает мать Пантелеимона. Я всегда отвечала, что настроение у нее покаянное, она не ропщет. Так оно и было, но ничего конкретного я сказать не могла. В наших с ней разговорах Пантелеимона упорно не признавала себя неправой, говорила, что вернулась в монастырь просто потому, что ей некуда было идти, а не потому, что покаялась перед Матушкой. Помыслы Пантелеимона не писала. Я видела, как для нее был важен этот постриг в монашество, мне очень хотелось ей помочь. Я пыталась убедить ее принести это покаяние, попросить прощения у Матушки, но она меня не слушала, просто смотрела на меня, как на дурочку, которая не понимает, о чем говорит.

ОДИН РАЗ ПАНТЕЛЕИМОНА ВСЕ-ТАКИ НАПИСАЛА ПОМЫСЛЫ: ЖАЛОБЫ НА БОЛЕЗНЬ И ИСПОВЕДЬ В ТОМ, ЧТО БЕЗ БЛАГОСЛОВЕНИЯ ПОЛЬЗОВАЛАСЬ МОБИЛЬНЫМ ТЕЛЕФОНОМ

Один раз Пантелеимона все-таки написала помыслы и попросила меня отнести их Матушке. Мне было боязно, что там может быть не ее покаяние, а то, что она говорила мне про Матушку во время наших бесед.

В таком случае постриг бы точно никогда не состоялся. Я долго сомневалась, но потом решила прочитать эти помыслы и, если там нет ничего страшного, отнести. Если же там будет что-то обидное для Матушки, то лучше вообще не относить, чтобы лишний раз ее не злить. В помыслах оказались только жалобы на болезнь и исповедь в том, что она без благословения пользовалась мобильным телефоном.

***

Матушка уже теряла терпение: ей очень хотелось, чтобы все-таки эта история получилась назидательной.

Как раз в это время вышла книга афонского старца Ефрема Филофейского «Моя жизнь со старцем Иосифом», всем сестрам раздали по экземпляру. В перерывах между приступами и перевязками я читала Пантелеимоне эту книгу вслух. Там описывалась жизнь афонских монахов в отдаленном горном скиту. Книга была написана очень увлекательно, а испытания и болезни, которые выпадали на долю братии, были такие суровые, что Пантелеимона даже как-то сказала:

— Давай почитаем книжку, где кому-то еще хуже, чем нам.

В помыслах Матушке, которые я обязана была писать каждую неделю, я упомянула, что мы читаем эту книгу. Я и не думала, реакция Матушки будет такой бурной. Она вызвала меня к себе, долго кричала, что она мной недовольна, а потом сказала:

— Все трудятся на послушаниях, а вам там заняться нечем, книжки читаете! Читайте Псалтирь!

Казалось, что в этом разговоре выплеснулось все ее раздражение упорством Пантелеимоны и моей несостоятельностью выудить у нее это пресловутое покаяние.

***

Во всех монастырях, и наш не был исключением, читается Неусыпаемая Псалтирь. Паломники и прихожане подавали записки с именами, а сестры записывали их в помянник. Эта Псалтирь вместе с помянником должна была читаться сестрами постоянно, без перерывов, поэтому и называлась неусыпаемой. Поскольку сестры были заняты послушаниями, Псалтирь днем читали бабушки из богадельни. Каждой бабушке, а их тогда было четыре, назначалось по три часа Псалтири в день. Эти три часа выдерживала только монахиня Еввула, она была еще довольно крепкой, остальные бабушки, как правило, просто дремали над тетрадками все положенные три часа Неусыпаемой Псалтири. Ночью читали сестры по два с половиной часа. Список ночных дежурств вывешивался после вечернего чая. После целого дня послушаний не спать эти два с половиной часа ночью было очень тяжело. Сестры ходили на дежурство со своими будильниками, чтобы, если случится заснуть, вовремя проснуться и разбудить следующего дежурного.

Уже вечером нам принесли Псалтирь на два часа. Читать ее было некому. Пантелеимоне было тяжело читать самой, а мне предстояла еще уборка кельи, вынос биотуалета, вечерняя перевязка и мытье посуды. Не читать тоже было нельзя: все-таки люди доверили нам молитву о своих близких и заплатили деньги. Решено было, что я буду читать по памяти во

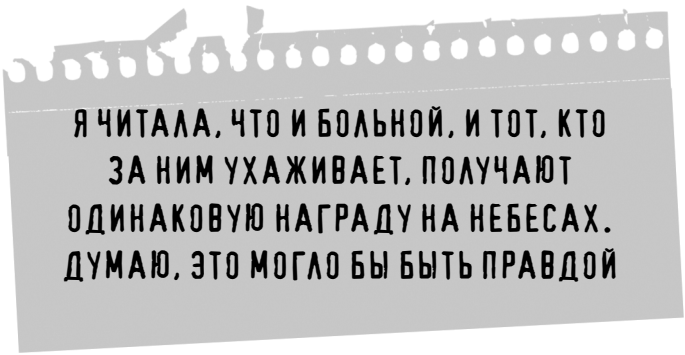
время работы все два часа первую кафизму Псалтири, которую я знала наизусть еще с Сибири, вслух и про себя. Так я и делала со спокойной совестью.

...21

В начале августа мать Пантелеимону все-таки постригли в монашество. Матушка нашла очень изящный выход из положения. К нам в монастырь время от времени приезжал архиепископ Лонгин из Германии, один из самых авторитетных и уважаемых иерархов Церкви, близко знавший многих великих людей прошлого. Он основал храм Покрова Пресвятой Богородицы в Хельсинки и открыл в лагере смерти Дахау православную часовню. У нас владыка в тот день служил литургию, а потом ехал в Боровский монастырь. Мать Николая попросила его зайти и сказать напутственное слово инокине Пантелеимоне. Владыка Лонгин и сам в то время уже болел раком, примерно через год его тоже не стало. После службы владыка около получаса беседовал с Пантелеимоной, потом уехал. Никто не слышал, о чем они говорили. На занятиях Матушка сказала сестрам, что, по словам владыки Лонгина, мать Пантелеимона не держит ни на кого зла и просит у всех прощения, душа ее успокоилась и во всем раскаялась. В словах такого человека никто бы не стал сомневаться.

Через неделю ее постригли в монашество, оставив прежнее имя. После пострига Пантелеимоне на

несколько дней сильно полегчало, она не задыхалась, сидела в келье с блаженным лицом, в белом хитоне с вышитым монашеским параманом на спине. После химиотерапии у нее снова отросли волосы, совершенно белые и кудрявые. Без платка она была похожа на отцветший одуванчик. На шею ей надели простой деревянный крест, который она специально берегла для этого случая. Этот крест она привезла из Оптиной пустыни, где раньше была трудницей. Деревянные щепочки, из которых он был сделан, когда-то были в составе досок на помосте звонницы в Оптиной. На этом помосте в пасхальную ночь 17–18 апреля 1993 года сатанист убил ножом двух монахов: иноков Ферапонта и Трофима. Третью свою жертву — иеромонаха Василия — убийца ударил ножом в спину недалеко от звонницы. Мать Пантелеимона хорошо знала этих братьев, когда жила в Оптиной. Теперь она им молилась как мученикам.



***

В какой-то святоотеческой книге я читала, что и больной, и тот, кто за ним ухаживает, получают одинаковую награду на небесах. Думаю, это могло бы

быть правдой. Очень тяжело постоянно наблюдать чье-то страдание, не в силах хоть чем-то его облегчить. В такие минуты начинаешь сомневаться в милосердии Бога. Мы с Пантелеимоной каждый раз усердно молились перед каждым уколом, а потом больше часа мучились в поисках хоть какой-нибудь вены, в которую можно было уколоть. Один раз после долгих неудачных попыток я в бешенстве швырнула шприц в угол и начала топтать его ногами. Пантелеимона молча ждала, пока я успокоюсь, а потом без всяких эмоций сказала:

— Давай, набирай другой.

Иногда мы разговаривали, она рассказывала мне о своих внуках, о том, как жила до болезни. Про монастырь и про Матушку мы говорили редко. Однажды я попыталась завести об этом разговор, но она только сказала:

— Ты ничего не понимаешь. Я бы никогда сюда не вернулась, если бы мне было куда пойти.

...22

В богадельне жили четыре бабушки, за ними ухаживала монахиня Феодора. Еще здесь проживала Елена, женщина лет шестидесяти, у нее была травма позвоночника, но ходить и обслуживать себя она могла. Это была свекровь монахини Марии. Мать

Мария привезла ее в нашу богадельню, потому что за ней нужен был уход, а ее сын общался с ней редко и не помогал. Матушка Николая согласилась взять Елену в обмен на ее квартиру в Черемушках, которую та должна была подписать на монастырь. Елена не хотела отдавать квартиру, поэтому ее через какое-то время попросили уехать. Потом Матушка рассказывала на занятиях, как Елена после отъезда из монастыря заболела еще сильнее. Матушка усматривала в этом Божию кару за непослушание и жадность. Бабушки в богадельне часто подписывали монастырю свое жилье в обмен на уход.

В отдельной келье, через стенку с нами, проживала схимонахиня Мария, 95 лет, мама нашего митрополита Климента. За ней постоянно ухаживала инокиня Нектария, молоденькая, совсем худенькая сестра, с огромными темными глазами, ростом еле достававшая мне до плеча. Когда я только приехала в этот монастырь, она была еще послушницей Никой, пухленькой и очень веселой. Она раньше училась в Калужском духовном училище. Поступила она туда на иконописное отделение сразу после школы. Мать Нектария была удивительным человеком. Никогда еще ни в ком я не встречала такой доброты, причем не делано-нудно-смиренного характера, когда человек просто старается следовать заповедям, а какой-то естественной доброты и любви, идущих от сердца. Поразительно было, как в ней умещалось столько отзывчивости, нежности и заботы ко всем. Раньше она была на послушании в иконописной мастерской монастыря, даже написала несколько фресок в Корсунском храме, но потом Матушка перевела ее в богадельню. Она уже много лет была с матерью Марией, никто другой дол-

го не мог вынести это послушание. Бабушка не могла сама даже садиться в кровати, за ней нужен был непрестанный уход и днем, и ночью. К тому же мать Мария была уже не совсем в своем уме. Помимо этого, мать Нектария старалась, как могла, порадовать остальных бабушек, помогала и мне с матерью Пантелеимоной, приносила ей букетики цветов, делала массаж. Мы с ней очень подружились.

МАТУШКА НИКОЛАЯ СОГЛАСИЛАСЬ ВЗЯТЬ ЕЛЕНУ В ОБМЕН НА ЕЕ КВАРТИРУ В ЧЕРЕМУШКАХ. КВАРТИРУ ЕЛЕНА ОТДАВАТЬ НЕ ХОТЕЛА — И ЕЕ ПОПРОСИЛИ УЕХАТЬ

Мы жили как затворники в богадельне, нигде не бывали, кроме трапезной и занятий, никого не видели, даже службы мы посещали изредка. Чтобы не сойти с ума и иметь хоть какую-то разрядку, я придумала себе развлечение по вечерам, когда Пантелеимона меня отпускала. Корпус богадельни, в котором я жила, находился прямо напротив небольшого храма Корсунской Божией Матери, запасные ключи от которого были у меня. Я должна была передавать их в 22.00 дежурным, которые ночевали в этом храме. Несколько лет назад туда ночью проникли грабители, и Матушка благословила каждую ночь спать там двум сестрам по графику. До 22 часов храм пустовал, и я, взяв предварительно такое благословение, вечером брала ноты и ходила туда петь. Мне очень нравились

византийские распевы, я даже выпросила у матери Елисаветы ксерокс самоучителя, чтобы учиться петь по крюкам. Оказалось, что этих крюков не так много и при желании этому можно научиться. Акустика там была замечательная, и я могла петь, пока не приходили дежурные или мать Нектария не прибегала позвать меня к Пантелеимоне. Мать Нектария тоже мечтала научиться петь, но не византийским распевом, а партесом. У нее была целая папка партесных церковных песнопений, и мы в свободное время их разучивали. Общаться друг с другом, как я уже писала, сестрам было запрещено, поэтому приходилось ждать, когда мать Феодора уйдет в пошивочную на послушание — тогда, пока никого не было, мы доставали свои ноты и учили. Было здорово петь по-настоящему, на два голоса. Мать Нектария пела партию сопрано, а я была альтом. Как-то раз вечером за этим занятием нас застала послушница Лариса. Это была довольно пожилая женщина, в прошлом музыкант и концертмейстер. Ларису Матушка не любила за то, что у нее было на все свое мнение, которого она не скрывала, и еще у нее была история с неудавшейся жалобой на Матушку митрополиту. Матушка не могла ей этого простить. Вообще-то жаловаться митрополиту Клименту было можно, под его началом был наш монастырь, он нес за нас ответственность и мог в случае неправильного поведения игумении оказать воздействие. Но пожаловаться редко кому удавалось. Письменные жалобы всегда оказывались почему-то у Матушки, неизвестно, читал их митрополит или нет. А если сестра ехала к нему в епархию и ей удавалось попасть к нему на прием, что было несколько раз, митрополит Климент всегда держал сторону Матушки и просил сестру вернуться обратно в монастырь.

Матушка таких сестер уже не прощала, делая их дальнейшую жизнь просто невыносимой: ставила на самые тяжелые послушания, «раздевала», лишала отдыха, причастия и возможности видеть родных, постоянно ругала на занятиях. Ларису Матушка просто терпеть не могла. Ей часто доставалось на занятиях, один раз даже за вставные зубы, из-за которых у нее была «какая-то странная ухмылка».

К нам в корпус Лариса пришла за ключами от Корсунского храма, она там дежурила. Услышав Симоновскую Херувимскую в нашем исполнении, она ужаснулась:

— Боже, что вы делаете, это же ужасно фальшиво!

— Ну тогда спой с нами мою партию. Пожалуйста! — попросила ее я.

— Мне уже нужно быть в храме. Приходите туда.

Мы вместе пошли в храм. Встали втроем с нотами и начали петь. С Ларисой получалось гораздо лучше, мы так увлеклись, что не заметили, как в храм вошла монахиня Гавриила — она была старшей церковницей — и принесла какой-то букет. Мать Гавриила посмотрела на нас, ничего не сказала, поставила цветы и ушла. Мы тоже замолчали. В том, что она напишет об этом Матушке, никто не сомневался. Вопрос был только в матушкиной реакции.

Вот так получилось, что трех матушкиных нелюбимых сестер застали вместе за общим занятием. Ну конечно, это заговор. Ларису Матушка очень не

любила. Я тоже не заслужила матушкиной любви: тем, что, во-первых, не писала «правильных» помыслов, и во-вторых, как она считала, покрывала ропот Пантелеимоны.

Мать Нектарию Матушка не любила особо. Она ее ненавидела всей душой. У матери Нектарии у одной хватало мужества заступаться за сестер. Она ни на кого не писала ябед, напротив, часто брала на себя чьи-то проступки. Я помню случай, как на колокольне нашли спрятанные книги художественного содержания. Звонарем тогда была инокиня Ксения, большой любитель почитать что-нибудь не из монастырской святоотеческой библиотеки. Ксения каким-то образом уговорила мать Нектарию сказать, что это ее книги. Мне запомнилось отвратительная сцена, как в храме при священнике отце Сергии Матушка, схватив руку матери Нектарии, положила ее на большое Евангелие на аналое, придавив своей рукой. Она, не стесняясь, кричала, что мать Нектария должна поклясться на Евангелии, что говорит правду, если же она солжет «своей игумении», то будет наказана в аду. Нектария была очень напугана этими угрозами и клятвой на Евангелии при священнике, она плакала, но поклялась. Иногда лучше предпочесть наказание в аду, чем прямо сейчас от Матушки. Матушка не поверила, ей по большому счету было все равно, чьи это книги, зато остальные поняли, как плохо лгать.

Нектарию Матушка ругала почти на каждом занятии, на которое она приходила из богадельни. Мать Нектария редко ходила по монастырю в форме, в основном она была «раздетая». «Раздеть» Матушка могла по любому поводу, любую сестру и на любое время. Это

значило, что сестра не может носить монашескую или иноческую форму, а только платок и подрясник, и не имеет права причащаться.

...23

На следующих после нашей «спевки» занятиях был настоящий концерт. Мать Нектарию опять ругали за то, что она по ночам в келье рисует без благословения и таким образом тратит монастырское электричество. Нектария была неплохим художником и иконописцем и очень любила рисовать. У нее была целая коробка красок и кисточек, привезенных еще из дома. Матушка ей запрещала заниматься рисованием, хотя Нектария рисовала только ночью или когда бабушка, за которой она ухаживала, отдыхала. Было решено забрать у нее все краски и кисти, если она сама не сдаст их добровольно. Она оправдывалась, и это очень возмущало сестер. Вдруг вскочила мать Гавриила и стала, прямо как в младшей группе детского сада, быстро-быстро говорить:

— Матушка, Матушка, я их видела в храме троих. Они там пели перед иконой.

— Кого? — видимо, помыслы еще не были прочитаны, и Матушка была не в курсе.

— Мать Нектарию, Ларису и Машу, они стояли и пели у иконы.

Мне велели встать.

— Маша, что вы там пели? Почему втроем, ночью?

— Матушка, мы пели по нотам Херувимскую не ночью, а вечером, после чая.

— А кто вам благословил?! — до Матушки начал доходить весь размах и дерзость преступления. — Нектария, Лариса, Маша! Бесстыдницы! Мерзавки! Три змеи сплелись в клубок... Чего вы там замышляли? Дружбочки у вас теперь? По углам прячетесь? Что вы там шептались за спиной у игумении, у своей старицы! — Матушка часто себя называла не иначе как «старицей», то есть это как «старец», только женского рода.

МАТУШКА ЧАСТО СЕБЯ НАЗЫВАЛА НЕ ИНАЧЕ КАК «СТАРИЦЕЙ» — ТО ЕСТЬ ЭТО КАК «СТАРЕЦ», ТОЛЬКО ЖЕНСКОГО РОДА

Как она нас только не называла! Матушка кричала, мы с Ларисой просто стояли молча, в ожидании развязки, а мать Нектария взялась оправдываться, спорить, потом у нее случилась истерика. Она стала рыдать, пищать своим тоненьким голосом, и никак невозможно было заставить ее замолчать. Она крича-

ла, плакала, размахивала четками, картина была до того жалкой, что все молчали, никто не мог вставить слово. Кажется, мать Нектария высказала наконец все, что у нее накопилось, открыла чистосердечно все свои помыслы, ничего не скрывая. Матушка быстро свернула занятия, встала и ушла. Это был единственный случай, когда она ушла с занятий. Мы остались сидеть за столами. На середину трапезной вышла мать Серафима и сказала, что мы все очень виноваты перед Матушкой, не только мы трое, но и все остальные сестры, которые не смогли вступиться за Матушку. Как будто Матушку нужно было защищать от расплакавшейся матери Нектарии! Мать Серафима сказала, что теперь нам всем нужно пойти и положить Матушке земной поклон. Все пошли в Троицкий корпус. Матушка вышла к нам из своих покоев со спокойным лицом, молча приняла наши поклоны и ушла к себе.

Если бы я своими глазами не видела эти матушкины спектакли на занятиях, я бы не поверила, что люди вообще могут такое вытворять. После всех этих событий меня охватило какое-то отупение, мне стало все равно, что происходит вокруг. Все это было так дико и ни на что не похоже, что я вообще перестала как-то воспринимать реальность. Матушку я стала ужасно бояться. Я боялась не просто подойти к ней с каким-то вопросом, боялась даже просто попасться ей на глаза. Стоило мне с ней встретиться, это всегда заканчивалось криками. Как-то раз, когда я стояла на кухне, нарезая хлеб на трапезу, я услышала матушкин голос: она входила в трапезную и направлялась на кухню. Она громко что-то говорила келарю. Я даже сама не заметила, как оказалась в маленькой пустой комнатке, где чистили овощи. Я стояла

в этом убежище, прижавшись к стене, и ждала, когда Матушка выйдет из кухни. Все это получилось удивительно быстро, как-то само собой, не хотелось лишний раз с ней встречаться.

НА ВСЕ ЛЕКАРСТВА НУЖНО БЫЛО БРАТЬ БЛАГОСЛОВЕНИЕ У МАТУШКИ, ПРИЕМ УСПОКАИВАЮЩИХ И ПСИХОТРОПНЫХ ПРЕПАРАТОВ ОНА БЛАГОСЛОВЛЯЛА ОХОТНО

Чувствовала я себя неважно. На душе все время было как-то тревожно и страшно, даже ночью я не могла расслабиться и заснуть от навязчивых мыслей. Все крутилось в голове, пока я не принимала что-нибудь успокаивающее. У Пантелеимоны была целая коробка различных лекарств, ей их выписывал врач в связи с онкологией. Она разрешила мне взять столько, сколько мне нужно. Я набрала в пакет самых разных таблеток: корвалол, валокордин, феназепам, релаксон, афобазол, даже антидепрессанты амитриптилин и прозак. Травки и валерианка мне не помогали. Раньше я никогда не принимала таких таблеток, я вообще старалась избегать всякой химии. Когда я пыталась ничего не пить, тревога и страх становились такими сильными, что мне казалось, я схожу с ума.

На все лекарства нужно было брать благословение у Матушки, прием успокаивающих и психотропных

препаратов она благословляла охотно, даже не снимая сестру с послушания (работы). Так было весьма удобно: и работа идет, и человек становится спокойнее и веселее. Я тоже взяла благословение пить таблетки, иначе их было опасно держать в келье. Кельи у нас не закрывались, уходя, дверь следовало оставить приоткрытой, нельзя было даже не захлопывать. Такой обычай Матушка видела в одном греческом монастыре, и он ей понравился. Ей казалось, что это очень по-монашески. Но в принципе, большого значения не имело — захлопнуть дверь или оставить приоткрытой, все равно в любой момент келью могла обыскать благочинная мать Серафима, пока сестра была на послушании, это разрешалось по уставу. Как правило, она делала это аккуратно, сестры этих вмешательств часто не замечали. Редко когда она со своими помощницами переворачивала все вверх дном, забирая все, что иметь в келье не благословлялось. На такой особый «шмон» нужно было личное благословение Матушки. Это бывало, если сестра сильно в чем-то провинилась или подозревалась в каком-либо «заговоре» против Матушки и монастыря в целом.

У меня было достаточно запрещенных вещей, которые я надежно прятала в сумке под кроватью: лекарства, плеер с диктофоном, чтобы учиться петь, электрочайник и пакет с чаем, кофе и сахаром. Чай пить в кельях не благословляли, на трапезе это был совсем не чай, а просто мутная несладкая коричневая водичка, и мне с моим низким давлением приходилось доставать себе чай и кофе самой, чтобы по утрам были хоть какие-то силы. Много книг иметь в келье тоже не благословлялось. Сестра могла держать у себя только пять книг, не больше, остальные

она должна была сдать в библиотеку. У меня было много любимых книг, с которыми я не могла расстаться, я их хранила на чердаке корпуса в коробке, пока их там не нашли и не отдали в библиотеку.

***

Ларису после этих занятий я не видела: ее отправили в скит в поселок Гремячево. Меня перевели из богадельни на кухню и дали послушание трапезника. Мать Нектария осталась на прежнем месте, только теперь к ее основному послушанию добавился еще уход за матерью Пантелеимоной. Она звонила мне в трапезную только тогда, когда нужно было сделать укол. Не знаю, как она справлялась там одна. Посещать Пантелеимону просто так я не могла. Вместо матери Феодоры, которая не уследила и не доложила о «дружбочках» в корпусе, старшей по богадельне назначили мать Сергию. Она следила там за всеми, кто приходил. Пантелеимона ее к себе не подпускала: она ее страшно боялась. Все лекарства теперь были у Сергии в келье, она сама набирала мне шприц и приносила. Один раз она принесла шприц, внутри которого плавал белый осадок, даже взвесь, как хлопья. Я спросила:

— Что это такое?

— Лекарство, как Матушка благословила.

— Но тут же осадок, ты видишь? Это нельзя колоть в вену, ты с ума сошла!

— А чем тебе не нравится? — И завела пластинку о том, что она все делает по благословению.

Мы крепко поругались, я выкинула этот шприц и сказала, что теперь буду набирать лекарство сама или вообще больше не приду. До сих пор не понимаю, что она набрала в этот шприц и зачем. Это было страшно. Ввести такую взвесь в вену было равносильно убийству. Я ведь могла сделать этот смертельный укол.

...24

Последние три недели жизни мать Пантелеимона провела почти в полном одиночестве. Мать Нектария была занята с бабушкой матерью Марией, она не могла надолго оставить ее одну. Я приходила каждый день, даже если не было приступа, мы с Пантелеимоной делали вид, что колем уколы, и могли немного пообщаться, хотя в келью каждые десять минут заглядывала мать Сергия. Общение, правда, было почти без слов. Говорила Пантелеимона шепотом, и даже на это у нее уходило очень много сил. Мы в основном просто молча сидели рядом: она — на кровати, положив голову и руки на подушку на столе, а я рядом, на скамеечке. Возле стола у нее стояла деревянная палка от швабры. Постучав этой палкой в стену, она могла позвать при случае мать Нектарию, келья которой была смежной. Здорово придумали, подумала я, плохо только, что тот участок стены, до которого могла дотянуться палка мать Пантелеимоны, был как раз над головой бабушки схимонахини Марии, которая каждый раз от этого просыпалась

и начинала проситься в храм, думая, что началась служба.

После красивой и поучительной истории о возвращении, покаянии и постриге о матери Пантелеимоне как-то забыли. О ней уже нечего было сказать на занятиях: ее вспомнили, только когда узнали, что она умерла. Умерла она совсем одна. В тот вечер ей даже некому было бы постучать палкой в стену: был канун большого праздника — Рождества Пресвятой Богородицы, с пяти часов вечера в Никольском храме служили всенощное бдение. Мать Нектария тоже была в храме с матерью Марией, которую она привезла в инвалидном кресле. Я стояла на клиросе, мы все пели акафист Божией Матери, когда к нам подошла мать Феодора и сказала, что мать Пантелеимона умерла. После акафиста я спросила Феодору, как она умерла и был ли кто-нибудь с ней. Она ответила, что зашла к Пантелеимоне за подушкой от инвалидной коляски, которая понадобилась другой бабушке. Пантелеимона сидела на кровати, положив голову на подушку на столе, она так обычно спала. Феодора что-то спросила, потом подошла и поняла, что она уже не дышит.

«Боже мой, как страшно, — подумалось мне, — в этом огромном монастыре, где у тебя столько сестер и матушка, умереть в полном одиночестве». Страшнее, наверное, только жить в полном одиночестве среди такого количества народа. Для меня здесь это было самое страшное и невозможное: не работа до потери сил, не жесткий устав с полностью расписанным распорядком дня, не скудная пища из пожертвованных кем-то продуктов, не хронический недосып, не кри-

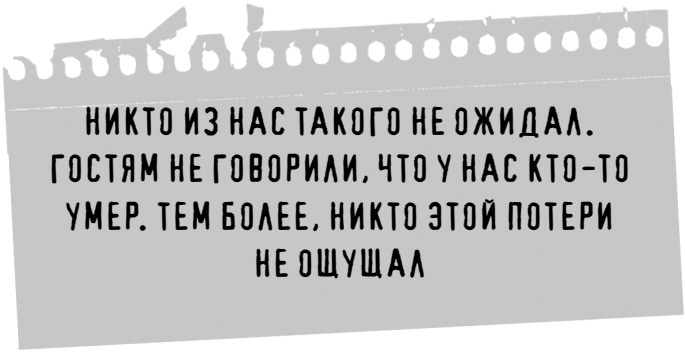
ки и занятия Матушки, не доносы сестер, даже не постоянная слежка друг за другом, не что-нибудь, а именно вот этот вакуум вокруг каждого человека, какое-то космическое одиночество, запрет общаться, дружить, помогать друг другу, проявлять любовь и сострадание без всяких на то «благословений». Разве не из этого состоит человеческая жизнь? Даже если какой-нибудь сестре и захотелось бы побыть с Пантелеимоной, на это нужно было получить специальное «благословение» Матушки, а к ней даже страшно было идти с таким вопросом. Тем более все знали, что ходить друг к другу в кельи, даже к больным, запрещено уставом.

Умерла Пантелеимона хоть и в большой праздник, но очень не вовремя. На следующий день в монастырь ожидался приезд игумении Феоксении и нескольких сестер из известного греческого монастыря Хрисопиги. Подготовка к празднику и встрече гостей шла полным ходом, готовили праздничную трапезу и большой концерт, часть службы сестры должны были спеть по-гречески. Никольский храм, в котором обычно ставили гроб с усопшей сестрой в подобных случаях, украшали цветами, там должны были служить праздничную литургию, поэтому гроб с телом матери Пантелеимоны поставили в маленьком Корсунском храме перед алтарем.

Служба была пышной, сестры пели на греческом, игумения Феоксения сидела на стуле рядом с матушкиной стасидией, а справа, на специально постеленном по этому случаю ковре, на мягких бархатных стульях расположились важные гости и спонсоры. Приютские дети аккуратными рядами в платьицах

и платочках стояли с левой стороны от Матушки, несколько сестер-воспитателей за ними смотрели и периодически одергивали тех, кто шептался или плохо стоял. Сразу после трапезы был праздничный концерт, дети танцевали и пели, некоторые песни они тоже выучили на греческом языке. Концерт закончился, и Матушка дала первое слово гостье, игумении Феоксении. Она взяла микрофон, несколько секунд помолчала и начала неожиданно для всех:

— Я очень вам сочувствую, вы потеряли сестру.



Я не помню точно ее слов, помню только это неожиданное начало и смысл. Дальше она говорила о том, что Пантелеимона умерла в такой большой праздник — праздник Божией Матери; это говорит о том, что она обрела милость у Бога, и позволяет нам надеяться на ее спасение. Греческая игумения ничего не сказала о празднике, о концерте, который сестры так тщательно готовили, вся ее речь была посвящена смерти, событию, как она считала, для всех нас сейчас более важному.

Никто из нас такого не ожидал. Гостям не говорили, что у нас кто-то умер, непонятно было, как они вообще об этом узнали. Тем более, никто из нас этой потери не ощущал, все было по-праздничному торжественно и весело. Матушке Николае тоже ничего не оставалось, как произнести длинную и трогательную речь о том, какой замечательной сестрой была ушедшая и как она и все сестры ее любили. Говорила мать Николая так хорошо, что от ее великолепной речи некоторые даже заплакали.

...25

Через несколько месяцев на праздник Введения в храм Пресвятой Богородицы меня и еще двух сестер, послушниц Фотину и Наталью, одели в подрясники, жилеты и апостольники. До этого мы носили юбки и блузки с платками, повязанными на лоб, а теперь нам выдали настоящую форму послушниц. За несколько дней до этого ко мне подошла послушница Ирина из пошивочной и попросила зайти к ней после чая. В пошивочной она примерила на меня хлопковый подрясник — он был не новый, но не сильно поношенный, и сидел хорошо — апостольник греческого образца из трикотажной ткани и жилет. Жилеты послушницам шили длинные, широкие, с тремя пуговицами сверху. Она дала мне какой-то старый жилет, почему-то не черный, как у всех, а из синей подкладочной ткани и с большой черной заплатой справа у правого края.

— Ира, он же синий и старый. Неужели нет ничего другого? Как я буду в нем ходить в храм?

— Мы потом сошьем тебе другой, а сейчас Матушка благословила этот, — она смотрела на меня с жалостью, но ничего поделать не могла. Форму для каждой сестры и даже ткань, из которой она шилась, благословляла Матушка. По тому, как сестра была одета, было видно расположение к ней игумении. Две другие послушницы, Фотина и Наташа, тоже были одеты по-разному. Фотине благословили сшить новый шелковый подрясник и жилет, а Наташа получила форму из грубой блестящей синтетической ткани. Мне достался самый неприглядный вариант.

Во время праздничного бдения нас троих одели и подвели к Матушке под благословение. Мы встали на колени, и Матушка благословила нас иконами. Мне досталась небольшая икона Божией Матери «Целительница». Все было очень торжественно, я была рада этому событию, даже забыла, что стою в синем жилете и старом подряснике. Вручая мне икону, Матушка посмотрела на меня и спросила:

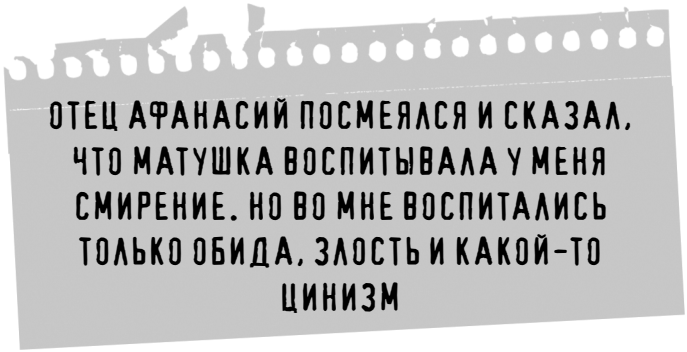
— Маша, что это за жилет?

Я не выдержала:

— Матушка, мне такой выдали, в нем, наверное, раньше кто-то на послушания ходил, он рабочий.

Зря я это сказала. Ей не понравилось, что я не поблагодарила ее за жилет, а посмела выразить недоволь-

ство. Она начала кричать на меня за то, что я, не достойная ничего другого, буду ходить в этом жилете до самого пострига. Она кричала с такой злостью, а я была совсем не готова к этому крику, меня всю затрясло. После этой сцены я не стала подниматься на клирос, а ушла в келью. Я закрыла за собой дверь и, прижавшись к ней лицом, зарыдала. Потом сползла на пол и прямо в этой новой форме, катаясь по полу, как помешанная, рыдала в голос. Не помню, сколько я проплакала в темноте: все были на службе, и меня никто не мог слышать.



По большому счету мне было все равно, в чем ходить в храм, но здесь этому придавалось огромное значение: сестры смотрели на меня с сочувствием. Поначалу они удивлялись, видя меня в храме в этой новой форме. Мать Елисавета утром даже не хотела меня пускать в таком виде на клирос. Но когда я сказала волшебное: «Матушка так благословила», она только недоуменно посмотрела на меня и понимающе закивала. Днем после праздничной трапезы Матушка раздавала сестрам и прихожанам бумажные иконки. Когда подошла я, она опять сказала:

— Будешь ходить, как благословили, — хотя я ни слова ей не говорила.

Это длилось недели две, а потом, в один прекрасный день, меня позвали в пошивочную и вынесли на выбор около пяти поношенных жилетов. Оказывается, они все-таки у них были. Я выбрала довольно приличный: черный и почти новый.

Когда я рассказала эту историю отцу Афанасию, он посмеялся и сказал, что таким образом Матушка воспитывала у меня смирение. Наверное, именно так его и воспитывают, не знаю, но во мне воспитались только обида, злость и какой-то цинизм. Батюшка несколько раз приезжал к нам в монастырь. Мы подолгу беседовали, я все ему рассказывала, даже о том, что пью таблетки. Я говорила ему, что не могу больше жить такой жизнью, что мне, видимо, нужно уехать домой или найти монастырь с другим уставом и другой матушкой. Он меня успокаивал, говорил, что все мои тревоги — от недостатка послушания и самоукорения, советовал больше читать святых отцов и молиться. Также он говорил, что мы, современные люди, вообще не способны к правильному послушанию и что именно вот такая игумения и нужна нам, современным послушницам. Много было сказано увещеваний по поводу того, что после ухода из монастыря на монаха обрушиваются сразу все бесы. Здесь он находится под молитвенной защитой святых и игумении, а в миру остается совсем один. Дальше ушедшего уже не ждет ничего, кроме скитаний (шаталова пустынь, как он выразился), одиночества, сожаления и потери веры, ну а в следующей жизни, понятно — Страшный Суд и наказание.

Уходить из монастыря я тогда и не хотела. Во-первых, я еще верила в спасительность этого пути, а во-вторых — боялась. В монастыре постоянно пугали тем, что уйдя вот так, без благословения, человек предает самого Господа Бога и, конечно, счастья ему «в миру» уже не найти. У сестер развивалась настоящая фобия перед уходом, «миром» и всем «мирским».

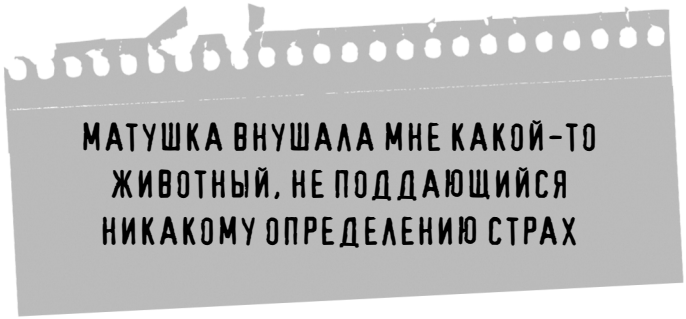
...26

В одной святоотеческой книге я прочла об одном иноке-отшельнике. Он подвизался где-то в лесу или в пустыне и вокруг не было никого, кто бы мог помочь ему советом. Не помню, подсказал ему кто-то или он сам до такого додумался: если у него возникал вопрос или проблема, он усердно молился Богу, а потом открывал Евангелие и читал первую фразу, что попадалась ему на глаза. Так он получал ответы на свои вопросы. Я подумала, что это неплохой выход из положения, когда и правда не у кого спросить.

Матушка внушала мне какой-то животный, не поддающийся никакому определению страх. Я боялась одного ее вида, не возникало даже мысли что-то у нее спрашивать. Ее резкие, какие-то даже хамоватые манеры, крики и неожиданные перепады настроения — все это было для меня дико и страшно. В монастыре игумения — это человек, от которого зависит вся твоя жизнь, который принимает за тебя все решения, может и наказать, и помиловать и которого

нужно во всем слушаться. Страшно, если этот человек тебя не любит. Игумения Николая считала, что это совсем не обязательно. У меня сложилось впечатление, что она сама боялась своих сестер. Об этом говорили ее постоянные паранойи о якобы готовящихся заговорах против нее и то, как она старалась подавить и запугать нас на своих занятиях. Каждую сестру она все время в чем-нибудь подозревала, даже самых верных ей сестер, и старалась держать всех в постоянной тревоге и страхе. О многом говорит и то, как она сумела создать в монастыре систему, где все и каждый следили друг за другом и писали ей бесконечные доносы. Я знаю, что она принимала успокаивающие лекарства, чтобы избавиться от тревоги и параноидальных приступов: когда я была сиделкой у матери Пантелеимоны, мать Николая отдавала нам те таблетки, которые ей не подходили. Что может быть ужасней человека, облеченного неограниченной властью над людьми и при этом страдающего приступами страха и паранойи? Тем более, облекая себя такой властью, поддерживать которую приходится за счет подавления и запугивания других, а также с помощью лжи и притворства, человек становится действительно больным, одиноким и несчастным. На вершине этой рукотворной пирамиды она была совсем одна. Даже мы, несмотря на запрет, могли иногда поговорить друг с другом «по душам». Мать Николая не могла позволить себе такой роскоши ни с кем. Она не доверяла ни одному человеку даже из своих самых приближенных сестер, подозревая всех и вся. В какой-то мере она была права: ее связь с сестрами строилась исключительно на их послушании и страхе: стоило убрать эти составляющие, и ничего не оставалось. Нескончаемые страхи

выливались в приступы, когда она по нескольку дней не могла выйти из кельи под видом гипертонического криза. Но это видели только мы. Батюшки, спонсоры и паломники, приезжающие в монастырь, этого заметить не могли.



Игумения Николая хоть и говорила, что имеет большой опыт монашеской жизни, сама никогда не жила в монастыре. В миру она получила два высших образования, вышла замуж и родила сына. Через некоторое время она разошлась с мужем и стала ходить в храм. Она часто ездила в Оптину пустынь, общалась с батюшками, молилась. Потом ее духовник благословил ей поступить в монастырь в Шамордино. Там за организаторские способности ее сразу назначили экономом. Как она сама рассказывала, в монастыре она практически не бывала, все время проводила с рабочими на стройке, в поле или в машине. С игуменией Никоной у нее не сложились отношения, и через некоторое время игумения отправила мать Николаю в епархию поваром, подальше от себя. Не знаю, сколько времени мать Николая была на этом послушании, но потом митрополит направил ее в мужской тогда Свято-Никольский Черноостровский

монастырь — помогать братьям за свечным ящиком. Монастырь только начинал возрождаться, храмы и корпуса были разрушены, а в этих руинах подвизались шесть монахов, среди которых был и отец Тихон, нынешний наместник Тихоновой пустыни. Матушка Николая не теряла времени за ящиком. Используя свои связи в Оптиной пустыни, она стала набирать женскую общину. Знакомые батюшки-иеромонахи присылали ей в помощь сестер. Довольно быстро она набрала двадцать человек. Жили они все в полуразрушенном корпусе, где сейчас устроена богадельня, все в одной комнате, без водопровода, отопления и других удобств. Постепенно число сестер возросло, и владыка Климент решил сделать Свято-Никольский монастырь женским, а братьев благословил в Тихонову пустынь и в Боровский монастырь. Здесь Матушка проявила свои управленческие способности в полной мере: нашла спонсоров, быстро увеличила количество сестер до пятидесяти, потом и почти до ста, взялась за восстановление храмов и корпусов. За двадцать лет своего правления она восстановила весь монастырский комплекс, построила детский приют и подняла из руин несколько скитов. Все это было бы замечательно, если бы мать Николая занималась только строительством зданий и административным руководством, в которых она хорошо понимала. Но Матушка решила попутно взять на себя роль «старицы» и спасительницы душ, объявив себя святой и даже «Матерью Божией». Не имея никакого опыта монашеской и духовной жизни, она все черпала из книг, как правило, современных греческих «старцев», которые к тому же часто противоречили друг другу. Стиль ее правления можно назвать оригинальным: нигде в книгах о таком,

например, извращении, как обязательное откровение помыслов в письменном виде, нет. В уставе монастыря постоянно что-то менялось, порой кардинально, в зависимости от того, какого «старца» Матушка чтила на тот момент. Взять хотя бы причастие. То сестры причащались по воскресеньям, вынужденные к обязательным постам в понедельник-среду-пятницу прибавить еще и пост в субботу (это вдобавок церковных постов, коих в календаре и так немало). Потом Матушка решила, что все мы будем причащаться в субботу, после постной пятницы, а там и вовсе приняла волевое решение причащать всех сестер после каждого постного дня, то есть во вторник, четверг и субботу (так делали тогда на Афоне, чем мы хуже?). Все бы ничего, привыкли и к этому «причащению» три раза в неделю, но потом наш монастырь посетил владыка Афанасий с Кипра. Владыка выразил недоумение: как же так, сестры не причащаются в воскресенье — это же малая Пасха! Матушка растерялась. Всем старцам угодить было трудно, но выход нашелся: причащаться во вторник, четверг и воскресенье! То есть вычитывать огромное правило ко причастию три раза в неделю, к каждому причастию писать помыслы, плюс еще и поститься в субботу, почему бы и нет. Конечно, эти правила были обязательны для всех.

Понятие «старицы», которое Матушка применяла к себе — тоже было какое-то новое, даже на слух. «Старицами» были и воспитательницы приюта для своих маленьких подопечных. Дети тоже должны были писать им свои помыслы в отдельной тетради, а потом сдавать. Иногда этим «старицам» не было и тридцати лет.

Свое маленькое королевство Матушка создала сама, с нуля и по своему вкусу, это был ее личный бизнес-проект. Очевидно, церковным властям и митрополиту было весьма выгодно иметь у себя в епархии еще один процветающий и прибыльнейший женский монастырь, пусть даже откровенно сектантского типа. Власть Матушки над сестрами в этом мирке была абсолютной, пожаловаться на нее сестры никому не могли, просто было некому. Да и вообще, существуют ли хоть какие-то инстанции, защищающие сейчас права монашествующих, регулирующие их взаимоотношения с начальством? Никаких. Монашествующие в наше время, как и много веков назад, при рабовладельческом строе, не имеют никаких человеческих прав. Они полностью принадлежат своему начальнику, пока верят в то, что это спасительно.

В УСТАВЕ МОНАСТЫРЯ ПОСТОЯННО ЧТО-ТО МЕНЯЛОСЬ, ПОРОЙ КАРДИНАЛЬНО, В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТОГО, КАКОГО «СТАРЦА» МАТУШКА ЧТИЛА НА ТОТ МОМЕНТ

Вообще интересно, как сестры оправдывали Матушку во всем, что она делала и говорила. Игумения часто лгала на занятиях, чтобы скрыть какие-то вещи, что-либо приукрасить, а часто и для того, чтобы нас в очередной раз «попугать». Никто из сестер ее не осуждал: эта ложь воспринималась как должное.

Младшие сестры, недавно пришедшие в монастырь, вообще всего боялись. Даже когда было очевидно, что Матушка лжет, ее оправдывали тем, что она это делает из «высших» соображений. То же самое касалось и остальных ее поступков, мягко выражаясь, неэтичных. Ее истеричность, подозрительность, злопамятность, подчас даже подлость — все это воспринималось естественным для ее высокого и ответственного положения. Ни у кого не вызывало вопросов то, что игумения могла на занятии орать в течение двух часов на сестру просто потому, что та чем-то ей не угодила. Или могла наказать сразу нескольких сестер только за то, что те общались между собой. Я уже не говорю о том, что эти регулярные занятия позволяли Матушке держать весь монастырь и приют в состоянии постоянной тревоги — и страха сделать или подумать что-нибудь не так.

***

Интересно, что же это за «высшие» цели, ради которых игумении дозволялось все, даже недозволенное простым смертным? Эти цели никогда и не скрывались: сохранение игуменской власти и порядка. Ради этой «святой» цели матушка Николая легко нарушала евангельские заповеди и этические человеческие нормы. Это именно тот случай, когда цель оправдывала любые средства, когда целью стало само сохранение власти как таковое, а совсем не то, ради чего эта власть была дана. Матушка была уверена, что без этих занятий, издевательств, пугалок и нервотрепок сестры попросту потеряют всяческую субординацию, забудут, кого нужно слушаться во имя спасения души, а потом и вовсе разбегутся кто куда. Управление при помощи христианской любви с нормальными

человеческими, добровольными взаимоотношениями она не считала эффективным, напротив, подчеркивала важность железной дисциплины, муштры и послушания, которое мы должны были проявлять подобострастным поклонением ее, матушкиной, персоне. Любовь она считала чем-то излишним, душевным, а все душевное никак, по ее словам, не способствовало духовному. Следуя такой логике, напрашивается вывод, что Бог есть совсем не любовь — Он есть страх.

Старшие сестры старались подражать во всем Матушке. Без всякого рассуждения они считали ее образцом духовности и даже любви, в «духовном» ее понимании. Сестры, достигшие каких-либо вершин в этой иерархии, ставшие игуменияими в подшефных Матушке монастырях по всей России, вплоть до Хабаровска, копировали мать Николаю полностью, даже до мелочей. В своих монастырях, этих клонах Черноостровского монастыря, они вводили такой же устав, как в Малоярославце, с откровением помыслов и слежкой, проводили занятия и по всем вопросам советовались с матерью Николаей.

***

Батюшке Афанасию я очень доверяла, но у меня не было ощущения, что он меня понимает. Когда я рассказывала ему о ситуации в монастыре, он говорил мне, что такое бывает во всех женских монастырях, что эти слежки друг за другом и доносительство вообще нормальны для женщин. Странно, в Сибири в монастыре Архангела Михаила такого даже близко не было. Там не нужно было писать помыслы, а жаловаться друг на друга Матушке считалось чем-то

очень низким. Как-то меня там очень обидели, и я захотела рассказать этот случай матушке Марии, чтобы попросить ее совета. Я спросила ее, можно ли мне рассказать ей, какая сестра поступила со мной, как мне казалось, плохо, не будет ли это ябедничеством. Матушка ответила, что рассказать я могу, но я не должна тогда упоминать имя сестры, которая меня обидела. А в Малоярославце наоборот: игумения всячески поощряла эти жалобы и доносы, считалось, что, пожаловавшись на сестру Матушке, ты помогаешь ей избежать греха.

...27

Как-то Матушка подозвала меня в храме и спросила:

— Маша, у тебя есть загранпаспорт?

— Есть, Матушка.

— Поедешь трудничать в Иерусалим вместо Гали. Собирайся.

Это было так неожиданно, что я даже ничего не могла сказать.

Каждые два месяца две сестры из нашего монастыря ехали в Иерусалим в Горненский женский монастырь трудницами. Это было что-то вроде отпуска. У Свято-Никольского монастыря с Горненским был

такой своего рода договор: в Горненском было всегда очень много работы и не хватало людей. Они оплачивали нам дорогу и проживание, а мы, в свою очередь, выполняли самые различные послушания: трапезная, кухня, лавка, сбор оливок и многое другое. Работа была не из легких, но зато это была возможность побывать на Святой Земле, посетить многие святыни. Мне еще было рано ехать в Иерусалим, поскольку я недавно была в монастыре, и моя очередь еще не подошла, но меня послали вместо послушницы Галины. Галя была довольно энергичной женщиной для своих пятидесяти с небольшим лет, но на этот заезд из Горненского попросили молодых сестер: там готовились к юбилею игумении Георгии, ей исполнялось восемьдесят лет, и работы было особенно много. Перед поездкой мне выдали новый подрясник, его шили для Гали, но мне он тоже подошел, новый платок и фартук. Ехать я должна была с послушницей Ириной, она была из Ждамирово, монастыря Калужской иконы Божией Матери. Это место хоть и называлось монастырем, но было под началом Свято-Никольского монастыря и матушки Николаи как ее скит; игуменией там была мать Параскева, сестра нашего монастыря, которая на все спрашивала благословения игумении Николаи. Ирина была в монастыре уже четыре года, но старшей в этой поездке Матушка назначила меня, потому что Ира была все-таки из скита. Мать Серафима передала мне конверт, в котором было 350 долларов, но сказала, что это на крайний случай: в Горненском должны были всем нас обеспечить. Мать Селафиила, матушкина келейница, проинструктировала меня, как мне нужно вести себя в чужом монастыре: стараться по возможности показывать пример горненским сестрам,

у которых монастырь не с таким серьезным уставом, как у нас. Она предупредила меня, что у них в Иерусалиме жизнь гораздо более расслабленная, устава там практически нет, сестры живут как хотят, по своей воле, и что такая жизнь не может считаться настоящей монашеской, спасаться им в таком монастыре гораздо тяжелее, чем нам, с нашей дисциплиной. Мать Селафиила сказала, что мы для горненских сестер — образец настоящих монахинь и что я должна стараться поддерживать эту планку. Также я должна была следить за Ириной, чтобы и она не ударила в грязь лицом. Нам вообще часто внушалось на занятиях, что наш монастырь особенный и единственный такой по-настоящему монашеский, остальное все не достойно даже никакого сравнения. Мать Антония дала нам в дорогу пирожков, а мать Фомаида отвезла нас в аэропорт.

МАТЬ СЕЛАФИИЛА СКАЗАЛА, ЧТО МЫ ДЛЯ ГОРНЕНСКИХ СЕСТЕР — ОБРАЗЕЦ НАСТОЯЩИХ МОНАХИНЬ

Мы прилетели в Тель-Авив в аэропорт Бен-Гурион. Пройдя контроль и взяв багаж, мы стали искать среди встречающих кого-нибудь в черном: нас должна была встретить монахиня Силуана, водитель и экскурсовод Горненского монастыря. Из занятий в нашем монастыре я ее заочно уже знала. Она раньше

жила в Свято-Никольском монастыре и была пострижена в иночество. Потом она уехала в Иерусалим и поступила в Горненский монастырь. Мать Николая рассказывала о ней, что теперь ее вряд ли можно было назвать монахиней — после такого ухода, который приравнивался к предательству. Вообще считается, что нельзя менять монастырь, в который тебя благословил духовник: что бы ни случилось, все нужно принимать как волю Божию и терпеть даже до смерти. Мать Силуана по своей воле уехала в Горненский монастырь, поэтому ее считали у нас кем-то вроде перебежчика. Игумения говорила на занятиях, что мать Силуана уже жалеет, что ушла из Малоярославца — в Иерусалиме оказалось гораздо тяжелее.

Мать Силуана опоздала почти на час, мы уже начинали волноваться. Она оказалась очень деловой, разговорчивой, немного полноватой и совсем не производила впечатления человека, недовольного своей участью. Она помогла нам загрузить сумки в мини-автобус, и мы поехали в монастырь. В Израиле я была первый раз и поэтому с интересом смотрела на проносившиеся за окном горы, небольшие городки, апельсиновые деревья и выжженные солнцем равнины. В монастыре нас встретила благочинная — монахиня Алевтина — на маленьком электромобиле. Монастырь располагался на склоне горы ущелья Эйн-Карем. Здесь не было больших сестринских корпусов: насельницы жили в маленьких домиках-келиях, разбросанных по территории склона, окруженных кипарисовыми и масличными деревьями. Внизу был храм, построенный еще основателем монастыря — архимандритом Антонием (Капустиным) в честь Казанской иконы Божией Матери, ка-

менная колокольня и трапезная, а почти на самом верху горы — недавно достроенный собор во имя Всех святых, в земле Российской просиявших. Нас пересадили в электромобиль и повезли по крутым извилистым дорожкам наверх, к маленькому двухэтажному домику с черепичной крышей. На первом этаже этого домика нам отвели небольшую келью. Келья больше напоминала пещеру: в нее вела низкая деревянная дверь с задвижкой, стены были толстые, белые и немного неровные. Рядом с дверью было окно с желтыми занавесками. Внутри стояли две кровати, огромный старый шкаф, письменный стол, два стула и обогреватель. В келье было немного сыровато и холодно, но вообще достаточно уютно, мне даже понравилось, что она так похожа на пещеру. Мы положили свои вещи и сразу же спустились по длинной деревянной лестнице вниз, в трапезную, где нас уже ждал ужин.

Послушание нам назначили в трапезной: мы должны были накрывать столы для сестер и паломников, разносить еду, обслуживать гостей, убирать и мыть посуду. Распорядок у нас был такой: подъем в 5.00, с 5.30 — полунощница в Казанском храме, с 7.00 до 13.00 — послушание в трапезной, полтора часа отдыха, потом послушания до вечерней службы в 17.00. 17.00–19.00 — вечерняя служба, общая трапеза и послушания до 21.00. Так мы трудились два дня, а на третий работали только до 13.00 — потом было свободное время, когда мы могли поехать посмотреть город и посетить святые места. Почти все сестры обители были заняты с паломниками, в церковной лавке или в храме, а такие послушания, как трапезная, кухня, сбор оливок, уборка территории поручались трудницам или приезжим

сестрам, таким как мы. Надо сказать, Горненский монастырь очень сильно отличался от обычных монастырей ввиду его специфики приема паломнических групп и проведения экскурсий. По преданию, сюда, в Нагорную страну, вскоре после Благовещения пришла из Назарета Пресвятая Дева Мария поделиться радостью со своей родственницей, праведной Елисаветой, матерью святого Иоанна Предтечи, о будущем рождении от Нее Спасителя. В селении Эйн-Карем Пресвятая Богородица брала воду из источника, который существует и по сей день.

Устав монастыря тоже был своеобразным. Здесь не было такого удушающего контроля за действиями сестер, как в Никольском монастыре — все жили достаточно свободно. У каждой сестры был свой небольшой домик или часть дома с садом, разрешалось иметь свои личные вещи, никто даже не интересовался, что именно сестры покупали себе или получали в подарок. Более того, насельницы монастыря здесь получали небольшую ежемесячную зарплату на личные расходы. Общая сестринская трапеза здесь была одна, утром. После трапезы сестры выстраивались в очередь к кухонному окошечку, где повар наливала суп и накладывала второе в маленькие контейнеры, которые сестры забирали с собой: вторая трапеза у них проходила келейно. Если кому-то нужны были какие-то особые продукты или лекарства, сестры могли себе позволить это купить на свои деньги. На послушания сестры назначались игуменией или начальником русской духовной миссии и, как правило, на длительный срок. У сестер были выходные дни и ежегодный отпуск, который они могли провести в России. Между собой сестры

могли общаться и дружить, это здесь было не запрещено. Общение между сестрами и мирскими людьми тоже никак не регламентировалось, у всех сестер были мобильные телефоны и интернет. В общем, жизнь в монастыре больше была похожа на обычную человеческую жизнь, только более строгую и со своими обязанностями.

Нас в Свято-Никольском монастыре учили, что монашество должно быть обязательно строгим, с жесткой дисциплиной и послушанием, отсечением своей воли во всем и добровольным нестяжанием. Поэтому такие правила мне показались какими-то ненастоящими, не монашескими. То, что у сестер были свои деньги, выходные дни, отпуска и свобода общения, было заманчиво, но никак не согласовывалось с моим тогдашним представлением о жизни в монастыре.

Послушание в трапезной было довольно тяжелым: целый день нужно было бегать, разнося еду, потом перемыть нескончаемые горы посуды, убраться и вымыть полы. Я так уставала, что даже не было сил на поездки в город. Первые две недели мы с Ириной никуда не ездили, ходили на послушания и посещали службы, чтобы показывать «пример настоящего монашества» прозябающим в невежестве сестрам. Потом мы поближе познакомились с некоторыми сестрами обители и трудницами и начали вместе с ними ездить по святым местам во время наших выходных дней. Часто мы ездили на ночные службы в храм Гроба Господня. Службы там совершались в субботу ночью, а иногда и на неделе. Обратно мы приезжали около трех ночи, немного спали и утром шли сразу на послушание к 7.00. На полунощницу мы

уже не ходили, не было сил так рано встать, но посещение служб в Горненском тоже было добровольным: здесь никто не проверял по списку, как у нас, кто пришел в храм. Часто мы по утрам ездили на литургию в Гефсиманию и даже в Вифлеем, где служба проходила в пещере, где родился Иисус Христос. На такие поездки нужно было получить личное благословение игумении Георгии, но она давала его неохотно, часто отказывала под предлогом того, что ездить по Иерусалиму по ночам опасно. После нескольких таких отказов я перестала за этим благословением подходить: сестры научили нас, как ездить, никого не спрашивая. Здесь никто ни на кого не доносил игумении, наоборот, было принято друг друга поддерживать и помогать. Если кто-то делал что-то не так, могла возникнуть ссора, но доносы и ябедничество тут не поощрялись. Откровения помыслов здесь вообще не было, была лишь обычная исповедь священнику в храме перед причастием.

...28

В Горненском монастыре я прожила два месяца и вернулась обратно. От сытной еды я поправилась почти на восемь килограммов: в Малоярославце я была вечно голодная и худая. К тому же непросто было привыкать снова к дисциплине после обычной, довольно простой и приятной жизни в Иерусалиме. Послушание мне назначили в богадельне: я должна была быть сиделкой у схимонахини Марии. От всех

других послушаний, даже от служб в храме, меня освободили. Мать Нектарию Матушка отправила в скит в Ждамирово за какой-то проступок. Вместе со мной в богадельне подвизалась мать Феодора: она следила за остальными четырьмя бабушками. Обязательным для нас осталось только посещение занятий, это было святое. Если проходили занятия, нам в богадельню звонили по внутреннему телефону, а мы должны были бросить все дела, срочно положить бабушек в кровати и бежать в трапезную.

Раз в неделю к матери Марии приезжал митрополит Климент. В таком случае нам с матерью Феодорой нужно было накрыть «чай» в комнате матери Марии. Комната была небольшая, поэтому стол для приема митрополита мы держали на втором этаже богадельни, а скатерть — в прачечной, повешенную на свободной сушилке и уже отглаженную для экономии времени. Как только нам сообщали о его приезде, мы спускали стол, покрывали его розовой скатертью и бежали на сестринскую кухню к матери Антонии, матушкиному повару, которая для этого случая готовила «архиерейскую» закуску. Обычно она готовила несколько изысканных блюд, пирожки, рулетики, какие-то замысловатые шашлычки, тортики и т. д. Часто все это у нее оставалось после матушкиных трапез, которые тоже можно было бы назвать «архиерейскими». Игумения обычно тоже приходила и пила чай вместе с владыкой. Все кушанья и посуду нужно было в должном порядке расставить на столе, а потом стоять в коридоре под дверью и иногда заходить, принося и унося закуски и подливая чай в чашки. Меня такому уровню обслуживания пришлось обучать.

После чая мы все убирали, а остатки «архиерейской» трапезы относили на кухню, где они припасались для матушкиных гостей. Непросто было сервировать стол таким множеством вкусностей и фруктов, а потом тащиться в сестринскую трапезную и есть свою кашу с сухарями и холодным несладким чаем, утешаясь тем, что совершаешь этим богоугодный подвиг. Хотя ко всему привыкаешь.

Сестрам Матушка всегда внушала на занятиях, что монашеская жизнь предполагает непрестанный подвиг, поэтому ни у кого не было к ней особых вопросов, а Матушка легко могла экономить практически на всем. Продукты для сестер были только те, которые жертвовали магазины, часто просроченные, даже испорченные — в этом тоже был своего рода «монашеский шик» — прямо настоящий аскетизм. Сахар на столы не ставился, чай был несладкий. Хлеб был пожертвованный Калужским хлебозаводом, тот, который уже не могли продавать ввиду его срока годности, и то разрешалось съесть два куска белого и столько же черного. Фруктов и свежих овощей не было практически никогда, только если совсем испорченные или по праздникам. Большинство этих просроченных и полуиспорченных продуктов нам жертвовали не для людей, а для коров и кур. Как-то нам в Карижу привезли несколько ящиков полугнилых нектаринов для коров. Мы были очень этому рады. У коров была свежая трава, а мы уже успели забыть, когда в последний раз ели фрукты. Из всей этой кучи набрался хороший тазик фруктовых кусочков, который мы съели за вечерним чаем. Чай состоял в основном из сухарей и варенья, иногда был творог, что было большой радостью — при мона-

стырских нагрузках мне всегда очень хотелось есть. Как-то раз в монастырь пожертвовали несколько десятков коробок соков, просроченных почти на полгода, и сестры и приютские дети с удовольствием их пили. Когда об этом заикнулась одна из «мам», по профессии тоже врач, ее и ее дочку просто выжили из монастыря. А как-то даже привезли полгрузовика консервированного зеленого горошка в ржавых банках и истлевших коробках, срок годности которого закончился более пяти лет назад. Матушка благословила его съесть. Несколько месяцев этот горошек, который, кстати, был совсем неплох, добавляли почти во все блюда, даже в суп. Рыба, молочные продукты и яйца были роскошью. Хотя в монастыре имелся коровник, почти весь творог и сыры Матушка раздавала спонсорам и знакомым в виде подарков.

СЕСТРАМ МАТУШКА ВСЕГДА ВНУШАЛА, ЧТО МОНАШЕСКАЯ ЖИЗНЬ ПРЕДПОЛАГАЕТ НЕПРЕСТАННЫЙ ПОДВИГ — И ЛЕГКО МОГЛА ЭКОНОМИТЬ НА ВСЕМ

Я нашла компромисс для себя, если живот сводило от голода или нужно было выпить таблетку, чтобы не на голодный желудок. У нас в пристройке к кухне стояли пластмассовые ведра для коров. Их всегда мыли начисто, а потом складывали туда остатки хлеба и сухарей. Под покровом ночи иногда я пробиралась к этим

заветным ведрам и нагружала себе карманы вкусными хлебными объедками. Потом я всегда каялась в этом грехе на исповеди, давала себе обещание больше не воровать хлеб, но иногда просто не могла устоять перед этим искушением.

Матушка часто экспериментировала с сестрами, как с кроликами. Одно время на столы запретили ставить соль и добавлять ее в блюда — Матушке кто-то сказал, что соль вредна. Больше года сестры вынуждены были есть несоленое: для некоторых это была настоящая пытка. Потом соль неожиданно вернулась на столы. Еще был случай. Матушка решила, что сестры слишком много едят, и благословила оставить на столах из приборов только чайные ложки. Не знаю, сколько точно длился этот эксперимент, меня в монастыре тогда еще не было, мне об этом рассказывали сестры: за 20 минут они еле-еле успевали вычерпать чайной ложкой суп, а еще хотелось успеть съесть второе.

Меню на каждый день придумывала Матушка, а потом зорко следила на занятиях, чтобы келарь не поставила чего лишнего. Один раз она заметила, что к чаю раздали по две печеньки каждому. Матушка долго ругала сестру-келаря за расточительность. Полагалась к чаю только одна печенька. Печенье было сильно просроченным, и его нужно было как можно быстрее съесть, но все же это был не повод для обжорства! Чай был до того ужасным, что лучше было пить воду. Кофе и сладости давали только по «матушкиным» праздникам. Все, что жертвовалось или покупалось более-менее приличное, складывалось в специальные «матушкины» холодильники на нужды игумении и ее гостей, а также на «чай» для митропо-

лита. Такое положение дел считалось вполне нормальным: ведь игуменское и архиерейское служение так тяжелы, что предполагают усиленное питание. Игумения Николая приобрела такой практикой поистине угрожающие размеры: ее вес превышал уже сто двадцать килограммов, хотя она все это списывала на сахарный диабет и гипертонию. Честно говоря, при таком личном поваре, как мать Антония, никто бы не смог сохранить фигуру. Особенно нелепо выглядело то, как Матушка, сетуя на свой диабет и уплетая кусочек осетра со спаржей, политой каким-то розовым соусом, со слезами на глазах жаловалась нам, что не может по состоянию здоровья есть ту же еду, что и мы.

...29

Прошло уже три года с моего приезда в Малоярославец. Как-то после трапезы ко мне подошла матушкина келейница мать Селафиила и сказала, что меня вызывает Матушка. Я сразу выпила таблетку корвалола — просто так идти в игуменскую было страшно. Матушка сидела в подряснике и шерстяных носках за компьютером, на экране которого я увидела фотографии греческих монастырей. Я встала рядом с ней на колени и взяла благословение. Она сказала:

— Маша, я отправляю тебя в Рождествено.

— В Рождествено, Матушка? Меня? — об этом ските я слышала ужасающие рассказы, что это подворье

Калужской епархии и живут там только ссыльные сестры, которых Матушка не хочет видеть в монастыре. Работают там на коровнике и в огороде, а жизнь там тяжелая, скучная и унылая. Сестер туда отправляли обычно в наказание за тяжкие провинности.

— Нет, ты едешь туда не в наказание, только на Великий пост. Там нет коровницы. Если справишься, на Пасху я тебя постригу.

Постриг в монастыре считается наградой, которую нужно заслужить. Матушка пообещала постричь меня в иночество, если я отработаю два месяца на коровнике в этом скиту. Я согласилась. Через час в Рождествено шла машина, и мне нужно было собрать вещи.

ПОСТРИГ В МОНАСТЫРЕ СЧИТАЕТСЯ НАГРАДОЙ, КОТОРУЮ НУЖНО ЗАСЛУЖИТЬ. МАТУШКА ПООБЕЩАЛА ПОСТРИЧЬ МЕНЯ В ИНОЧЕСТВО, ЕСЛИ Я ОТРАБОТАЮ ДВА МЕСЯЦА НА КОРОВНИКЕ

Мы ехали около двух часов на старом «опеле универсал» вдвоем с послушницей Еленой Свинаревой. Она была одновременно водителем, экономом и старшей сестрой в скиту. Сестра, которая до этого была там на коровнике, сбежала. Это была довольно странная история, которую мне рассказали поз-

же. Эту сестру звали Аллой, она была из Кемерово, из подшефного игумении Николае монастыря, где игуменией была матушкина «верная» сестра — мать Нектария. Мать Нектария часто бывала в Малоярославце, так же, как и другие подвластные Матушке игумении, которых у нее было больше десятка. Эти сестры, ранее подвизавшиеся в Малоярославце и доказавшие Матушке свою верность, хоть и были официально назначены на игуменство, во всем слушались мать Николаю, даже в вопросах набора и постriга своих сестер, а также и в вопросах наказания за провинности. Эту Аллу мать Нектария прислала к нам в монастырь на покаяние, то есть в наказание за какое-то непослушание. В Свято-Никольский монастырь часто присылали непослушных сестер из разных монастырей и скитов в наказание, а также чтобы они поучились настоящей монашеской дисциплине. Алла сначала жила в Малоярославце, я даже несколько раз была с ней на послушании на коровнике. Она была совсем молоденькой, пришла в монастырь по благословению своего духовника, а до этого жила в деревне с мамой. Больше о ней мне ничего не было известно. На каком-то из занятий Матушка благословила ее поехать в Рождествено на коровник. Та уехала довольная, потому что коров она любила и умела с ними обращаться. Она подвизалась в Рождествено около двух месяцев. Одной на коровнике ей было тяжело, но больше ее доставала старшая — послушница Елена Свинарева, которая над ней издевалась всевозможными способами, нагружая дополнительными «благословениями» и изводя придирками. Алла просилась обратно в Кемерово, но мать Николая ее не отпускала. Тогда Алла позвонила втайне от всех своей маме и пожаловалась на свою жизнь.

Мама в свою очередь позвонила матери Николае. Не знаю, что она ей сказала, но Аллу буквально через пару дней посадили на самолет и отправили домой. На коровнике некому было работать, поэтому туда послали меня.

Я ехала с тяжелым сердцем, как на пытку. О Рождествено и конкретно о Лене Свинаревой ходила дурная слава, все оттуда бежали, кто как мог. На улице стояла слякоть и шел мелкий снег. Мы въехали в ворота и подъехали к дому. Здесь не было корпусов и всей этой казенщины, как в Малоярославце, сестры жили в большом двухэтажном доме, который строился как дача митрополита Климента. Все это место было его дачей и епархиальным подворьем. Позже владыке построили другой дом, поменьше и покомфортней, а большой дом отдали сестрам, которые трудились на огороде и коровнике, обеспечивая епархию и Калужскую духовную семинарию свежими овощами и молоком. На первом этаже были кухня, трапезная и кладовка, а второй этаж перегородили, сделав небольшие кельи для сестер. На третьем этаже была огромная мансарда, но там не было отопления, и никто в ней не жил. Мы сразу прошли в трапезную к чаю.

Мне очень понравилось в этом доме, я даже не ожидала, что здесь будет так уютно. Интерьер был настолько необычный, что я подумала, что здесь можно было бы снимать кино. Это было большое помещение с темно-бордовым деревянным полом и сероватыми обоями, вдоль стен стояли буфет, комод, кресла и диван, в хорошем состоянии, но очень старинные, даже антикварные. Мебель была не вычурной, а имен-

но старинной. Над длинными столами горели лампы в коричневых абажурах на пружинах. Самым дивным было огромное количество растений: на всех шкафах, буфете, тумбочках, подоконниках стояли комнатные цветы, в основном вьющиеся, но некоторые цвели. Они свисали сверху шкафов почти до пола, переплетаясь между собой, образуя целые стены из листьев и цветов. Росли какие-то фикусы и пальмы, герани и еще много видов цветов, которых я не знала. Мы сели за стол. На столе были обычные сухари и варенье, но у каждой тарелки стояло по три йогурта разных видов. Я, как вечно голодная, разом съела все три и принялась за сухари и варенье. Рядом со мной, уткнувшись в тарелку, сидела инокиня Пантелеимона. Я ее знала, потому что несколько раз она приезжала в монастырь на праздники и пела с нами на клиросе. Она тоже была «мамой», но ее дочь уже выросла и вышла замуж. Мне было интересно, почему она живет в Рождествено уже много лет, хотя все остальные приезжали сюда только на время. Пантелеимоне было около сорока, но она выглядела гораздо старше. Вид у нее был все время какой-то уставший, невеселый и болезненный из-за серо-желтого цвета кожи и темных кругов под глазами. Ни разу я не видела, чтобы она улыбалась.

Тут Пантелеимона, не отрываясь от тарелки, поставила передо мной еще два йогурта. Я посмотрела на нее.

— Ешь. Тут можно.

Я съела эти два и потом еще несколько. Ну, раз можно... Эти йогурты Елена Свинарева, как эконом,

выпросила в каком-то магазине. Их пожертвовали, потому что они были сильно просрочены — на несколько недель. Их было больше десяти коробок, мы ели их почти месяц, и никто не отравился, видимо, все-таки благодать защищала. Я вообще ела по нескольку штук за раз — и ничего.

После чая мы с Пантелеимоной переоделись и отправились на коровник: она должна была мне все там показать. Там я увидела шесть голодных коров, двух телят и необъятные кучи навоза — в коровнике давно никто не убирался. Пантелеимона прикатила доильный аппарат и начала доить, а я чистила и вывозила на тачке навоз, раздавала сено и комбикорм и поила коров. Коровник был небольшой и какой-то по-деревенски уютный, теплый, с деревянным полом и тюлевыми занавесками на окнах. Напротив коровника стоял железный навес с сеном, возле которого меня встретила Альфа — пушистая немецкая овчарка. Она бросилась на меня с такой радостью, словно я была ее лучшим другом. Мы действительно с ней потом очень подружились. Территория скита была огромной, в несколько гектаров, и включала в себя помимо домов, огорода и коровника — часть поля, немного леса и берег большого пруда.

Пантелеимона угрюмо объясняла мне, что и как я должна делать. Мне в помощь обещали дать послушницу Наталью, которую должны были прислать из другого скита. Закончив дойку, мы вместе пошли в дом. Меня поселили в проходную келью, рядом с кельей Пантелеимоны. Я наскоро постелила кровать, открыла окно и легла спать: завтра мне одной предстояло утром убрать коровник и подоить коров.

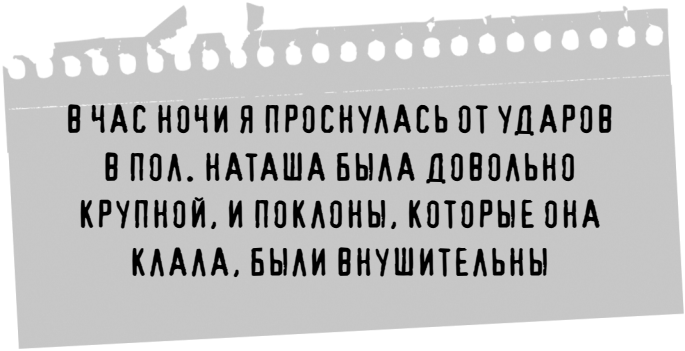
...30

Утром мы все в шесть утра читали полунощницу и изобразительные в темном храме. Это был не храм, в обычном его понимании, а небольшая комната с бумажными иконами и аналоем, на втором этаже. Здесь мы молились утром и вечером. Вечером мы читали вечерню и утреню с помянником. Сестер в скиту было немного: послушница Елена Свинарева, инокиня Пантелеимона, монахиня Матрона, послушница Галина и я. После молитв я пошла на коровник, Елена на кухню готовить трапезу, а Пантелеимона, Матрона и Галина остались в кельях выполнять монашеское правило. Со своими обязанностями я справилась легко — все-таки коровник здесь был небольшой, не то что в монастыре. Все молоко я отнесла на «молочку» — в специальный домик, где оно хранилось до перевозки в епархию и где из него делали творог и сыр.

На следующий день к нам приехала послушница Наталья, но ее назначили водителем, а я опять осталась на коровнике одна. Послушание было для меня несложным, мне даже нравилось. Свинарева (а ее здесь называли почему-то по фамилии) с первого дня начала изводить меня постоянными придирками и своими личными «благословениями», требовала послушания всем ее прихотям и грозила при этом, что напишет обо всем Матушке. Она знала о моем грядущем постриге и постоянно меня им шантажировала. Лена была маленького роста, худенькая, с кукольно-пожилым лицом сероватого цвета, маленькими шустрыми

глазками и тонким вкрадчивым, почти детским голосом. Лена тоже была «мамой», у нее в приюте была дочь. Хотя послушание у меня было только на коровнике, по благословению Лены, я также должна была помогать на кухне, убираться в доме, чистить снег и быть у нее на побегушках. Я даже уже начала думать, что вряд ли дотерплю эти два месяца: так мне хотелось ее убить. Наверное, этим бы и кончилось, но, к счастью, через некоторое время после моего прибытия в Рождествено Матушка сменила старшую. Теперь это была мать Пантелеимона. Когда ко мне на коровник пришла довольная Галя и сказала, что Свинареву сняли, а назначили Пантелеимону, я только сказала:

— Шило на мыло. Какая разница, чем она лучше?



Пантелеимона мне не очень нравилась. Она ни с кем не общалась, в основном сидела с серым, ничего не выражающим лицом у себя в келье или делала сыр на «моло́чке». В храме она обычно спала, сидя на полу, уткнувшись лицом в лавку. Если нужно было петь, она вставала к аналою и пела сама, не обращая осо-

бого внимания на других. За уставом службы она следила даже во сне, поскольку была нашим уставщиком и регентом, и если кто-то читал не то, она с угрюмым видом поправляла и засыпала снова. Мне такое отношение к богослужению казалось очень неуважительным.

Когда я пришла в дом, там царило оживление: Свинарева передавала Пантелеимоне дела и съезжала с начальнической кельи, куда срочно перебиралась Пантелеимона. Как я узнала потом, эта перемена власти произошла потому, что Свинарева испортила два отопительных котла, жутко дорогих: не уследила за давлением, и они сгорели. Мне сказали переезжать из проходной кельи в ту, которую раньше занимала Пантелеимона. Я никогда раньше не видела, чтобы она улыбалась, а тут она носилась по дому радостная, перетаскивая свои вещи и перевешивая иконы. Свинарева старалась не показывать своего горя, но лицо у нее стало еще более серым и невыразительным. Я перенесла свою сумку в новую келью, постелила кровать и легла спать. В проходную келью возле меня поселили послушницу Наталью. Она только недавно пришла в монастырь и подвизалась с пылом, свойственным новоначальным. В час ночи я проснулась от ударов в пол. В наших кельях, с фанерными перегородками, было слышно даже дыхание соседа, не то что земные поклоны. Наташа была довольно крупной, и поклоны, которые она клала, были внушительны. Я стала ждать, пока ей надоест, но она молилась усердно. Через полчаса я попросила ее делать поклоны днем, когда никто не спит. Раздалось недовольное сопение, после чего водворилась тишина.

Днем ко мне подошла Пантелеимона и спросила, почему я ругаюсь на Наташу. Я удивилась:

— Ругаюсь? Пусть молится днем, кто ж ей не дает. Ночью все спят.

— Она на тебя жалуется. Сказала, что Матушке напишет, что ты не даешь ей молиться.

— И не дам. Грохот стоит как от стада слонов. Пусть пишет что хочет.

— Я бы тебе не советовала с ней связываться, тем более если у тебя постриг. Она «пишет», и у Матушки она на хорошем счету.

— Когда ж она успела? Она ведь только недавно пришла.

— А знаешь, почему наказали мать Амвросию?

— Не знаю. А что там случилось?

— Матушка ее раздела и лишила причастия на сорок дней. Амвросию вызвали к Матушке. Когда она пришла, Матушка оказалась занята, и Амвросия вернулась в трапезную. Там она сказала, что Матушка, «как всегда, занята за компьютером». Кто-то это слышал и написал, а Матушке показалось оскорбительным, что какая-то мать Амвросия обсуждает ее в трапезной, да еще в таком тоне.

— Думаешь, это Наташа написала?

— Я знаю, что она. Мечтает стать экономом. Может, и старшей станет с такими задатками. Ее сюда вместо Свинаревой не просто так прислали. Кстати, Нектарию, думаешь, почему отправили в Ждамирово?

— Ну и дела! И что теперь — кланяться этой Наташе в ноги при первой возможности?

— Да не нужно тебе ей кланяться, хотя бы не ругайся с ней. Думаю, я могла бы прислать ее на коровник. У тебя есть для нее работа?

— Конечно, есть. Думаешь, ей это поможет?

Честно говоря, я очень скоро пожалела, что мне дали помощницу. Наташа была недовольна, что ее отправили на коровник: она считала, что это послушание совсем не для нее — опытного водителя и в будущем эконома. Пару недель я терпела ее недовольство, нытье и жалобы, а потом попросила Пантелеимону ее от меня перевести. Вся эта история потом имела продолжение, потому что теперь и здесь у меня был недоброжелатель.

...31

Однажды мы с Пантелеимоной сильно поругались после службы. Уже не помню из-за чего. Было воскресенье, на трапезу полагались рыбные котлеты, но я от обиды и злости даже не пошла есть. Чтобы

выпустить пар, я решила прогуляться. За территорию скита сестрам без благословения уходить было нельзя, но мне было все равно. Я надела калоши и куртку и пошла за забор. Непонятно было, куда идти, но тут я вспомнила, что все время хотела посетить храм, купола которого виднелись из окна моей кельи. Наш дом стоял на пригорке, вокруг были поля и лес, а вдалеке через пруд, почти на горизонте, чуть виднелся какой-то неизвестный храм. Это было в соседней деревне, довольно далеко, но я решила совершить паломничество, заодно и успокоиться. Я пошла напрямик через кукурузные поля и перелески. Было ужасно грязно, калоши утопали в глине, внутрь набралась вода и хлюпала на каждом шагу. Храм оказался гораздо дальше, чем я предполагала, ужасно хотелось есть и пить. Когда я шла через лесок, то свернула с дороги на какую-то тропинку и вдруг вышла к колодцу. Это было бетонное кольцо прямо в лесу, с железной трубой, из которой текла прозрачная вода. На дереве рядом висела иконка святителя Николая и кружка. Я обрадовалась этому чудесному обретению колодца, прочитала тропарь святителю Николаю и напилась. Вода оказалась сладкой, на самом деле, необычно сладкой. До храма я все-таки дошла, но он оказался закрыт. Храм тоже был Свято-Никольский. Я обошла его кругом, заглянула в окна, помолилась и пошла обратно. Возле пруда я встретила Пантелеимону. Все это время она меня искала. Я рассказала ей о моем паломничестве и о том, что я нашла источник. Потом мы часто ходили и даже ездили на машине на этот источник за водой, она и вправду была необычно сладкого вкуса. Мы так его и назвали: источник святителя Николая.

Начался Великий пост, и я напросилась быть уставщиком на службах. Я не очень хорошо разбиралась в последовательности великопостного богослужения, и мне хотелось научиться. Пантелеимона мне помогала, но для меня все было настолько сложно, что я часто путалась. Служили мы каждый день утром и вечером в нашем храме в доме, а по воскресеньям ходили в деревенский храм на литургию. Мы там убирались к службе и пели на клиросе втроем: Пантелеимона, я и Наташа. Как-то в субботу вечером, примерно через месяц после моего приезда в Рождествено, нам позвонили из Малоярославца и сказали, что на следующий день будет архиерейская служба, приедет митрополит Климент и нам всем нужно приехать в монастырь. Остаться в Рождествено должен был один человек, чтобы спеть литургию. Пантелеимоне хотелось поехать, Наташа петь одна не могла, решили оставить меня. Мне совсем не хотелось в монастырь, даже несмотря на праздник. Мне так нравилось в Рождествено, что не хотелось уезжать отсюда даже на день. И еще я просто влюбилась в наш деревенский храм. Ни в одном храме я не чувствовала себя так хорошо, как здесь. Храм был освящен в честь Рождества Христова. Он был кирпичный, но выкрашенный снаружи серой краской с красным геометрическим рисунком вокруг окон. Купола храма и колокольни были шатровые, как башенки замка. Вокруг храма росли яблони, а территорию ограждали высокие кованые ворота. Все было очень просто, но именно это мне и нравилось. Внутри храма тоже было просто, даже бедно. Стены были ярко-голубые без росписей, иконостас — фанерный с бумажными выцветшими иконами, пол деревянный, а в углу стояла большая чугунная печка. Эту печку затапливали рано

утром перед службой, но воздух не успевал нагреваться. В храме было так же холодно, как и снаружи, а иногда и холоднее. Служил здесь батюшка Стефан в своей манере: очень медленно, тихо и молитвенно. Свет он никогда не зажигал, вся служба была при свечах. Мы пели знаменным распевом на два голоса, стояли в куртках и теплых платках, выдыхая облачка пара. Пантелеимона великолепно пела партию первого голоса: у нее было музыкальное образование и самый низкий голос, какой мне доводилось слышать в монастыре. Я пела вторым. Наташа подпевала то ей, то мне. Акустика в храме была хорошая, народу почти никогда не было, кроме нескольких бабушек и знакомых отца Стефана. Мне так нравились наши службы, что я не могла дождаться следующего воскресенья.

ДЛЯ МЕНЯ ЭТА СЛУЖБА БЫЛА САМОЙ ЗАПОМИНАЮЩЕЙСЯ ИЗ ВСЕХ. ЗДЕСЬ НЕ БЫЛО НИЧЕГО ЛИШНЕГО. ТИШИНА И МОЛИТВА

В этот раз мне нужно было петь одной, хотя я никогда еще не пела службу сама. Вечером мы с Пантелеимоной выбрали самые простые песнопения и отрепетировали вместе Сергиевскую Херувимскую: самое легкое, что только есть. Я ужасно волновалась, боялась, что от волнения пропадет голос. Пантелеимона

меня успокаивала тем, что один раз службу доверили петь даже матери Матроне и она справилась. На самом деле мне ужасно хотелось спеть, я давно мечтала об этом, просто было очень страшно сделать это первый раз и ничего не перепутать.

Утром я взяла ноты и пошла в храм. На улице было еще темно. Дорога вела через поле, шел редкий снег. В храме было тихо — из прихожан пришли только две бабушки, алтарник и семинарист Георгий, топивший печку. Было темно и холодно, как в горной пещере, изо рта шел пар. Для меня эта служба была самой запоминающейся из всех. Здесь не было ничего лишнего, никакой лишней торжественности, никакой суеты. Тишина и молитва. После службы батюшка Стефан вынес мне из алтаря большую просфору.

...32

Как-то днем ко мне на коровник зашла мать Пантелеимона и попросила помочь ей откачать сточную яму. Обычно такими тяжелыми работами занимались семинаристы, которых иногда присылали из епархии, но в этот день никого не было, а яма переполнилась. Мы вышли во двор и стали поднимать крышку люка. Я ковыряла крышку монтировкой, а Пантелеимона старалась ее сдвинуть. Зачем-то она просунула под нее руку. Крышка упала и придавила указательный палец, кончик которого согнулся в другую сторону.

Крышку подняли, я хотела посмотреть, что с пальцем, но она замотала его платком, сказав, что он даже не болит. Мы сунули в яму шланг и включили насос. Платок был весь в крови. Я сказала, что училась на врача, поэтому имею право осмотреть палец. Он был в плачевном состоянии: ноготь почти отвалился и под ним была глубокая рана, из которой текла кровь. Если бы это произошло со мной, я бы орала на всю деревню. Палец промыли, замотали и отвезли Пантелеимону в больницу. Там сделали рентген пальца, который показал перелом последней фаланги. Гипс на него не наложили, потому что была рана, просто обработали, перевязали и сказали делать перевязки каждый день. Мы накупили бинтов и мазей, и я стала заниматься перевязками. Поскольку Пантелеимона не могла мочить палец, мне пришлось помогать ей на «моло́чке» после коровника делать творог и сыр. Так мы подружились. Пантелеимона оказалась совсем не такой угрюмой и суровой, как мне показалось вначале, с ней даже можно было поговорить и посмеяться. Все-таки я не знала, в каких она отношениях с Матушкой и насколько ей можно доверять. Один раз она мне сказала:

— Свинарева едет в монастырь. Можешь передать с ней помыслы.

Мы должны были их писать каждую неделю и передавать, но я этого не делала. Я ответила:

— Я их пишу раз в два месяца и то не знаю, что написать.

Она внимательно посмотрела на меня и ответила:

— Я тоже стала их писать, только когда назначили старшей. — Стало ясно, что это свой человек. Я решила спросить:

— А почему ты здесь живешь, в Рождествено? Почему тебя не забирают в монастырь? Тебе здесь нравится?

— Матушка не хочет видеть меня в монастыре, у нас с ней не сложились отношения. Уж лучше здесь. Мне тут раньше не нравилось, тошнило просто от этого места, а теперь привыкла.

Пантелеимона рассказала, как пришла в монастырь двенадцать лет назад вместе с дочкой Леной. Их благословил старец Илий, с которым Пантелеимоне удалось тогда пообщаться. Раньше она жила в Тульской области и работала учителем в музыкальной школе по классу фортепиано. С мужем она развелась, стала ходить в храм, а потом и возникло желание монашествовать. Попав в монастырь, она поначалу жила так же, как и я, стараясь верить Матушке несмотря ни на что. Но потом произошла очень неприятная история, которая открыла Пантелеимоне глаза на игумению. Пантелеимона решила уйти из монастыря, поехала к митрополиту спросить, как ей и дочке быть дальше. Тот, как всегда в таких случаях, предложил ей заняться самоукорением и вернуться в монастырь. Она вернулась, но Матушка ей так и не простила эту поездку в епархию. Уже несколько лет Пантелеимона жила в Рождествено. Дочь при этом воспитывалась в Малоярославце и, пока она не выросла, виделись они редко. Теперь Лена часто приезжала к ней в Рождествено, даже помогала ей, покупала одежду и лекарства.

Я сказала:

— А мне здесь очень нравится. Я бы даже тут осталась. Тут спокойно, просто, хорошо. Можно жить и молиться. Что еще надо? Для меня это настоящий рай после монастыря, даже несмотря на коровник.

— Да ты блаженная, наверное. Кто тебя тут оставит? Сюда только ссыльные попадают и сброд всякий, не нужный в монастыре.

— А если я попрошу Матушку?

— Тем более. Она подумает, что у тебя крыша поехала и точно заберет. Или заподозрит что-нибудь. Тут была послушница одна — Вероника, ей тут тоже понравилось. Она все говорила, как тут хорошо. Попросилась остаться, и ее тут же забрали в монастырь.

— Она ушла недавно.

— Ну у нее с Матушкой давно были проблемы.

— У меня тоже проблемы. И большие. Я не хочу обратно в монастырь. Здесь бы я с удовольствием жила.

— Тебя же постригать будут через месяц, все равно, значит, заберут в монастырь.

— Может, постригут и вернут, если я буду плохо себя вести?

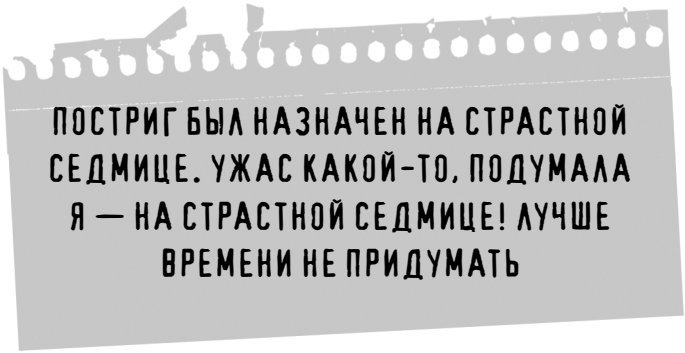
— Только если очень плохо.

...33

Перед праздником сорока Севастийских мучеников за мной пришла машина из монастыря. Мне так не хотелось уезжать, от расстройства я не могла даже собрать свои вещи, взяла только то, что попалось под руку. В монастыре мне опять дали послушание сиделки у схимонахини Марии. Мать Нектария снова в чем-то провинилась — ее отправляли в ссылку в Рождествено на коровник вместо меня. Я застала ее в богадельне за сбором вещей. Она была очень довольна: в Рождествено она была не раз, ей там нравилось. И еще она очень хотела повидать мать Пантелеимону: она была с ней в хороших, даже дружеских отношениях. Я ей завидовала. Мать Нектария перебралась пока в пустую келью на втором этаже, а я поселилась с матерью Марией. Старшей в богадельне была назначена вместо матери Феодоры — мать Сергия. Поскольку мать Сергия сказала, что у нее больная спина и ничего тяжелого ей делать нельзя, ухаживать за остальными четырьмя лежачими и ходячими бабушками пришлось тоже мне. Она только давала указания.

Мне было так тяжело, как, наверное, никогда в жизни. Матушка сказала мне, что бумаги на мой постриг митрополит уже подписал. Форму сшили. Вместе со мной должны были постригать послушницу Ирину. Постриг был назначен на Страстной седмице. Ужас какой-то, подумала я — на Страстной седмице! Когда же они собираются нас постричь, надеюсь, не в Великую Среду или Пятницу? Лучше

времени не придумать. Забегая вперед, скажу, что этот постриг, хоть и без меня, состоялся аккурат в Великую Среду, в день, когда вся церковь вспоминает предательство Иудой Христа.



Я, как и все сестры монастыря, мечтала о постриге. Во-первых, такое «повышение» как бы говорило об успешности в духовной жизни и об угождении Богу, во-вторых, давало массу привилегий: больше уважения от окружающих — «мирских» людей и сестер, больше власти, хотя бы над теми, кто теперь был ниже по чину, больше отдыха, дополнительно два часа в день на келейное молитвенное правило вместо работы. Также надо заметить, что иноческая форма была очень красивой, в отличие от послушнической (для многих, как ни странно, этот момент был определяющим). Сам обряд пострига символизирует обручение Христу: монахиня или инокиня — это невеста Христова. Все это было очень романтично и необыкновенно. Я мечтала о постриге, представляла себе, как надену в темном храме под пение молитв длинную черную рясу с широкими рукавами, апостольник и клобук — символы брачного одеяния, по-

лучу новое (обязательно красивое и редкое) имя какого-нибудь супераскетичного святого. Потом буду стоять возле солеи с длинной свечой и иконой и принимать поздравления сестер. Еще считалось, что постриг дает обильную благодать. Хотелось ощутить и это.

Была только небольшая загвоздка: мне не хотелось больше жить в Свято-Никольском монастыре. Каждый день этой жизни был мукой. Об уходе я не думала. Это означало бы предать все то, во что веришь, и начать все заново. Начинать что-то заново всегда тяжело, тем более начинать заново жизнь. К тому же мне нравилась монашеская жизнь, но не такая, как в Малоярославце. Мне очень хотелось вернуться в Рождествено, просто молиться, жить на природе с людьми, которые тебя понимают, с которыми можно общаться. Конечно, говорила я себе, ради Христа нужно пострадать. Монахи же — это бескровные мученики, как учат отцы Церкви. За это можно получить и рай, а что может быть важнее рая? Только я чувствовала, что от такой жизни я с каждым днем становлюсь хуже: злее, раздражительней, нервозней, циничней. Я уже начинала потихоньку ненавидеть не только людей, но и Бога, за то, что Он обрек меня на жизнь в таком монастыре. И как в таком виде в рай? От меня бы там все разбежались. Уйти к тому же было страшно: предать Бога? А что Он скажет? Насколько для Него важно, чтобы я здесь жила? И вообще, была на то Его воля или не была? Может, я себе все это придумала? Хотя, скорее всего, воля была Его, я же Ему молилась, а не кому-нибудь. Как теперь разобрать, кто прав, кто виноват? В общем, меня одолели тяжелые раздумья, параллельно с которыми

я много молилась, чтобы Господь что-нибудь для меня придумал. И Он придумал — нечто весьма остроумное.

...34

Прошла долгая неделя в Малоярославце. От тяжелых дум я потеряла аппетит и сон. По ночам плакала и молилась, а днем работала в богадельне. Похудела и чувствовала себя ужасно. Надо было что-то решать, пока не произошел этот злосчастный постриг.

Утром в воскресенье я, как обычно, подняла мать Марию, одела и отвезла на коляске в храм, потом вернулась за остальными бабушками. Тут ко мне подошла мать Сергия и сказала, что меня вызывает Матушка. Я пошла в храм, где Матушка уже сидела на своем месте и разговаривала с сестрами. Она подозвала меня. Вид у нее был суровый:

— Маша, я тобой недовольна. Как ты себя ведешь? Мать Сергия на тебя жалуется, что ты не слушаешься и ей не помогаешь.

— Простите, Матушка, а в чем конкретно я ее не слушаюсь и не помогаю? Она же вообще ничего не делает.

— Ты еще грубишь? Мы ее сейчас спросим.

Послали за матерью Сергией, а я продолжала стоять на коленях рядом с матушкиным троном. Мать Сергия подошла, поцеловала матушкину руку и встала на колени рядом со мной. Матушка спросила ее:

— Мать Сергия, что у вас там в богадельне?

— Маша не слушается, Матушка, грубит, не помогает. Я ее просила вымыть пол в коридоре, а она отказалась.

Матушка начала отчитывать меня за мою лень и непослушание старшим. Я молчала, уставившись в пол. Потом Матушка сказала:

— Проси прощения у матери Сергии и обещай, что будешь ее во всем слушаться. У тебя постриг, а ты так себя ведешь.

Я молчала.

— Проси прощения!

Я не выдержала:

— Я не буду просить прощения. Если мать Сергия и дальше будет строчить доносы, то лучше переведите меня из богадельни.

Это было неслыханной дерзостью. Матушка поняла, что одной ей не справиться. Она подозвала благочинную, мать Серафиму, и показала на меня:

— Мать Серафима, что ты об этом думаешь? Можно ее такую постригать?

Мать Серафима относилась ко мне скорее хорошо, чем плохо. Кроме той давней стычки в приюте, у нас с ней не было разногласий. Она не слышала наш разговор, но посмотрев на меня, быстро все поняла и включилась:

— Матушка, она себя везде так ведет. Ей ничего нельзя доверить. Сестры на нее все жалуются. Какой ужасный характер! Она никого не слушается. И еще у нее эта страсть к пению на клиросе, поэтому она плохо выполняет послушания, ей бы петь только. Какой постриг... Маша, ты должна покаяться перед Матушкой за все и слушаться. Матушка за тебя молится.

Это и многое другое, что она сказала, должно было меня раздавить и сделать снова более послушной. Не вышло — я никак не каялась. Матушка велела позвать мать Елисавету, за ней отправились на клирос. Начался настоящий цирк. Мать Елисавета была совсем не в курсе наших разборок, она встала на колени перед Матушкой с растерянным видом, посмотрела на меня, на мать Серафиму, но ничего не могла понять. Матушка ей помогала:

— Мать Елисавета, что ты думаешь о Маше?

Елисавета знала только, что грядет мой скорый постриг, поскольку сама собирала для этого документы. Мы с ней неплохо ладили, даже немного дружили, насколько это было тут возможно. Она подумала, что нужно сказать что-то хорошее обо мне в связи с моим постригом:

— Матушка, я не знаю, молиться очень любит.

Матушка ее поправила:

— Она не кается, не слушается, грубит. Что там у вас было в Кариже, вспоминай?

Елисавета наконец уразумела, что творится что-то странное, посмотрела на меня с удивлением и начала вспоминать, что было у нас в Кариже два года назад:

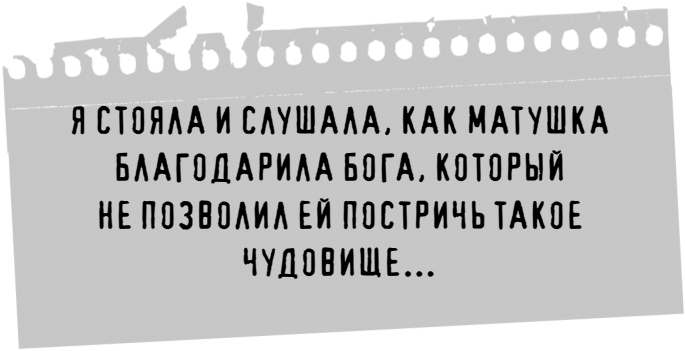
— Да, Матушка, она не слушалась и плохо себя вела. Ругалась со всеми. Коров доила плохо, ленилась. Матушка, она очень ленивая и непослушная.

Матушка подхватила:

— И сейчас то же самое. Исправляться она не хочет. Думаю, если нет покаяния, постриг придется отложить. Я вижу, что воли Божией нет.

Мать Серафима с матерью Елисаветой посмотрели на меня. Меня трясло. Я вернулась в келью, но нервное потрясение от всей этой разборки было таким сильным, что хотелось его как-то унять. Корвалол не помог, хотя я выпила почти полфлакона. Тут я вспомнила, что мама недавно передала мне пол-литровую бутылочку медицинского спирта для уколов. Я никогда не пила спирт, но тут нужно было успокоиться. Я налила его в кружку, разбавила водой и выпила залпом, как настоящий врач. Стало очень хорошо. В желудке водворилось тепло, дрожь прошла, в голове и во всем теле стало спокойно и уютно. Я сидела на кровати без всяких мыслей и смотрела в одну точку. Мой покой нарушила мать Нектария, которая прикатила стонущую схимонахиню Марию из храма.

У бабушки заныли колени, а меня в храме не оказалось, попросили мать Нектарию ее отвезти. Я сказала, что сама уложу ее в кровать, но, когда попыталась встать, чуть не упала. Я рассказала, что напилась спирта, что очень повеселило мать Нектарию. Она сама раздела бабушку, помассировала колени и уложила ее в постель. Еще она передала мне, что Матушка велела мне быть на трапезе. Я с трудом представляла себе, как я туда доберусь.



Когда я вошла в трапезную, сестры уже сидели за столами и ждали Матушку. Я тоже заняла свое место. Вошла Матушка, сестры помолились, и начались занятия, целиком посвященные мне одной. Я стояла, держась за спинку стула и слушала, как Матушка расписывает всем мое жуткое поведение. Она благодарила Бога, который не позволил ей постричь такое чудовище, как я. Сестры тоже вставали по команде и рассказывали ужасающие истории из моей жизни, некоторые из которых я сама уже успела позабыть. Это продолжалось уже больше часа. Меня все это не очень трогало, за три года в Малоярославце я слышала и не такое. Ужасно было то, что мне позарез

нужно было в туалет по-маленькому. Видимо, спирт вкупе с корвалолом устроили мне такой сюрприз. Терпеть не было уже никаких сил. Матушка говорила не умолкая, и как-то неловко было ее перебивать просьбой о туалете. В итоге Матушка постановила, что за мое поведение меня следует не только лишить пострига и запретить мне посещение служб, но также изгнать с клироса и бессрочно отправить на послушание в коровник. Когда мне уже начало казаться, что разговоры подходят к концу и можно наконец попроситься выйти, Матушка вспомнила какую-то еще жуткую историю моего непослушания и принялась ее рассказывать. Пришлось ее перебить:

— Матушка, простите. — Она посмотрела на меня грозно за то, что я осмелилась ее перебивать. — Можно мне выйти?

— Нельзя, сначала дослушаешь.

Я не могла больше терпеть:

— Матушка, я скоро вернусь, простите, — и пошла к двери. Идти оказалось тяжелее, чем стоять: столы, стулья и пол кружились перед глазами. Пришлось цепляться за спинки стульев, а потом за стенку. За спиной и услышала матушкино:

— Ой-ой, — видимо, на нее эта картина произвела впечатление.

В туалете я стояла некоторое время в тупом оцепенении и не могла решить, что же нужно делать дальше. Потом пошла в келью собирать вещи: решила уйти.

За этим занятием меня застала мать Серафима — Матушка послала ее ко мне.

— Уходишь?

— Да, хватит с меня этого вранья.

— Тогда тебе нужно зайти к Матушке за паспортом.

Мы пошли в игуменскую. Матушка сидела за столом. Я опустилась рядом. Стоять на коленях не получалось, и я просто села на пол.

— Ну что, сбежишь со второго монастыря? — она знала, что два года я провела в Сибири, в монастыре Архангела Михаила, а потом приехала сюда.

— Да.

— И куда ты пойдешь? В мир? Или в третий монастырь? Думаешь, тебе там лучше будет?

— Не знаю. Но тут я больше не могу.

— В миру ты тоже не сможешь. А что ты батюшке своему скажешь? Что сбежала? А перед Богом как будешь отвечать?

Интересно, что словосочетание «уйти из монастыря» обычно в этих случаях не употреблялось. Всегда об ушедших говорили «сбежала из монастыря», «беглая монашка», «сбежавшая» и т. д. Получалось, что никак нельзя просто и без скандала покинуть монастырь. Только если сбежать.

— Я здесь не могу. Можно мне забрать паспорт?

— Ты чего, таблеток напилась?

— Спирта.

— Какого еще спирта? Подумай хорошенько, прежде чем уйти, как бы не пришлось потом сожалеть. Обратно я тебя приму, только опять придется начинать все сначала — трудницей.

Я молча смотрела в пол.

— Ну хорошо, а если я тебя в скит отправлю? Можешь выбрать любой. Хочешь в Рождествено, тебе же там понравилось?

— Благословите, Матушка. Но в монастырь я больше не вернусь.

— Тогда едешь в Рождествено, как только будет машина. А пока будешь, как я сказала, ходить на коровник без служб и отдыха.

...35

Все эти коллективные занятия и разборки наводили на мысли и вопросы. Для меня было непонятно: как так получалось, что вполне здоровые и отнюдь не глупые люди готовы были исполнять любые

приказы (благословения) Матушки, даже те, которые причиняли боль и страдания другим, таким же, как они, сестрам? Во время занятий «верные» Матушке сестры по ее указанию всей гурьбой набрасывались на ту сестру, которую Матушка в данный момент ругала, даже если не имели против этой сестры ничего личного. Вместе с Матушкой они ругали и унижали ее. Часто по приказу даже те сестры, которые между собой дружили, начинали наговаривать друг на друга. Никогда никто ни за кого не заступался. Сестры вполне добровольно делали, говорили и, что самое удивительное, думали так, как благословляла Матушка, исходя из ситуации и матушкиных личных, часто весьма неприкрыто корыстных соображений. Редко кому было жалко ту, которую Матушка ругала.

Все это напоминало кукольный театр. Если Матушка кого-то хвалила, остальные тоже были дружелюбны и общительны с этой сестрой. Если же Матушка выражала свое неодобрение чьим-то поведением, а это обязательно было публично, во время занятий, то и весь остальной коллектив начинал проявлять к этой сестре холодность, даже враждебность, многие сестры переставали на послушании разговаривать с

этой сестрой, в чем-либо ей помогать, а часто и вредили.

Мать Николая прикрывала свою деятельность евангельскими заповедями и писаниями святых отцов, преимущественно греческих. Все ее приказы якобы исходили не от нее самой, а являлись волей Божией. «Хочешь знать, что думает о тебе Бог — спроси своего наставника». Во-первых, было непонятно: откуда ей известна воля Божия? Она же не святая, что бы там она о себе ни утверждала. Во-вторых, тем более непонятно: как Бог мог изъявить свою волю на то, чтобы сестры наговаривали друг на друга, врали, доносили и рвали неугодных Матушке сестер на куски во время занятий? Стравливать сестер друг с другом Матушка любила. Когда она наказывала сестру по чьему-либо доносу, она всегда говорила имя той сестры, которая донесла.

Получалось так: чтобы нормально существовать в этой монастырской системе, сестра должна была слушаться Матушку, более того, стараться ей угодить и показать свою «верность», «преданность» и даже «любовь». Да, многие сестры именно признавались Матушке в любви в помыслах или прямо на занятиях, пуская в ход слезы для убедительности. Матушка при этом жеманно улыбалась и говорила, что любовь к наставнику в духовной жизни вовсе не обязательна. В то, что они и вправду могут любить Матушку, мне не верилось. Невозможно любить такого человека, который сегодня тебя гладит по голове, а на следующий день по чьему-то доносу или просто для устрашения остальных спускает на тебя собак. Думаю, Матушка и сама не очень-то

верила этим признаниям, но они были частью этого театра.

Матушка контролировала сестер как марионеток, влезая не только во все аспекты их существования, но и в их взаимоотношения с родственниками, в письма, мысли, воспоминания и даже в сны. Да, сны тоже надо было исповедовать лично Матушке. За «блудные» сны полагалась епитимья. Считается, что такие сны приходят от бесов, если сестра в чем-либо грешит.

СЕСТРЫ ВЕРЯТ, ЧТО ПОСЛУШАНИЕ ДЛЯ НИХ СПАСИТЕЛЬНО. НО Я НЕ ВИДЕЛА НИКОГО, КОМУ БЫ ОНО ПОМОГЛО СТАТЬ ЛУЧШЕ, БЛИЖЕ К БОГУ ИЛИ ПОЛУЧИТЬ ХОТЬ КАКИЕ-ТО ДУХОВНЫЕ ДОБРОДЕТЕЛИ

Сестры верят, что это послушание для них спасительно. Чтобы понять действенность этой практики, достаточно понаблюдать за теми, кто прожил в монастыре двадцать, тридцать и более лет. Я лично не видела ни одного человека, по крайней мере в тех монастырях, где жила сама, которому эта практика помогла бы стать лучше, ближе к Богу или получить хоть какие-то духовные добродетели и дары, которые так щедро рекламируются в книжках. Как правило, мзду получает только верхушка этой пирамиды, и то мзду не духовную, а вполне материального свойства. Остальные адепты послушания получают в лучшем случае тяже-

лую и однообразную жизнь, полную трудов и эмоционального напряжения, а также невроз и букет разных болезней психосоматического характера. Более того, я заметила, как после даже непродолжительного пребывания в стенах монастыря новые сестры становились гораздо хуже в моральном и духовном плане. Некоторые не сразу начинали ябедничать, доносить, следить за другими, «любить» Матушку, сначала они были даже против этого. Но чем дольше они жили в монастыре, тем больше пропитывались этой заразой и начинали подражать старшим сестрам, у которых это поведение было уже на автоматизме.

...36

В этой главе, кому интересно, я выписала те признаки, по которым можно отличить деструктивную (по отношению к личности человека) секту от обычного сообщества или группы людей. Эта информация интересна, я думаю, в основном тем, кто имел реальный опыт монашеской жизни, чтобы до конца осознать, что же, собственно, с вами там делали.

Привожу здесь выписки из книги Т. Лири, М. Стюарт «Технологии изменения сознания в деструктивных культах». Я ничего не меняла в тексте, только сокращала то, что слишком длинно.

1. Контроль жизненной среды и общения в пределах этой среды: сюда относится не только общение

людей друг с другом, но и проникновение в сознание человека групповых представлений, постепенно начинающих управлять его внутренним диалогом. Человека помещают в психологически замкнутую, а в некоторых случаях и физически ограниченную среду. Замкнутость лишает человека альтернативы, возможности сравнивать свой образ жизни и свои жизненные ценности с любыми другими, смотреть со стороны, что облегчает возможность манипулирования им.

2. Мистическое манипулирование: специальная технология планирования случаев, демонстрирующих внешне спонтанные и «сверхъестественные» события. Любое внешнее действие трактуется в мистическом плане: если вы споткнулись, то это потому, что у вас появились плохие мысли об организации и т. д.

3. Требование чистоты: установление невыполнимых стандартов поведения, что способствует созданию комплекса вины и стыда. Независимо от того, какие усилия прикладывает человек, он всегда терпит неудачу, чувствует себя виновато и работает еще усерднее. Во всех случаях, даже от него не зависящих, человек должен винить только себя и никого другого.

4. Культ исповеди: разрушение границ личности, предписание делиться и признаваться в любой мысли, чувстве или действии, которые можно заподозрить в несоответствии групповым правилам. Полученная при этом информация не прощается и не забывается, а запоминается или документируется для дальнейшего использования в целях контроля. В ортодоксальном христианстве существует таинство Покаяния, в сектах же практикуют некую пародию на

него. Информация, которую человек сообщает о себе, активно применяется для оказания на него давления, выработки у него чувства вины. Исповедь, во время которой человек признается в грехах и занимается самокритикой, происходит в небольшой группе и сопровождается критикой в его адрес со стороны членов группы с определенной целью: активно и динамично способствовать изменению его личности.

5. Священная наука: вера в абсолютную научную и нравственную истинность групповой догмы, что не оставляет места для каких бы то ни было вопросов или альтернативных точек зрения. Только позиция руководства секты, ее точка зрения является правильной во всех вопросах.

6. «Передергивание» языка: стремление к ограничению мышления членов группы черно-белыми «мыслепрерывающими» клише, понятными только для посвященных. Тот, кто контролирует язык человека, — контролирует его мышление. В сектах часто создается свой собственный язык, активно изобретаются новые понятия, в результате чего образуется своеобразный «профессиональный» сектантский жаргон. Человека приучают не только говорить на нем, но и думать. Но ведь слова — это прежде всего смысловые понятия, за ними — их содержание. При общении это очевидно, и разница не в словах, а в жизненных ценностях. Изменяя язык, руководство секты влияет на систему жизненных ценностей своего адепта. Также с помощью этого приема его отделяют от несектантского сообщества. Научившись мыслить на языке секты, человек вскоре замечает, что за ее пределами его не понимают, он начинает ощущать

дискомфорт при общении с внешним миром и идет туда, где его поймут, где с ним говорят на одном языке, то есть в секту.

7. Доктрина выше личности: навязывание верований группы в противовес опыту, сознанию и целостности личности. В секте не подразумевается снисхождение учения к человеку, наоборот, человек должен подстроиться и полностью реализовывать учение на практике. Элемент доминирования доктрины над личностью начинает работать в тот момент, когда возникает конфликт между тем, что человек ощущает на собственном опыте и тем, что предписывает ему ощущать доктрина или догма. В тоталитарном окружении истинна только догма, поэтому человек должен признать ее и привести собственные ощущения в соответствие с догматической истиной. Внутреннее ощущение несоответствия действительных и желаемых ощущений порождает комплекс вины. Порой группа намеренно провоцирует у человека комплекс вины, внушая ему, что все сомнения отражают его греховность.

8. Разделение существования: вера в то, что члены группы имеют право на существование, а всяческие критики, диссиденты и «расстриги» — не имеют. В секте всех, кто не является ее членами, в лучшем случае считают невеждами, а чаще — просто рабами тьмы, дьявола. На всех, кто не состоит в секте, смотрят «сверху вниз». Потому члены секты не способны к построению равноправного и равноуважительного сотрудничества.

9. Фобическая реакция на мысль о выходе из секты. Членов группы открыто или тайно программи-

руют, внушая им, что если они покинут группу, то будут несчастны и одиноки или умрут от страшной болезни, погибнут в автомобильной аварии или при крушении самолета, станут причиной смерти близких. Члены сект искренне убеждены, что погибнут без группы и что только в группе они могут «духовно, эмоционально и интеллектуально развиваться». Фобии лишают их свободы выбора.

10. Чувство избранности. Членам секты внушают, что они входят в элитные бригады человечества. Ощущение особенности, причастности к спасению мира, принадлежности к передовому отряду истинных верующих, которые направляют историю человечества, служит сильным эмоциональным стимулом для самопожертвования и тяжелой работы. Им внушают, что они лучше, умнее и могущественнее тех, кто не входит в группу. В результате они ощущают больше ответственности, чем когда-либо прежде. Им кажется, что на их плечах покоится весь мир. Поэтому они не понимают, когда люди им говорят, что, уйдя в секту, они прячутся от реальности и избегают ответственности.

11. Доминирование групповой воли над индивидуальной. Во всех деструктивных сектах личность подчиняется группе. Главное – это «коллективная цель», все «личные цели» должны ей подчиниться. Думать о себе и думать самому нельзя. На первом месте всегда интересы группы. Индивидуализм — плохо, групповой конформизм — хорошо. Существует непреложное требование абсолютного повиновения руководству. Ощущение реальности искажается: член секты учится игнорировать внутреннее «я» и доверять внешним авторитетам, которые олицетворяют власть. Он

привыкает искать указаний и разъяснений не в себе, а в других. Он отвыкает самостоятельно принимать решения. В таком состоянии крайней зависимости последователям секты просто необходим лидер, указывающий, что им думать, чувствовать и делать. Существуют приемы, которыми активно пользуются лидеры сект, чтобы укреплять эту зависимость. Они часто переводят людей в новые, незнакомые места, переключают с одних видов деятельности на другие, повышают и понижают их статус в группе, не позволяя им расслабиться. Кроме того, широко применяется еще одна техника: перед последователями ставятся недостижимые цели, но их убеждают, что если они будут «чисты», то могут этих целей достичь. Когда цели не достигаются, людей принуждают публично признаваться в «пороках».

12. Член деструктивной секты, в которой применяются психологический контроль и техники реформирования сознания, всегда испытывает глубокий внутренний конфликт и находится в состоянии войны с самим собой. В нем живут две личности, истинная и искусственная. Иногда он начинает говорить на жаргоне секты, в нем проступает высокомерие и нетерпимость избранного и всезнающего фанатика. Затем, без предупреждения, он становится самим собой, тем, кем он был раньше, с его старыми привычками и выходками. И вдруг снова «переключается» и становится человеком с психологией сектанта. Обычно в сознании доминирует только одна личность, и большую часть времени на дежурстве находится «сектант», а истинная личность появляется лишь урывками. Определить, какая из двух личностей в данный момент доминирует, несложно, так как

у каждой из них есть характерные признаки. Нужно обратить внимание на то, о чем человек говорит, как он это говорит, каким тоном и как при этом себя ведет. Обе личности отличаются друг от друга и внешне, и интонационно, и способом самовыражения. Когда доминирует «сектант», речь человека напоминает речь робота. Он говорит назидательно, громко и отчетливо. У него напряженное лицо и тело, лихорадочный или, наоборот, остекленевший взгляд. В целом он производит впечатление холодного, равнодушного и несгибаемого человека. Когда периодически «включается» реальная личность, речь человека становится эмоционально насыщенной, сам он становится более откровенным и экспрессивным. В нем ощущается больше свободы, его мышцы расслабляются, позы становятся более естественными и непринужденными, он импровизирует, шутит, а его глаза приобретают человеческое выражение. Несмотря на интенсивные попытки секты разрушить истинную личность и искусственно сформировать сектантскую, полностью это никогда не удается. Конечно, «сектант» пытается похоронить представления, свойственные системе отсчета, которой руководствовалась истинная личность индивида, и затереть ее персональное прошлое. Но через время прежняя личность все равно себя проявляет и ищет возможности обрести свободу. Чем чаще человек общается с посторонними группе людьми и чем больше у него накапливается негативных воспоминаний, связанных с пребыванием в группе, тем быстрее идет процесс восстановления его прежней личности.

13. Контроль общения. Настоящая дружба в секте не поощряется, так как дружеские отношения между

членами секты (горизонталь) служат препятствием для проявления эмоциональной преданности лидеру (вертикаль). Друзья опасны: если один из друзей покинет группу, он может увести за собой и остальных. Когда человек уходит из секты, «любовь» к нему перерастает в ненависть и презрение. Члены деструктивной секты полностью утрачивают способность самостоятельно принимать решения и обязаны согласовать любое действие с теми, кому подчиняются в пирамиде. На встречу с родственниками или больным другом нужно получить разрешение старшего. Чем больше контролируются члены группы, тем меньше вероятности, что они будут делать то, что им хочется и ходить туда, куда им хочется. В некоторых сектах регламентируются даже социальные отношения членов группы.

14. Манипулирование виной и страхом. Человек приходит в секту, надеясь обрести там свободу. Но в действительности он начинает жить в узком туннеле страха, вины и стыда. Во всех проблемах всегда виноват он, его слабая вера, его скудные знания, его плохая наследственность, его прошлые грехи. Он постоянно живет в напряжении, ощущая глубокую вину за то, что не соответствует стандартам. Он начинает верить, что находится во власти злых духов, с которыми должен самоотверженно бороться. Во всех деструктивных сектах главной движущей силой является страх. В каждой группе есть свой дьявол, который жаждет захватить, соблазнить, растлить, убить или свести с ума последователя.

15. Манипулирование эмоциями. Эмоциональная жизнь в секте напоминает участие в аттракционе

«американские горки». Последователя бросает из состояния невыразимого счастья познания «истины» среди «избранных» в состояние, где он испытывает невыносимое бремя вины, страха и позора. Причины всех проблем коренятся в его, а не в групповой, несостоятельности. Всегда и во всем он может винить только себя. Если он начинает выражать несогласие, группа либо объявляет ему бойкот, либо его переводят в другой филиал группы.

16. Физическое воздействие. Как только человек становится членом деструктивной секты, резко сокращается продолжительность его сна. При недостатке сна человек перестает функционировать в обычном режиме. Это приводит к тому, что его умственные способности и критичность притупляются. Кроме того, его перегружают различными видами деятельности, когда времени на размышления не остается. Резко изменяется режим приема пищи и рацион питания. Во многих группах часто практикуются продолжительные посты. Из-за несбалансированности рациона одни люди резко худеют, другие существенно набирают вес. Все свободное время члены деструктивной секты занимаются групповой общественной деятельностью в условиях казарменной дисциплины. Они лишены возможности уединиться, почитать книгу или поразмышлять.

17. Безысходность. В отличие от обычных организаций, где у каждого человека есть выбор: уйти или остаться, в деструктивной секте законных оснований для выхода нет. Членам секты внушают, что на уход из секты толкает только слабость духа, незрелость, глупость, невменяемость, искушение, промывание

мозгов, гордыня, нетерпимость, греховность и так далее.

Им внушают фобии и заставляют поверить в то, что если они покинут секту, с ними, с их семьями и всем человечеством произойдет беда. Они заперты в психологической тюрьме. Члены деструктивных сект — это нейрологические пленники, которым во время сессий внушения вводятся в подсознание разного рода фобии, в частности, страх перед выходом из секты. Члены сект лишены свободы выбора, хотя, по мнению руководства, «они не уходят, потому что у них нет причин уходить». Любая организация не хочет терять членов, но ни одна нормальная группа не станет эксплуатировать чувство страха или вины у рядовых членов.

Чтобы определить характер группы, надо знать, существует ли у ее членов свобода выбора. Для этого нужно выяснить, имеют ли члены группы право на свободное получение информации, на критику и на свободный выход из группы.

Даже самые сложные доктрины в конце концов сводят реальность к двум полюсам: черное и белое, добро и зло, духовный мир и физический мир, мы и они. В некоторых группах последователи начинают страдать фобиями и даже становятся параноиками, ибо им постоянно внушают, что духи за ними наблюдают и даже завладевают ими, если они чувствуют и думают не так, как положено в секте».

Конечно, можно сказать, что цели у обычных деструктивных сект и православного монашества

разные. А средства, получается, одинаковые. Но всегда ли цель оправдывает средства? Неужели человека нужно загнать в деструктивную секту «монастырского типа» и разрушить его личность? Хороший способ спасти душу. Если бы Богу было угодно, чтобы мы были послушными роботами, бездумными зомби, слепо исполняющими любой приказ, Он, наверное, и создал бы нас такими, это ведь гораздо проще, чем создать огромное количество уникальных, способных к размышлению и творчеству людей!

...37

У меня было ощущение, как будто по мне проехал трактор. Все тело ломило и болело, в голове стоял туман. Но по большому счету я была даже довольна: очень хотелось снова попасть в Рождествено, увидеться с Пантелеимоной, матерью Матроной, Галей, снова послужить в нашем храме. Сразу после разговора с Матушкой за мной зашла мать Елисавета и сказала, что я записана на послушание в коровник. Я к тому времени уже почти протрезвела, поэтому переоделась и пошла с ней.

Теперь у меня был такой распорядок дня:

Утром после подъема в шесть утра я шла не в храм вместе со всеми, а сразу на коровник до самой трапезы в 11.00. Потом я опять шла на коровник до 15.00.

Потом был час отдыха, в 16.00 трапеза, снова коровник до чая в 21.00. Меня оставили там одну, иногда, правда, заходила мать Серафима и с заботливым видом справлялась о моем самочувствии, а заодно проверяла, чтобы я никуда не ушла. Так прошло пять дней, и я уже начала думать, что Матушка меня обманула. Все свои вещи я уже собрала и сложила в коробки посреди кельи. На шестой день я услышала, как возле коровника кто-то кричит:

— Послушница Мария! Где послушница Мария?!

Я вышла. Это была Аня, водитель из скита в поселке Гремячево. Она ехала к себе, и по пути ей сказали завезти меня в Рождествено. Я обрадовалась ей как ангелу. Побежала переодеваться и выносить свои коробки. Она сказала мне ждать ее возле богадельни у Георгиевских ворот. Приближалось время второй трапезы, и сестры шли ужинать. Я стояла на дороге с кучей коробок и сумок. Некоторые проходили мимо, просто говоря «благослови» (это принятое в монастыре приветствие), а некоторые подходили и прощались, сочувствуя моей ссылке. Никто не знал о нашем с Матушкой разговоре и о том, что я попросилась в Рождествено добровольно. Когда кто-то подходил, мне приходилось срочно делать вид, что я тоже очень расстроена.

В Рождествено мы приехали вечером. Светило яркое предзакатно-оранжевое солнце, на улице уже было по-весеннему тепло, пахло коровником и сеном. Из дома выскочили мать Матрона и мать Пантелеимона помогать мне выгружать мой багаж. Пантелеимона очень удивилась моему приезду и спросила:

— Как тебе удалось так быстро вернуться?

— Потом расскажу. Не поверишь: мать Сергия помогла.

— А с постригом что?

— Уже ничего.

Меня поселили в самую большую и светлую келью. В храме мать Евфрасия дочитывала вечерню. Она тоже недавно приехала сюда и подвизалась на «моло́чке». Она мне очень обрадовалась. Мать Евфрасия много читала и любила поговорить на философско-богословские темы. Не то чтобы я была интересным собеседником в этих вопросах, но я могла сделать умный вид и внимательно выслушать. Она это ценила. Рядом со мной в большой келье Галя поливала огородную рассаду под огромными, подвешенными к потолку лампами. Внизу в трапезной мать Матрона накрывала чай. Водителем и экономом здесь теперь была Наташа. Из окна моей новой кельи открывался чудесный вид на поля, лес и берег пруда, освещенные ярким закатным солнцем. Я снова почувствовала себя хорошо.

...38

Довольно неплохо и спокойно мы прожили все вместе восемь месяцев. На коровнике стало тяжелей: с весны коров нужно было еще и пасти. Утром я сразу без полунощницы шла на коровник, чистила, доила

коров, а потом выгоняла их на поле. Иногда уже к этому моменту я была такой уставшей, что заваливалась прямо в траву под каким-нибудь деревом и спала. Коров потом нужно было искать на чьей-нибудь даче или на колхозном гречишном поле. Потом мать Пантелеимона все-таки выпросила в епархии нам в помощь трех семинаристов в пастухи и на огород. Это были совсем молодые ребята, не старше двадцати лет, вполне себе современные. У каждого был планшет, телефон, еще и ноутбук. Нас они называли «бабками», не в глаза, конечно, и потихоньку ненавидели, потому что нас нужно было во всем слушаться. Из семинарии сюда тоже присылали провинившихся студентов: вместо летних каникул они должны были трудиться на этом подворье. Такая, видимо, у Рождествено была судьба.

Коров ребята пасли каждый день, но часто они их просто выгоняли на поле, а потом шли в лес собирать землянику или просто спали где-нибудь в траве. Потом они приходили в скит, брали машину (старенькую скитскую семерку) и гоняли на ней по окрестным полям, разыскивая стадо, чтобы успеть пригнать коров к дневной дойке.

С Пантелеимоной мы прекрасно ладили. Когда семинаристы стали помогать мне пасти, у меня появилось свободное время, а у Пантелеимоны появились деньги. Эти деньги она насобирала на православной ярмарке в Питере, куда ездила от Свято-Никольского монастыря. Деньги она собирала на наш детский приют «Отрада», как благословила Матушка — люди охотно жертвовали «деткам». Деньги Пантелеимона отвезла матери Николае в монастырь. Матушка благо-

словила эти деньги потратить на сестер скита, так как содержать нас обязан был наш монастырь, а не епархия. Приют в то время в деньгах не нуждался. Пантелеимона решила пустить их на ремонт дома, где мы жили. Все лето мы делали ремонт: клеили новые обои, утепляли стены и полы, красили, штукатурили. Мы даже сами отреставрировали и покрыли лаком нашу древнюю мебель. Дом стало не узнать: до чего он стал красивым и уютным! Вокруг мы разбили множество клумб. Нам пожертвовали несколько ящиков полусухой рассады, которая у нас буйно разрослась и зацвела. У меня на коровнике родились три теленка разных цветов. Они были такие славные, что деревенские дети приходили с ними побегать и поиграть. Часто митрополит Климент привозил к нам своего внучатого племянника Алешу. Это был довольно смышленый мальчик лет семи, очень активный и непоседливый. Его к нам привозили на несколько дней, чтобы его мама, у которой было еще четыре сына, могла отдохнуть. Присматривать за Алешей должен был специально к нему назначенный в няньки семинарист Ваня. Их селили в мою келью, она была самой большой, а я в это время жила у Гали. Ваня старался использовать эту командировку, чтобы отдохнуть и как следует выспаться, а Леша все время был со мной. Ему очень нравились животные, особенно коровы. Мы вместе с ним ходили на каждую дойку. Особенно ему нравилось кормить телят. Для этого в ведерко наливалось свежее молоко, куда нужно было опустить руку и дать теленку палец, который он сосал, и таким образом пил. Потом вечером Ваня, зажав нос и отойдя на безопасное расстояние, отмывал визжащего Лешу от грязи и навоза из огородного шланга. Однажды, когда мы вместе с сестрами красили в нашем доме полы,

Леша неожиданно сказал: «А у матери Марии такие красивые глаза, прямо как у коровы». Эти «коровьи глаза» мы еще долго потом вспоминали со смехом.

Еще у меня на коровнике развелись ласточки. Это было настоящее чудо. Две ласточки вылепили гнездо прямо внутри, на одной из стен стойла. Их совершенно не смущало ни наше присутствие, ни топот и мычание коров, ни даже шум от доильного аппарата. Залетали они в окно, которое я не закрывала, и часто сидели, качаясь, даже на проводе этого самого доильного аппарата. Гнездо было так низко, его можно было достать рукой, а встав на деревянную перегородку стойла, можно было заглянуть внутрь и наблюдать, как постепенно растут пять птенцов. Потом было настоящее представление для всех сестер скита, когда эти выросшие птенцы учились летать и ловить мошек прямо в коровнике, качаясь на проводах и шлепаясь на подоконник.

ЕЩЕ У МЕНЯ НА КОРОВНИКЕ РАЗВЕЛИСЬ ЛАСТОЧКИ. ЭТО БЫЛО НАСТОЯЩЕЕ ЧУДО

Однажды от нас чуть не ушла Галя. Она была «огородницей», то есть отвечала за наш огромный огород, где мы выращивали овощи для епархии и для себя. Там всегда было очень много работы, Галя не успевала даже ходить на службы, все время была за-

нята прополкой и поливом. Галя просила у Пантелеимоны помощи, та в свою очередь звонила постоянно в епархию и выпрашивала еще семинаристов, которых давали неохотно. Как-то однажды Галя не выдержала и решила уйти. Она собрала свои вещи в огромный чемодан на колесиках и собралась домой. Помню, как она в гневе катила этот чемодан по дороге через поле, а мы бежали рядом и пытались ее уговорить остаться. Поздно вечером того же дня Галя молча прикатила этот чемодан обратно к себе в келью, а утром снова вышла на огород.

Еще была одна история, очень похожая на чудо. Мы как раз делали ремонт в трапезной, красили полы. Старую краску мы отодрали специальной машинкой, которую взяли напрокат, потом покрасили пол в очень приятный коричневатый цвет и покрыли слоем лака. Нужно было положить еще один слой лака, потому что первый впитался полностью, но лак был дорогой, а денег у нас уже не осталось. Пантелеимона распорядилась уже заносить мебель, а я пыталась ее убедить, что в таком виде пол оставлять нельзя, одного слоя мало. Было жалко оставлять пол так: без хорошего слоя лака краска быстро могла стереться. Мы спорили, она говорила, что нужно еще десять-одиннадцать тысяч рублей на лак, а у нас их нет. Я попросила ее не ставить мебель, подождать еще один день. Так и сказала: «Вот увидишь, завтра у нас будут деньги». Она согласилась подождать день, но вечером уже поставить мебель, если ничего не произойдет. Я думала попросить денег у отца Стефана в храме: его прихожане иногда нам помогали. На следующий день, в воскресенье, я всю службу так и молилась: «Матерь Божия, пошли нам денег на лак».

Я была уверена, что в таком богоугодном деле, как ремонт скита, Господь просто был обязан нам помочь. Отец Стефан посочувствовал, но, видимо, ничего не мог для нас сделать. Денег так и не было, и мне было грустно. Вечером во время дойки ко мне зашла Пантелеимона и как-то смущенно сказала:

— Наташа купила лак. Завтра будем красить.

— А откуда деньги?

— Мне в храме дала Нина Алексеевна. Пятнадцать тысяч.

Эта женщина иногда нам помогала, но такую крупную сумму она пожертвовала впервые.

В Рождествено нас застал второй приезд Патриарха Кирилла в Калужскую епархию. Патриарх должен был служить в Троицком соборе в Калуге, а потом был прием в епархии по этому случаю. Готовить праздничную трапезу было поручено сестрам нашего монастыря. Мать Николая всегда сама занималась организацией и подготовкой епархиальных торжеств, даже на день ангела митрополита Климента каждый год всю трапезу готовили сестры из Малоярославца. Иногда им помогали сестры из Казанского девичьего монастыря.

Подготовка шла полным ходом. Когда мы привозили из Рождествено в епархию овощи и молоко, мы заходили на кухню, где почти все сестры Свято-Никольского монастыря целыми днями готовились к этому приему. Их привозили на автобусе утром, а поздно

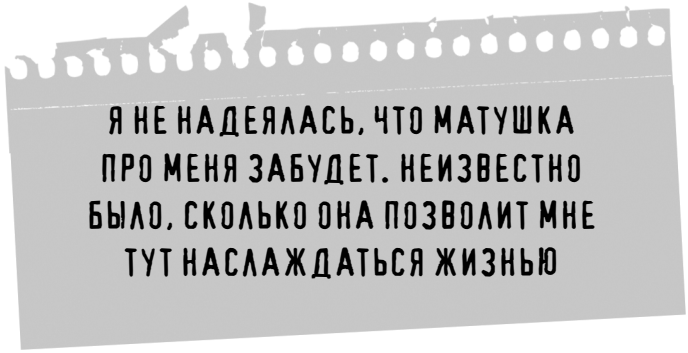
вечером забирали. Весь день без отдыха они были на кухне. Нашему скиту тоже дали ответственное задание набрать большую корзину белых грибов. Матушка хотела преподнести Патриарху такой подарок. Нам дали четыре дня срока. Грибов в тот год не было, особенно белых. Иногда нам попадались белые грибы, но это было очень редко. Мы начали поиски, объехали все грибные места, но нашли всего несколько штук. Пантелеимона обзвонила всех своих знакомых, которые тоже подключились к этому заданию. Четыре дня мы только и делали, что ездили за грибами. Прихожане нашего храма тоже стали нам помогать: кто поехал собирать в лес, а кто-то просто на рынок. Кажется, в эти дни мы только и думали и говорили, что о белых грибах. В итоге мы набрали большую корзину отборных грибов, и еще осталось ведерко «некондиции» нам на суп. Мы с гордостью привезли эту корзину Матушке, она как раз была в епархии. Сестры на кухне не могли поверить, что мы насобирали столько грибов, хотя из всей этой корзины мы сами набрали немного, а лично я вообще не нашла ни одного. Потом оказалось, что Матушка решила подарить Патриарху какую-то картину, а наши грибы так и не пригодились.

...39

Я не надеялась, что Матушка про меня забудет. Неизвестно было, сколько она позволит мне тут наслаждаться жизнью. В то, что она просто оставит меня

в покое, я не верила: не такой это был человек. Свято-Никольский монастырь казался мне подобием ада на земле — это, пожалуй, самое последнее место, где бы я хотела оказаться. Для меня даже ад был лучше — там хотя бы можно не врать. В Рождествено мне очень нравилось: даже несмотря на тяжелые труды, нигде еще я не чувствовала себя так хорошо и радостно. Я решила просто положиться на волю Божию и жить сегодняшним днем. В конце лета я, помогая Гале на огороде, нашла маленький нательный серебряный крестик. Я подняла его, опросила всех: никто крестик не терял. Тогда я решила, что этот крест Господь послал мне. Крест — значит, испытания, это всем понятно. Мне казалось, что таким образом Господь дал мне самой выбирать, когда эти испытания должны начаться: стоит только надеть крестик. Он лежал у меня на полке с иконами и ждал, а меня мучила совесть, что я по малодушию отвергаю то, что послал мне Господь. Было страшно надеть его: так не хотелось никаких перемен. Тогда я, по своему обыкновению, решил решила узнать через Евангелие, чего мне ожидать в ближайшее время. Я помолилась и открыла наугад. Удивительно. Мне попалось место из Евангелия от Луки, где Господь цитирует пророка Исаию, одно из моих любимейших мест в Писании: «Дух Господень на Мне, Егоже ради помаза Мя благовестити нищым, посла Мя изцелити сокрушенныя сердцем, проповедати пленным отпущение и слепым прозрение, отпустити сокрушенныя во отраду, проповедати лето Господне приятно». На мой взгляд, это самое утешительное, что я могла найти. Я решила довериться Богу до конца — и будь что будет. Повесила этот крестик на шею, рядом с моим, и стала ждать.

Долгое время все шло как обычно. В начале осени к нам из монастыря прислали инокиню Ксению. Она провинилась тем, что у нее в кармане нашли обертку от мороженого. Ксения утверждала, что этот фантик ей подкинули злопыхатели, никто так и не добился от нее вразумительного объяснения этому происшествию. Ксению я знала не очень хорошо, в монастыре мы редко пересекались на послушаниях. Здесь мы с ней начали общаться, она заходила ко мне поболтать, мы менялись книгами и ходили за грибами. Однажды вечером ко мне на коровник зашла Пантелеимона с серьезным видом и сказала, что ей нужно со мной поговорить. Мы вышли, и она сказала:



— Хочу тебя предупредить: будь осторожна с Ксенией.

— А что с ней не так? По-моему, она вполне нормальная.

— Я ее знаю уже двенадцать лет. Более двуличного человека я не встречала. Матушка специально ее прислала, чтобы все тут высмотреть и написать.

— Но она говорит, что терпеть не может тех, кто пишет.

— А сама пишет, и еще как. И за это Матушка ей все прощает и позволяет. Думаешь, Матушка не знает, что у нее мужик есть в деревне?

— Это на голубом «уазике»? Знакомый просто, никакой это не мужик.

— Да они уже не первый год встречаются, когда она здесь бывает. Он к ней и в больницу приезжал, когда она там с пневмонией лежала, привозил ей подарки.

— Да ну, не верю я во все это.

— Ну и не верь. А я тебя предупредила: ничего ей не рассказывай, а главное — не ругайся с ней, иначе пожалеешь.

Мне трудно было поверить, что можно, будучи инокиней, встречаться с мужчиной. Хоть я и видела, что голубой «уазик» приезжает почти каждый день на поле, где мать Ксения пасет коров, но я предпочла думать, что они просто дружат. Мать Ксения тоже говорила, что Володька — небольшого роста мужичок лет сорока пяти с большими задумчивыми глазами — ее друг. Мать Ксения несколько раз просила его помочь нам в хозяйстве: заколоть телку, прибить вагонку в прихожей, починить трактор, он всегда соглашался и помогал. На нее он смотрел с большим удовольствием, даже восхищением, делал все, что она просила.

Как-то в воскресенье Пантелеимона, мать Матрона и Галя с Наташей уехали в монастырь, там был очередной «матушкин» праздник, на который обязательно нужно было явиться с букетом и подарками. Я, мать Евфрасия и мать Ксения остались в скиту. Мать Ксения не ходила на наши службы, все уже к этому привыкли, поэтому мы с Евфрасией пошли служить, а Ксения осталась у себя в келье. На улице шел проливной дождь, коровы стояли дома. В середине повечерия я вышла к себе за нотами. Пока искала ноты, посмотрела в окно. Там была странная картина: под проливным дождем мать Ксения изо всех сил катила за ворота тачку, груженную мешками с комбикормом. Я поняла, куда она это везет. Несколько дней назад к нам заходила «бабка», так мы ее звали, наша соседка, и просила продать ей комбикорма. Пантелеимона отказала, потому что у нас самих было немного. Мать Ксения с этой соседкой общалась. Ясно было, что она сама решила «толкнуть» комбикорм. Я подождала, пока Ксения вернется, потом одела дождевик, взяла тачку и пошла к «бабке». Бабкины ворота были открыты, а мешки лежали под деревом, укрытые пленкой. Я погрузила их на тачку и повезла обратно на коровник. Я надеялась тихонько вернуть комбикорм в коровник, чтобы никто ничего и не понял. Тут выбежала «бабка» и начала проклинать меня и мою жадность. Деньги Ксении она уже заплатила, хотя знала, что та не отдаст их в общую казну. Она бежала за мной до самого коровника, осыпая проклятиями. Ксению мы в тот вечер не нашли, она ушла в деревню к своему другу и позвонила оттуда в монастырь Матушке. На следующий день меня вызвали к игумении.

...40

Я приехала в монастырь, готовая ко всему. Чтобы не бояться Матушки и позорно не трястись в ее присутствии, я выпила несколько успокаивающих таблеток. В это время Матушка как раз была у себя в игуменской. Там же я увидела мать Серафиму, мать Селафиилу, мать Елисавету и еще нескольких сестер. Когда я вошла и встала на колени перед Матушкой, она сразу спросила меня:

— Ну что, Маша, у вас там с Пантелеимоной? Шашни крутите? Дружбочки?

Я сначала не поняла, о чем речь, но потом до меня дошло, что именно Ксения сказала Матушке.

— Да, Матушка, мы общаемся, она же старшая.

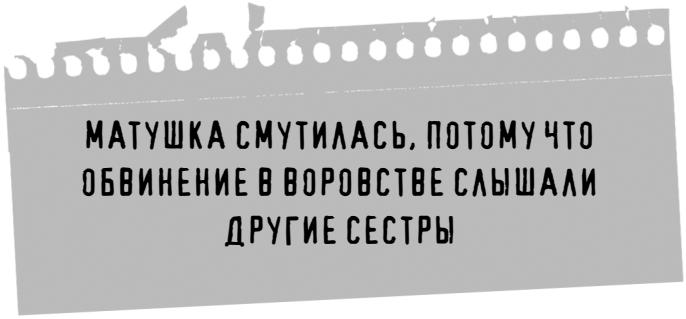
— Лучше бы помыслы писала своей старице, чем непонятно с кем общаться. (Напомню, что «старицей», то есть старцем без бороды, мать Николая называла себя.)

Я подумала, что лучшая оборона — это нападение:

— Матушка, что благословите делать? Мать Ксения ворует с коровника комбикорм и продает его в деревню.

Матушка смутилась, потому что обвинение в воровстве слышали другие сестры. Она начала тихим го-

лосом объяснять мне, что Ксения не совсем в своем уме, блаженная, подвижница, ее поступки нам нельзя критиковать. Даже если она ворует — это часть ее подвига: если ее этого лишить — она погибнет. Чтобы я не сказала еще чего, Матушка предпочла меня срочно отослать обратно в Рождествено.



Ксения больше не разговаривала ни со мной, ни с Пантелеимоной, которая тоже отчитала ее за эти мешки и запретила ходить к Володьке. Ксения стала общаться с Наташей, хотя до этого говорила про нее гадости. Не знаю, что они вдвоем писали Матушке, но та звонила чуть ли не каждый день Пантелеимоне на мобильный и ругала ее и меня за то, что мы якобы состоим в блудных отношениях друг с другом. Никакие доводы не помогали: Матушка указывала на то, что два человека (Ксения и Наташа) пишут об одном и том же. То, что они могли договориться, в расчет не принималось. Матушке такой поворот событий был на руку: нужно было доказать, что от долгой жизни в скитах люди развращаются, а не спасаются. И еще это был повод вернуть меня обратно в монастырь. Ей не давало покоя то, что я по своей воле уехала в этот скит: она грозилась забрать меня обратно.

В разгар этих событий к нам в скит приехал батюшка Афанасий. Он ездил на Афон (его чада часто возили его в паломнические поездки). Батюшка был отдохнувший и довольный. Он знал, что у меня проблемы. Мы уединились с ним в гостевой келье и проговорили, наверное, больше двух часов. Я говорила, что Матушка хочет вернуть меня в монастырь, но я вернуться не могу. Остаться здесь я тоже не могу, потому что хоть это и епархиальное подворье, сестры находятся в послушании у матери Николаи и она вольна делать с ними все, что угодно. Домой поехать я не могу, потому что мне хочется все-таки жить по-монашески. Я просила Батюшку поговорить с матерью Николаей, попросить ее оставить меня в покое, позволить жить здесь. Батюшка сказал, что этого он сделать не может. Может быть, он просто не хотел вмешиваться во все это. Он советовал мне слушаться Матушку, читать святых отцов, больше молиться и уповать на Бога. Все как всегда. Батюшка подарил мне коробочку ладана и уехал, а на следующий день, вечером, мать Николая благословила мне вернуться в монастырь с покаянием, как блуднице.

...41

Мне это благословение передала Пантелеимона. Я ответила, что в монастырь я не вернусь, это просто невозможно. Она уговаривала меня не делать глупостей и послушаться. Я ушла к себе, села на кровать и начала думать, что же делать дальше. Нервы сдавали,

меня всю трясло, даже до спазмов. Я выпила две таблетки феназепама, чтобы заснуть, но они не помогли. Я выпила еще две, заснула, но через несколько часов проснулась в ужасе. Все тело сводили нервные судороги, голова раскалывалась, сердце оглушительно стучало. Я выпила корвалол и еще две таблетки феназепама.

Очнулась я в машине, меня куда-то везли. Я опять вырубилась, помню только, как обнаружила себя лежащей на спине на чем-то твердом. Кто-то хлопнул меня по щеке, потом я почувствовала, как ни с того ни с сего меня сильно ущипнули за грудь. Было больно, но я не смогла даже открыть глаза. Стало ясно, что это больница, я хотела сказать что-то, но не могла. Я слышала, как рядом Пантелеимона объясняла, что нашла у меня таблетки и что она не знает, сколько точно я выпила. Я пыталась сказать, что выпила совсем чуть-чуть, что это все просто ерунда, но не могла даже пошевелиться. Потом меня повезли в реанимацию, и там доктор начал приводить меня в чувство. Я слышала каждое его слово, но не могла не то что говорить, даже открыть глаза. Слышала, как говорили, что монашка напилась таблеток. Как-то очень оперативно и совсем не больно промыли желудок. Я только услышала, как доктор сказал:

— А, таблеточки.

Потом он пытался найти у меня вену, чтобы поставить капельницу. Вены у меня вполне нормальные, никогда с ними проблем не было, а тут они, видимо, на нервной почве все исчезли. Он не смог уколоть даже в ногу. Пришлось поставить подключичный

катетер. Глаза я не открывала, поэтому подумала: «Конечно, как можно найти вену в такой темноте?». Потом какая-то женщина строгим голосом все в той же кромешной темноте расспрашивала меня, почему я напилась таблеток. Я только плакала и несла какую-то бессвязную чушь. Слезы лились ручьем, я почувствовала, как кто-то стал вытирать их тряпочкой.

Полностью в себя я пришла только вечером в палате. Бабушка-санитарка принесла мне халат и рубашку. Вся больница уже знала, что утром привезли монашку, наглотавшуюся таблеток, ко мне подходили незнакомые люди и пытались утешать. На следующее утро приехала Наташа и привезла мне паспорт, подрясник, апостольник, куртку и пачку печенья. В кармане подрясника я нашла телефон и немного денег. Позвонила Пантелеимоне, оказалось, это все передала она. Она сказала, что Матушка выгнала меня из монастыря, потому что я якобы специально напилась таблеток, чтобы скомпрометировать монастырь.

Ближе к вечеру Пантелеимона мне позвонила и сказала, что днем Матушка провела занятия с сестрами, на которых говорила, что я ни в чем не виновата, а все это придумала и подстроила Пантелеимона. Ее теперь везли в монастырь на духовный собор. Интересно, как все поменялось. Теперь я была жертвой интриг Пантелеимоны против игумении.

Духовный собор — это отдельная история. Это такая имитация демократии в монастыре, вроде как важные вопросы решает не одна игумения, а собор старших сестер. Потом Пантелеимона мне расска-

зала, как это происходило. Ее поставили перед Матушкой и сестрами. Матушка рассказала всем, что Пантелеимона и я состояли в блудной связи, то есть были лесбиянками. Это была Матушкина излюбленная тема на все случаи жизни. От этой страсти я потеряла голову и напилась таблеток, но во всем виновата была совратившая меня старая лесбиянка Пантелеимона. Были вызваны свидетели: мать Ксения, мать Евфрасия и Наташа. Они все в один голос уверяли, что не раз видели нас вдвоем. Они не утверждали, что видели какие-то конкретные лесбийские действия, но все же мы общались, а один раз даже вместе жгли костер. «Ну да, сжигали мусорную кучу», — поправила Пантелеимона, но ее никто не слушал. Потом голос получили старшие сестры, которые тоже внесли свою лепту унижения и оскорблений. Пантелеимону даже обвиняли в блудных пристрастиях к молоденьким семинаристам, по этому поводу даже было проведено небольшое расследование, хотя непонятно было, как это сочеталось с ее «лесбийскими» наклонностями. Длились эти разборки больше двух часов. Пантелеимону раздели, лишили причастия, старшинства и перевели на покаяние в коровник под руководство матери Вероники. Она назначалась старшей в Рождествено. Вероника была тоже «мамой», и ее отправляли в Рождествено за провинности ее дочки. Монахиня Вероника была одной из самых грозных и суровых монахинь, она и внешне была похожа на здорового мужика с грубоватыми манерами и низким басовитым голосом. Раньше она работала в торговле, потом, по благословению духовника, с маленькой дочкой пришла в Малоярославец. Вероника прославилась в монастыре своими аскетическими

подвигами: все знали, что ночью она не спит, а молится, а если и засыпает, то сидя за столом с четками в руках. Днем она часто засыпала, прямо стоя на клиросе, но при этом не падала, а продолжала петь свою партию. С младшими по чину сестрами она была сурова и непреклонна, а со старшими проявляла вежливость. Она настолько сильно была привязана к Матушке, что, правда, готова была порвать на куски любого, кем игумения была недовольна. На Пантелеимону она уже смотрела как на врага народа, который по справедливости подлежит уничтожению.

ДУХОВНЫЙ СОБОР — ЭТО ОТДЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ. ЭТО ТАКАЯ ИМИТАЦИЯ ДЕМОКРАТИИ В МОНАСТЫРЕ

После всего этого разбирательства мать Николая сказала, что если Пантелеимона с чем-то не согласна, она может уйти. При этом она добавила: «Если уйдешь, уходи так далеко, чтобы я даже не знала, где ты». Пантелеимона не раз была на таких соборах, но тут ее обвиняли в таких мерзостях, что она не выдержала и решила уйти. Тем более, рассчитывать на спокойную жизнь под началом матери Вероники не представлялось возможным. Она собрала ночью вещи, позвонила Геннадию, нашему сторожу, и попросила отвезти ее к дочери в Козельск. Он согласился

помочь. Никто даже не услышал, как она уехала. Позвонила она мне уже из Козельска.

Когда я узнала, что она ушла, я очень обрадовалась, что я теперь не одна. Обо мне в больнице никто не вспоминал, поэтому я тоже попросила Геннадия забрать меня и отвезти в скит. Когда я вошла в дом, сестры во главе с матерью Вероникой сидели за столом, была трапеза. На меня посмотрели так, как будто я воскресла из гроба. Все молчали. Я тоже молча села за стол и начала есть со всеми. Вероника встала и пошла звонить Матушке, чтобы спросить, что ей теперь со мной делать. Поговорив по телефону, она подошла ко мне и спросила меня о моих планах. Я сказала, что поеду к батюшке. Она снова пошла звонить. Потом сказала мне, что я должна сдать форму, всю одежду и обувь, которую мне выдали в монастыре.

После трапезы я пошла к себе собирать вещи. Я позвонила маме, но она была за границей и не могла приехать за мной. Она попросила забрать меня моего дядю. Пока я собирала вещи, ко мне зашла Галя и с большим сочувствием уговаривала меня не делать глупости — не уходить из монастыря. Зашла и мать Матрона — принесла мне пакет яблок в дорогу. Потом пришла мать Вероника. Она забрала мою форму и посмотрела на мои сумки и коробки:

— И что, это все твое?

— Да, это мои вещи, всю одежду мне привозила мама, можешь проверить, монастырского тут ничего нет.

Она стала распаковывать коробки и открывать сумки. Обыскав весь мой багаж, она успокоилась и вышла. Приехал дядя Володя, мы с ним загрузили мой скарб в машину и поехали в Оптину пустынь к отцу Афанасию, у которого я хотела спросить, как мне жить дальше.

В Оптину мы с дядей приехали уже поздно вечером. Мы зашли в Казанский храм — там как раз пели полиелей. Мы тоже подошли на помазание и достояли службу почти до конца, а потом я позвонила батюшке Афанасию. Он уже обо всем знал от матери Николаи. Мы встретились с ним возле скитских ворот, и он повел нас в домик старца Льва: его отреставрировали и теперь принимали там гостей, потому что он был не на территории скита. Батюшка показал мне комнату, где я могла пожить, пока не решу, куда мне ехать дальше. Дядя хотел было ехать домой, но я уговорила его переночевать здесь, была даже свободная комната. Мы втроем сели пить чай.

Чай затянулся до двух ночи. Мы с батюшкой спорили, а дядя Володя слушал: ему, как верующему человеку, все это было интересно. Я пыталась доказать батюшке, что все то, что мать Николая выдает за высокую духовную монашескую жизнь — это видимость, красивая упаковка, под которой скрываются всего лишь ее корыстные интересы, непомерное властолюбие и гнусные методы контроля и подавления людей. Любая власть над людьми, когда она становится абсолютной и никем не контролируемой, чревата злоупотреблениями, тем более если эта власть в руках человека не духовного и святого, а страстно-

го, властного и беспринципного. Я рассказывала батюшке про всю эту жуткую систему доносов и слежки, наказаний и привилегий, лжи и притворства. Все эти методы, которыми Матушка пользуется для контроля власти, используют секты и всякого рода мошенники. И вообще, как она может называть себя «старицей», говорить, что сам Господь и Его Пречистая Матерь возвещают свою волю ее устами, если сама не имела даже опыта монашеской молитвенной жизни?

У батюшки на все мои аргументы были ответы. Ничем невозможно было его смутить. Не получается жить в монастыре — значит, плохо слушаешься, не смиряешься. Не нравится Матушка — укоряй себя за это, говори себе, что другой игумении не достойна по грехам. Не нравится устав монастыря — терпи и смиряйся, получишь прощение грехов и награду на Небесах. Доносы, ябеды и интриги — это совершенно нормально для любого коллектива, особенно женского. Нету сил терпеть — молись, проси Бога, и Он поможет. На любое мое недоумение он отвечал красивыми фразами, сдобренными, как солью, цитатами из книг. Мне было интересно, что обо всем этом подумал мой дядя: он все это время внимательно слушал. Утром дядя Володя уехал очень рано, часов в пять, я еще спала. Через несколько дней он позвонил мне и сказал:

— Маша, я думал над всем этим, о чем мы говорили. Вот, ты обвиняешь во всем игумению. Ты знаешь, ведь в свое время все обвиняли Сталина во всех зверствах, которые происходили в стране. Ну а кто же тогда написал четыре миллиона доносов?

...42

Я провела в Оптиной дней десять: ходила на службы, гуляла, думала и общалась с отцом Афанасием. Он почти каждый вечер после службы заходил ко мне в домик, беседовал со мной. Батюшка говорил мне, что я должна покаяться, признать свою вину, исповедаться. У меня не получалось. Не получалось почувствовать себя виноватой, даже когда я пыталась исповедаться, не получалось во всем обвинять себя. Как-то он сказал, что мать Николая предложила мне, если я не хочу возвращаться в Малоярославец, поехать подвизаться в монастырь в Вятку в Кировской области. Я знала это место: игуменией там была мать Феодосия, сестра из Малоярославца, а сам монастырь был полностью под руководством матери Николаи, один из клонов Свято-Никольского монастыря. Там все делали с матушкиного благословения, по сути, это был ее скит. Я просто рассмеялась такому предложению. Опять попасть в лапы матушки Николаи совсем не хотелось. Я хотела поехать в небольшой скит, наподобие Рождествено, и попросила батюшку найти мне такое место.

Пантелеимона жила у дочки в Козельске. Они вчетвером — Пантелеимона, Лена, ее муж и годовалый сын — жили в одной комнатке в военном общежитии. Пантелеимона приезжала на службы в Оптину, и мы виделись почти каждый день. Один раз она попросила меня съездить с ней в Калугу к зубному. Когда мы шли по Калуге в поликлинику, на дороге нам встретилась Наташа из Рождествено. Она оглядела

нас и молча пошла дальше. Вечером ко мне зашел батюшка и как бы между делом спросил:

— А где сейчас Пантелеимона?

— В Козельске у дочки.

— Вы общаетесь?

— Иногда. А что?

— Ничего. А сегодня вы виделись?

Он так серьезно посмотрел на меня, что я спросила:

— Батюшка, вы тоже верите во все эти гадости, которые распространяет мать Николая? Вы же меня знаете давно!

Я не знала, что сказать еще. Иной раз очень тяжело доказать, что ты не верблюд. Я уже не стала ему говорить, что мы не просто общаемся, Пантелеимона даже несколько раз оставалась ночевать в этом домике на свободной кровати, чтобы лишний раз не стеснять дочку с зятем.

Когда стало ясно, что я не собираюсь возвращаться в Малоярославец, батюшка подыскал мне место для дальнейших подвигов. Это было в тридцати километрах от Оптиной. Место называлось Ильинское, там в XVI–XVIII вв. был Свято-Успенский Шаровкин монастырь. Сейчас от этого монастыря остался только Успенский храм с огромной прилегающей территорией. В этом храме по воскресеньям была литургия,

приезжал служить отец Павел из Калуги. Рядом, по благословению старца Илия (Ноздрина), было построено несколько деревянных домиков, где жила монахиня Ксения, постриженная отцом Илием. По благословению отца Илия и на его средства мать Ксения пыталась создать монашескую общину, а в будущем и возродить монастырь на этом месте. Но уже много лет у нее это не получалось — никто здесь не мог удержаться. По словам батюшки Афанасия, место это было пустынное и уединенное. Я поняла, что это именно то, что нужно: пустыня, как я люблю, деревня, уединение. Я созвонилась с матерью Ксенией и поехала в Ильинское. Место и правда было настолько пустынным, что туда не было проложено даже нормальной дороги. Просто нужно было ехать через поле и бурьян по грязи. Во время дождя проехать не было никакой возможности. Такой запущенности я тоже еще нигде не видела. Сухой многолетний бурьян рос повсюду, почти закрывая собой первый этаж храма, подходя к самым стенам, кругом валялся строительный мусор, бутылки, камни, доски. Храм, когда-то оштукатуренный, теперь стоял весь обсыпавшийся, в дырах и трещинах, как скелет, с протекающей крышей и осыпающимися стенами. На колокольне не было крыши, только трава и мелкие деревца, произрастающие из всех трех ярусов. Рядом с храмом в высоком бурьяне стояли небольшие срубы, как бани. В одном из них жила мать Ксения с внуком и послушницей Надеждой. Матери Ксении было на вид лет шестьдесят. Одета она была не по-монашески, а просто — юбка, свитер, пестрый платок, повязанный под подбородком, как носят бабушки. Она была довольно крупная, даже полная, но очень бойкая, с шустрыми черными глазками и большим

мясистым носом. Она без умолку говорила, шутила, смеялась, много рассказывала о своей нелегкой жизни и о том, как она в одиночку вот уже шесть лет восстанавливает этот храм. Когда я ей рассказала, что я из Свято-Никольского монастыря, Ксения удивилась: «Да как тебя туда занесло! Это же концлагерь, а не монастырь!». Про мать Николаю она много слышала, что та издевается над сестрами, имеет огромную власть над митрополитом и все в Калужской епархии ее боятся. Попутно она травила анекдоты и всякие истории, часть из которых она слышала, а часть придумывала на ходу. Ксения показала мне один из домиков, где предложила поселиться: деревянный сруб, состоящий из одной комнаты с печкой посередине, двумя кроватями и столом. Я сказала, что у меня есть знакомая, инокиня Пантелеимона, которой негде жить. Ксения была не против, чтобы приехала и она.

Пантелеимоне я сказала, что нашла замечательное место в деревне, что это не монастырь, а небольшая община. Идти ей было некуда: в квартире в Тульской области, где она жила раньше, теперь жила ее сестра с детьми и мама. Дочь была в общежитии. Пантелеимоне ничего не оставалось, как поехать со мной.

Заселились мы в этот маленький сруб с печкой и начали подвизаться. Вначале все было очень хорошо, я даже думала, что нашла наконец место, где смогу спокойно жить в молитве и трудах. Жили мы просто, почти как древние подвижники: утром я с 6.30 топила печку в храме, где мы в 8.00 читали утреннее правило: полунощницу, утреню и часы с изобразительными. Потом мы готовили трапезу, кушали, слушая душеполезные чтения святых отцов, убирались

и шли на свои послушания. Пантелеимона была келарем и поваром, а я занималась храмом и территорией: разгребала потихоньку завалы, косила триммером засохший бурьян, носила дрова и уголь. Надя вышивала бисером или делала что-то по хозяйству, а мать Ксения занималась с внуком уроками или ездила по делам. Вечером мы читали в храме вечерню, повечерие и акафист. Иногда по праздникам мы ездили в Оптину или в Шамордино.

КОГДА Я ЕЙ РАССКАЗАЛА, ЧТО Я ИЗ СВЯТО-НИКОЛЬСКОГО МОНАСТЫРЯ, КСЕНИЯ УДИВИЛАСЬ: «ДА КАК ТЕБЯ ТУДА ЗАНЕСЛО! ЭТО ЖЕ КОНЦЛАГЕРЬ!»

Официально на этом месте не было монастыря, был только приходской храм, где отец Павел был настоятелем. Батюшка не вмешивался ни в какие дела, приезжал только раз в неделю на службу и сразу же уезжал, а всеми делами храма заведовала мать Ксения. Она вела себя как полноправная владелица этого места и как игумения будущего монастыря, хоть пока здесь было только три послушницы. Все средства, которые прихожане и паломники жертвовали на восстановление монастыря, проходили через нее.

В одном из домиков, как я потом узнала, жила еще одна монахиня и тоже чадо старца Илия — мать

Александра. С ней мать Ксения не общалась, она даже не пускала ее к себе в дом и на наши службы, а только рассказывала про нее разные истории, выставляя ее сумасшедшей и опасной. Нам она тоже не рекомендовала общаться с этой «бабкой». Мать Александра, в свою очередь, говорила, что ее отец Илий послал сюда вместо матери Ксении, которая, по ее словам, не справлялась со своими обязанностями. Мать Александра тоже считала себя будущей игуменией и старалась собрать вокруг себя общину, но пока у нее не было ни одной послушницы. Нам было непонятно, кто же из них двоих истинное чадо старца Илия, которое он сюда послал на игуменство, но потом оказалось, что он благословил на этот пост и ту и другую, не сильно задумываясь о последствиях.

Пару месяцев мы жили этой спокойной и простой жизнью, пока в один прекрасный день после службы к нашему храму не подъехала машина, из которой вышли наши старые знакомые: монахини Михаила и Параскева. Это были сестры Свято-Никольского монастыря, особо преданные матушке Николае. Они были старшими: Михаила в скиту в Гремячево, а Параскева — в Ждамирово. Сестры были одеты во все парадное: рясы, клобуки, мантии. Даже необычно было видеть такое великолепие в нашей глуши. Они молча прошли мимо меня и направились в домик к матери Ксении. Интересно, что та уже знала об их приезде. Для меня тогда было непонятно, как могла мать Николая узнать о нашем с Пантелеимоной местонахождении и прислать сюда своих лучших подопечных. Батюшка потом мне сказал, что он и не думал скрывать от матери Николаи, куда он нас отправил. У Ксении они провели более двух часов:

пили чай и общались. Мать Ксения не рассказала, о чем они разговаривали, но дала понять, что разговор шел обо мне и Пантелеимоне. С этого дня спокойная жизнь для нас закончилась. Отношение Ксении к нам стало не просто прохладным, она начала нас бояться, как будто мы были какие-то прокаженные или бесноватые. Теперь по большим праздникам Ксения стала ездить в Малоярославец к игумении Николае. По приезду она с блеском в глазах рассказывала о том великолепии и почестях, которыми окружена Николая. Ксении тоже захотелось создать такой монастырь, нужно было только набрать послушниц. Отец Афанасий прислал Ксении двух молоденьких девушек лет двадцати — Ксюшу и Машу. Еще один друг-иеромонах прислал пожилую, но очень деятельную послушницу Татьяну. Теперь нас уже было шестеро. Мать Ксения стала часто вывозить нас по монастырям и разным отцам, представляя нас не иначе, как Успенский Шаровкин монастырь, а себя стала именовать, естественно, игуменией Ксенией. Она возила нас даже к старцу Илию, который все это благословил. Это было бы еще куда ни шло, но Ксения стала действительно верить в то, что она теперь игумения и властительница душ. Она стала во всем копировать мать Николаю, даже употребляла ее выражения, как то: «Исполни или отойди!» От нас теперь требовались подобострастное послушание и безропотное поклонение. Ко всему этому, Ксения начала прятать от нас продукты, закрывать дом, чтобы мы не могли даже зайти поесть: она говорила, что у нее нет средств содержать нас, а питаться нам теперь следует за свой счет. Все это было мне уже хорошо знакомо, и я могла себе представить, каким маразмом все это закончится.

БАТЮШКА ОПЯТЬ СТАРАЛСЯ ВЫГОРОДИТЬ МАТЬ НИКОЛАЮ. МНЕ ОН ПРЕДЛОЖИЛ СРЕДСТВО ОТ ВСЕХ БЕД: ВО ВСЕМ ВИНИТЬ ТОЛЬКО СЕБЯ И КАЯТЬСЯ. ЭТО БЫЛ НАШ С НИМ ПОСЛЕДНИЙ РАЗГОВОР

Я поехала в Оптину и рассказала обо всем этом отцу Афанасию. Мы говорили с ним долго, я рассказала ему, как приезжали сестры из Малоярославца, и как снова мать Николая со своими интригами и гадостями вмешалась в мою жизнь, и что теперь уже и отсюда мне придется уехать. Батюшка опять старался выгородить мать Николаю, даже несмотря на то, что она совершила такой низкий и подлый поступок, он говорил, что все это она сделала для моего же блага. Мне он снова предложил средство от всех бед: во всем винить только себя и каяться. Это был наш с ним последний разговор. После этого я, что называется, прозрела. Мне казалось раньше, что отец Афанасий заботится о моем спасении и что ему не все равно, что со мной происходит: я видела в нем и духовного отца, и близкого друга. Это был человек, которому я доверяла всецело. Я действительно не видела, что все эти семь лет он только играл эту роль, играл ее виртуозно и не только для меня, а для многих других девушек, которые ему доверяли. В Свято-Никольский монастырь каждый год приходило по несколько человек от отца Афанасия, он был самым близким другом матери Николаи, он поддерживал ее

во всем. А я-то думала смутить его рассказами о том, что на самом деле творится в этом монастыре. Я думала, что он просто не знает, что за человек мать Николая и что за политику она проводит с сестрами, думала, что он все поймет и разберется. После нашего последнего разговора мне стало все ясно: ему сотрудничество с такой влиятельной игуменией гораздо выгоднее, чем со мной, как он выражался, «беглой монашкой». Он не мог принять и мою, и ее сторону; он выбрал то, что ему выгоднее.

...43

В Успенском Шаровкином монастыре все самое интересное только начиналось. Мать Ксения уехала на месяц в Крым. Она недавно приобрела участок в Ялте с тремя, как она выразилась, «домиками» и ехала делать в них ремонт. Я поехала домой и пошла на курсы по мозаике — мне хотелось научиться собирать мозаичные иконы из стекла. Пантелеимона осталась в Ильинском. Она подружилась с матерью Александрой и перебралась жить к ней. Мать Александра была рада, что теперь в ее общине есть хоть одна сестра, она старалась ублажать Пантелеимону как могла, даже подарила ей шубу. Я часто приезжала к ним, подолгу жила и помогала. С матерью Ксенией мы больше не общались. То, что происходило потом, даже не хочется описывать подробно — обычные разборки и борьба за власть. Мать Александра вознамерилась стать игуменией этого несуществую-

щего монастыря и изжить оттуда Ксению. Они с Ксенией по очереди ездили к старцу Илию, наговаривая друг на друга, в надежде, что старец наведет порядок и «разблагословит» соперницу-игумению. Подарками и подношениями мать Александра перетянула на свою сторону отца Павла, заставив его провести приходское собрание. Прихожане давно точили зуб на Ксению за то, что она не занимается реставрацией храма, где с потолка сыпались кирпичи, а в стенах были дыры и бегали крысы. На это приходское собрание мать Ксения приехала не одна. С ней была мать Михаила и еще несколько сестер из Малоярославца. Пока Ксения оправдывалась и отчитывалась о средствах, которые она потратила на «ремонт храма», мать Михаила, выйдя на середину, просвещала прихожан на предмет того, какие ужасные грешницы и блудницы я и Пантелеимона. Бабушки-прихожанки сначала послушали, а потом возмутились и с криками стали выгонять ее из храма. Абсолютным большинством голосов Ксения была отстранена от своих обязанностей. Старостой храма отец Павел назначил мать Александру, которая пообещала, что в ближайшие год-два она преобразит храм. Прихожане поддержали ее кандидатуру. Мать Александра была старостой около года: сделала крышу, поставила временный бумажный иконостас, привезла несколько икон и новый аналой: этим ее реставраторская деятельность и ограничилась. Зато за время своего правления она купила себе участок с домом неподалеку от храма, чтобы не жить рядом с Ксенией.

Ксения от обиды перестала ходить на службы в Успенский храм: молиться она ездила теперь исключительно в Малоярославец. Не знаю, как они там все

договорились, но однажды под Рождество митрополит Климент вызвал мать Александру к себе в епархию. Она приехала и встретила там мать Ксению и мать Николаю, беседующих с митрополитом. Владыка Климент быстро ввел оторопевшую Александру в курс дела: теперь Успенский храм считался подворьем Свято-Никольского монастыря, то есть переходил в руки матери Николаи. Старшей туда была назначена монахиня Михаила, та, которая приезжала в свое время к нам просвещать мать Ксению. Матери Александре предложили стать послушницей у матери Николаи и поучиться у нее истинному монашеству. Та, разумеется, отказалась. Отец Павел тоже переходил теперь под начало матери Николаи: он теперь не был настоятелем, а становился рядовым священником, который приезжал служить за зарплату. Мать Ксения отправилась с пожитками подвизаться в Малоярославец: она надеялась, что мать Николая предложит ей стать старшей в новообразованном Успенском Шаровкином монастыре. Но, прожив у матери Николаи около двух недель, она не выдержала, покинула место подвигов и уехала в Крым, где и живет до сих пор. Мать Александра уехала домой в Троицк. Периодически она звонит и приглашает поехать с ней — по благословению все того же старца Илия — восстанавливать какой-нибудь очередной храм. Пантелеимона поселилась у родственницы и устроилась на хорошую работу.

Я наконец вернулась домой.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Дорогой читатель! Мария Кикоть — это не псевдоним, а мое настоящее имя по паспорту. Я родилась 30 апреля 1980 года в Москве. Мои родители заканчивали тогда Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова. Мой папа, Кикоть Виктор Николаевич, стал хирургом, а мама, Кирюшина Екатерина Ивановна, — акушером-гинекологом. По распределению наша семья переехала в подмосковный городок Видное, где мы жили в медицинском общежитии. Там, когда мне было 4 года, появилась на свет моя сестренка — Олечка. Когда я пошла в школу, нам дали отдельную трехкомнатную квартиру в новом районе. Школа, в которую я пошла, была особенной. Это был первый год так называемого «эксперимента», когда художник и учитель рисования Клятов Борис Алексеевич основал класс «Д» с художественным уклоном. Мой папа, который имел с детства художественные способности

и отлично рисовал, решил отдать меня в этот экспериментальный класс. Учиться там было непросто, но интересно, потому что помимо основных дисциплин у нас были еще: история искусства, рисунок, живопись, скульптура, декоративно-прикладное искусство, мозаика и даже иконопись. Многие мои одноклассники впоследствии поступили в художественные ВУЗы, туда же хотела пойти и я, но родители уговорили меня «заняться чем-то более серьезным, чем рисование». Я поступила в Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н. И. Пирогова. Мне понравилось там учиться, первые два курса я училась почти на отлично, особенно мне нравились анатомия и химия. Но тяга к творчеству у меня осталась, поэтому уже на третьем курсе университета я всерьез увлеклась фотографией. Сначала снимала на папин «Зенит-Е», а потом окончила вечерние курсы по фотографии в Московской академии фотографии при НИКФИ. Фотография увлекла меня полностью, я даже хотела оставить учебу в институте, но только по просьбам родителей закончила обучение. На этом с медициной было покончено, я сняла помещение под фотостудию, своими силами с друзьями сделала там ремонт и занялась творчеством. Я работала над творческими проектами, а также для журналов, рекламных каталогов, магазинов, снимала портреты и портфолио для моделей. Много путешествовала и снимала репортажи. Фотографом я работала с 2000 по 2008 год. Работы, которые я тогда сделала, можно посмотреть на моем персональном сайте в сети.

В 2008 году, мне было тогда 28 лет, я стала православной. Все то, что было после, — я подробно описала в

книге. Уточню только даты: 27 декабря 2008 года я приехала в Новосибирск, в монастырь Св. Архангела Михаила.

Уехала я оттуда два года спустя — в марте 2011 года.

Пожив немного дома, в апреле 2011 года я поступила в Свято-Никольский Черноостровский женский монастырь в Малоярославце. Там я подвизалась три года, с апреля 2011 по март 2014 г.

С марта по ноябрь 2014 г. я жила в скиту Свято-Никольского монастыря в Рождествено.

После этого мой духовник, отец Афанасий, благословил меня продолжить подвиги в селе Ильинском Калужской области в Свято-Успенском Шаровкином монастыре. Туда я приехала в ноябре 2014 года. Прожив там в общей сложности 14 месяцев, я вернулась домой 8 января 2016 года.

После ухода из монастыря я вернулась домой к маме и сестре, которые были несказанно счастливы моему возвращению. Период реабилитации был для меня очень болезненным. Я ведь на самом деле верила, что Господь призвал меня на монашеский подвиг. И сама испытывала сильное желание и стремление идти этим путем, несмотря ни на какие скорби и неприятности. Умереть на этом пути для меня было бы счастьем. И вот, я сошла с этого Креста. Чувство вины и стыда было всепоглощающим. Я думала, что предала Бога, не оправдала Его доверия и любви. Я думала, что для Него была важна моя жертва, мои труды и страдания ради Него, а не я сама, такая, какая

я есть. Я думала, что Господь ждет от человека этой Голгофы и только так можно «заслужить» Его любовь. Непросто было осознать, что любовь, которую нужно заслужить — это не любовь, это плата наемнику за его труд.

Многое переосмысливать я начала уже в Ильинском. Читала книги и делала выводы. Мне очень помогли дневники отца Александра Шмемана, книги Солженицына и различные научные книги по психологии и сектантству, особенно эти: Стэнли Милгрэм «Подчинение авторитету» и Тимоти Лири, М. Стюарт «Технологии изменения сознания в деструктивных культах». К психологам я не обращалась. Еще мне очень помогло то, что в этом процессе осознания я была не одна. В Ильинском мы с матерью Пантелеимоной часами могли говорить и обсуждать то, что с нами произошло. Мы спорили, рассуждали, иногда даже ночами, до утра, пытаясь понять: есть ли наша вина в том, что все вышло именно так? Нужно ли монаху терпеть до смерти — или есть и другой выход? Преодолеть чувства вины, стыда, разочарования и обиды было самым сложным. Не знаю, справилась бы я с этим одна?

Сейчас (пишу это 15 октября 2016 года) я полностью адаптировалась и пришла в себя. Так же и Пантелеимона. Я вернулась к нормальной человеческой жизни. Ушла десоциализация и боязнь людей. Кто-то из философов сказал: «Мудрость — это способность наслаждаться обыденностью». Теперь в этом контексте я могу назвать себя мудрой. Я работаю, как и прежде, фотографом, собираю мозаичные иконы из стекла и смальты, путешествую, общаюсь, люблю.

Мне не нужна больше какая-то другая параллельная реальность, чтобы убежать от жизни и чтобы сделать эту жизнь интересней. Мне все нравится именно таким, какое оно есть. А что будет дальше? Будет ли рай, ад или что-либо другое? Узнаем после смерти. Господь дал нам удивительный механизм, чтобы не грешить — нашу совесть. Думаю, она и подскажет, как нам обрести рай.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Матушкина песня». Стихи монахини Нектарии, ныне игумении Серафимо-Покровского женского монастыря (г. Кемерово):

Сердце матери не может
Не страдать из-за детей.
Есть на свете птица Божья:
Коль птенцов отравит змей —
Кровью сердца их питает,
И уже бессилен яд.
Так и Матушка спасает
Всех своих духовных чад.
Душу каждую жалеет,
Будто слабого птенца,
Сердца кровь от яда змея
Отдавая до конца.
Матушки большое сердце —
Всех оно в себя вместило, —
Мы пришли к нему погреться,
И тепла нам всем хватило.
Пусть Господь подаст вам Духа
И умножит в нас любовь,
Если вера в нас потухла —
Вы ее зажжете вновь.

Пусть поможет Божья Матерь
Крест игуменский нести,
Даст вам сил и благодати
Всех птенцов своих спасти.

2. Письмо одной из сестер, ушедших из Свято-Никольского монастыря в 1993 году:

Маша, здравствуйте! Пишу вам по горячим следам «Исповеди», вам, наверное, многие сейчас пишут — тема слишком больная. Мне было очень интересно, во что развилось это самое малоярославецкое «монашество» — в чем-то ничего не изменилось, в чем-то стало еще страшней. Я из тех самых сестер, которые устроили путч, едва ли не первая бунтарка: почти подралась с матушкой. Расскажу по порядку. Летом 1992 года я приехала с подружками в один мужской монастырь и познакомилась с отцом N., кроме нас там было еще несколько девушек из Москвы, Питера, Украины. Эта встреча не то чтобы полностью перевернула мое сознание, я была уже верующей, но она меня реально оживила — христианство, преподанное батюшкой, вдруг стало осязаемым, реальным, вечно юным. Разговоры с ним были действительно источником живой воды, а то, что я была не одна, а вокруг были такие же ищущие молодые люди, наполняло огромной радостью. Этой радости невозможно забыть, и тогда я поняла, что православие — религия радости. Батюшка некоторое время нес послушание духовника в женском монастыре, где познакомился с матерью Евфрасией (иноческое имя матери Николаи). Она, как и все сестры, жаловалась на игуменью, на многие трудности, чем вызвала у батюшки участие и расположение к себе. Батюшка говорил: какое угодно послушание — только не духовником в женский монастырь, там был ужас. В 1992 г., осенью, мать Евфрасию назначили в Малый, и батюшка нас туда отправил. Так что основной костяк монастыря составили мы, кроме нас

было, может, три-четыре сестры. Батюшку в это время перевели служить в Москву, и мы могли с ним общаться, он к нам приезжал. Поначалу в монастыре было даже душевно, матушка — простая добродушная инокиня, без понтов. Мы радовались, что у нас теперь свой монастырь. Я была в матушкиных любимицах и даже негласной келейницей. Конфликт случился, когда матушка стала требовать открывать ей помыслы, тогда это не означало еще стучать на сестер, я не знала, что она хочет от меня услышать, но меня возмутил сам факт нарушения моей свободы: у меня был духовник, которому я доверяла, и открываться матушке не было никакого желания. Это вызывало ее гнев, я прикидывалась дурочкой, говорила, что у меня нет помыслов. Может, тогда она и не хотела стукачества, но то, что порывалась стать старицей, для нас было очевидно и не могло не пугать. Вообще, исповедь помыслов в матушкиной интерпретации — это какая-то профанация, коверканье древней традиции. Многие современные духовники говорят, что сейчас никто не знает, что это такое, как и многие другие делания и подвиги, описанные в патериках. А матушка со своим четырехлетним на тот момент церковным опытом взялась за такие вещи — понятно, что от этой игры в старчество трудно не повредиться умом. Рождественским постом ее постригли в мантию и сделали настоятельницей. Практически сразу после этого она стала закручивать гайки, внедрять древнее монашество — сестрам с низким давлением по утрам не разрешала выпить чай или кофе, батюшка сказал таскать и жевать всухомятку; начала борьбу с «тайноедением», когда между трапезами нельзя даже сушку съесть. Еда на трапезе, и до этого скудная, стала еще и невкусной, кажется, ее перестали то ли солить, то ли сластить. По воскресеньям читали соборно акафисты в Никольском храме, он тогда был разрушен, зима, холодно, мы были молодые, одевались легко, ноги при-

мерзали к полу, и, помню, моя подружка сказала: «Мне кажется, наша матушка в прелести, она в одних тапочках и легкой шали». Подружка моя отличалась незашоренностью мысли, и для меня это прозвучало как гром среди ясного неба. Великим постом отключили батареи в кельях, чтобы уподобиться древним подвижникам. Все стали болеть. Общение с духовником сводилось на нет. Было видно, что матушка ревнует нас к батюшке, он ей мешал, она хотела единой власти, а мы окормляемся на стороне. Когда я стала понимать, что происходит нечто ненормальное, написала батюшке большое письмо, матушка, увидев его у меня в руках, тут же догадалась, что это, и потребовала отдать, я не подчинилась, она стала вырывать, но я выдержала бой и не отдала. Это была неслыханная дерзость с моей стороны, но и матушкино поведение меня изумило. После этого мы еще с одной девочкой сбежали в Москву к батюшке. Он нас поругал за побег, сказал покаяться и вернуться, хотя и пожалел. Но тогда ему самому было не очень ясно, что делать, не хотел портить с матушкой отношения. Говорил, что нужно смиряться, и все пытались, но стали какие-то нервные, дерганые и унылые.

Меня отправили в «страшное» Барятино, тогда это был скит, я ехала, как на каторгу, нас им пугали, но там я поняла, что это просто-напросто страшилка в качестве кнута. В Барятино было живописно, спокойно, был отдых и послушания были посильные: там я научилась делать творог и масло, варить сыр. Мне попалась самиздатовская книжка писем свт. Игнатия, и это было большим утешением. Мы сами вычитывали все службы, священник был только по воскресеньям и праздникам, без литургии было уныло. Я прожила там с весны по осень 1993 г. В Малом тем временем пошли совсем уж крутые процессы, начались огороды, все очень уставали, болели, не могли молиться, батюшка решил всех забрать,

т. к. всегда очень трепетно относился к нашему здоровью. Стало понятно, что монастырь превратился в колхоз. Мы с другими батюшкиными чадами уехали из Барятино, к огорчению матери Феофилы. Ничего не хочу сказать о ней плохого, отношусь к ней с уважением, но духовное руководство было для нас важнее. Кстати, прп. Зосима Верховский, основавший женскую общину, писал, что женщина не способна заниматься духовным руководством. Мы прожили в Малом ровно год. После ухода наша «шаталова пустынь» расселилась кто в Сергиевом Посаде, кто в Хотьково — снимали домики. Через год батюшке дали храм, там мы и осели. Было очень тяжело сознавать, что некоторые сестры остались с матушкой — это было странно, но они сделали свой выбор. Батюшка нам всем привил любовь к свт. Игнатию, можно было что-то понять, сделать выводы, видимо, они сознательно пошли на то монашество, которое предложила матушка, точнее, игру в монашество — черные одежды, статус. В батюшкином варианте не было формы, зато было содержание в духе православной аскезы — внутреннее делание, включающее в себя молитву и борьбу с помыслами, изучение евангельских заповедей по книгам святых отцов. Это был труд, который, конечно, принимали не все. Сейчас многие пишут в комментах, что надо терпеть, в монастырь для того и идут, чтобы научиться терпению. А я хочу сказать, что и без «помощников» и «доброжелателей» поводов для терпения и стяжания смирения множество, но все должно быть в разуме — от непосильных скорбей можно сломаться, что очень часто и случается. Монашество — это вообще очень обширное поприще для деятельности, именно для внутренней, и кто идет этим путем, тот знает. А тратить драгоценное время на борьбу с самодурством матушки считаю глупым. Когда целью монастыря становится намеренное создание для тебя Голгофы, это говорит о ложном устроении обители и пагубно в первую очередь

для тех, кто это делает, во вторую — для тебя, ибо ты непременно усвоишь этот же образ мыслей, а он не спасителен, поскольку противоречит Евангелию.

В общем, с моего ухода в монастырь прошло семь лет, потом вышла замуж, у нас несколько девочек вышли замуж, у всех свои причины, но я думаю, батюшка разумно отказался от статуса монастыря и постригов, он всегда говорил, что главное — стать монахом внутри. Святитель Игнатий писал еще в XIX веке: «Ищите всюду духа, а не буквы. Ныне напрасно стали бы Вы искать обителей. Их нет, потому что уставы Святых Отцов поражены, правила их рассеяны. Но Вы всегда найдете монахов и в монастырях, и в общежитиях, и в пустынях и, наконец, в светских домах и светских одеждах городских — это явление особенно свойственно нашему веку, ныне не должно удивляться, встречая монаха во фраке». Сестры живут действительно монашеской жизнью, в разуме, в духе Евангелия, главное там молитва, изучение отцов, служение ближним. Я ушла по причине того, что решила, что я не монах. Лично мне не хватило простоты — не евангельской даже, а обычной человеческой: у женщины все-таки более лукавая сущность, может, поэтому женщин среди святых намного меньше, чем мужчин, да и то в основном мученицы, благоверные княгини. Монашество, конечно, позволяет достичь бóльших высот, чем жизнь в миру, но все равно это не самоцель, а лишь средство. Многие смыслы христианства для меня стали открываться уже в замужестве, после 20 лет в Церкви. Не хочется писать банальностей, но главное для нас — Христос. О Нем много говорят в женских монастырях, но в делах Его там нет, увы. Можно проштудировать тома богословских книг, очень красиво говорить и спорить, но слова, которые мы видим почти на всех иконах Христа: «Научитесь от Меня, яко Я кроток и смирен сердцем», — видим и словно не видим.

А это и есть уподобление Христу. И на то, чтобы понять и исполнить эти короткие слова, потребуется целая жизнь, и этого одного достаточно для спасения. Батюшка когда-то давно сказал: не ошибется тот, кто сделает целью своей жизни — стяжание смирения. А ведь каких только целей нет сейчас у людей, в том числе в монастырях! Подлинно смиренные — с миром в сердце — конечно, редкое явление в принципе, но главное, и стремления к этому нет, потому что вкладывают в это понятие иной, непонятно кем придуманный смысл.

Маша, раз уж вы решили вставить меня в книжку, то расставлю некоторые акценты. Все-таки определяющим в нашем решении уйти были не внешние факторы, а именно невозможность общения с духовником. То, что не было нормального отношения к здоровью — хотя это действительно важно, но тогда это не было определяющим, мы были молодые, да и еще не было все настолько круто — важнее всего было отсутствие нормальной духовной жизни, как мы ее понимали. Монах живет все-таки более внутренней жизнью, вот этот «сокровенный сердца человек» все время пребывает в поиске, если он действительно ищет Бога, поэтому должен быть рядом человек более опытный, который сможет тебя привести ко Христу, иначе даже в нормальной обстановке, с благорасположенными сестрами и возможностью молиться это будет «варение в собственном соку». Должно быть движение в правильно заданном направлении с надежным штурманом. Как раз в «Лествице», которую вы ругаете, об этом сказано: «Прежде вступления нашего на сей путь мы должны искусить сего кормчего, чтобы не попасть нам вместо кормчего на простого гребца, вместо врача — на больного, вместо бесстрастного — на человека, обладаемого страстями, вместо пристани — в пучину, и таким образом не найти готовой погибели». То есть дело не в слепом послушании, а в послушании в

разуме. А «Лествица», говорят современные духовники, практически неисполнима в наше время, это только идеал, к которому можно стремиться. Собственно, если нет правильного руководства в монастыре, то жизнь в нем ничем не отличается от колхоза. Кстати, батюшка много писал о проблемах современного монашества, жалко, что у нас на все закрывают глаза, не хотят выносить сор из избы. Церковь свята, а проблем не может не быть, потому что наполняют ее обычные люди со своими страстями. Проблемы надо решать и не бояться разногласий — по апостолу, подобает быть разделениям, чтобы выявились искуснейшие.

Насчет безбожного отношения к здоровью добавлю один штрих, но это норма. Мне довелось побыть в Бородинском монастыре несколько дней. Батюшка искал разные варианты нас пристроить и, перед тем как отправить меня в Малый, послал посмотреть Бородино (его очень нахваливала одна прихожанка). Тогда туда только назначили новую игуменью мать Серафиму, она была красива и смиренна с виду. Сестер было пять-семь, в основном молоденькие веселые девушки. Жизнь, конечно, не налажена еще была. Я помогала на кухне, и меня попросили принести молоко. К моему удивлению, это оказалась большая алюминиевая фляга. Сестра-напарница как бы между делом спросила, «ничего ли у меня не надорвано». Вопрос вообще не предполагал ответа, т. к. она уже взялась за одну ручку и я, опешив, сделала то же. Не знаю, сколько было килограммов, но это была реальная тяжесть для двух хрупких девчонок. И пока мы тащили эту флягу по льду метров десять-пятнадцать, я думала: ага, не надорвано — так надорвешься. Вот такое отношение. Причем в монастыре были мужчины, которых можно было попросить помочь, но это никому даже не пришло в голову, такое «геройство» считается монашеским подвигом. Еще одна

наша сестра некоторое время жила в Крестовоздвиженском монастыре, она вообще имеет слабое здоровье с детства, но ведь в монастыре не положено с этим считаться, она там таскала бревна, после чего стала совсем больной, ее долго потом приводили хоть к какой-то норме. Из Коломны тоже вернулась сестра, изрядно повредившая здоровье. Когда мы жили в Хотьково, уже после Малого, ходили на службы в монастырь, на нас смотрели с интересом, мы были в черных юбках и черных платках, но ни с кем в общение не вступали. Как-то после вечерней службы матушка устроила разгон сестрам прямо в храме, кто-то там у них заболел, лежал с температурой, а матушка ругалась и требовала выйти на послушание. Мы понятливо переглянулись: кругом одно и то же. Было ясно, что искать нечего. Сложился набор «традиций» в постсоветских женских монастырях. Все они пошли из Рижского: Никона шамординская оттуда, потом Николая уже из «шамордома», из Риги и дивеевская игуменья. Затем уже ученицы этих игумений разнесли эти «традиции» по другим монастырям России. То есть все это — «умри на послушании», вот эта бабская жесткость и жестокость, которая никаким боком к Евангелию, — это оттуда. Мать Николая все развила до безобразия. И раз уж есть такая возможность, хочу сказать, что мать Николая за все годы своего монашества так и не узнала Христа, но это ее личное дело. А вот то, что она погубила столько людей, делает ее не кем иным, как слугой дьявола. Мне бы хотелось, чтобы она прочитала это в вашей книжке, я бы сказала ей это в лицо. Конечно, она ответит, что я в прелести, а она терпит поношение и клевету, но Бог ей судья.

P. S. Мне бы очень не хотелось, чтобы ваша книга и мои слова послужили поводом кинуть камень в монашество как Божественное установление. Всегда среди монахов были разные люди: были те, которые, уподобляясь Хри-

сту, преобразили себя и стали святыми, а были те, кто в силу страстей, лени, карьеризма и т. д. не смог этого достичь. Но истинные монахи есть и сейчас. Надо разделять монашество, воспитавшее многих святых подвижников — и таких лиц, как мать Николая.

3. Монастыри, окормляемые игуменией Николаей, где настоятельницами являются ее сестры:

Свято-Алексиевский женский монастырь (г. Саратов), игумения Феодосия;

Свято-Петропавловский женский монастырь (г. Хабаровск), игумения Антония;

Серафимо-Покровский женский монастырь (г. Кемерово), игумения Нектария;

Свято-Успенский женский монастырь (г. Кемерово), игумения Михаила;

Свято-Георгиевский женский монастырь (Ставропольский край), игумения Варвара;

Богородице-Рождественский Ильинский женский монастырь (г. Тюмень), игумения Нина;

Христорождественский женский монастырь (г. Вятка), игумения Феодосия;

Иоанновский женский монастырь (п. Алексеевка Саратовской обл.), игумения Еликонида;

Владимирский женский монастырь (г. Вольск), игумения Макария.